Master Negative Storage Number

OCI00050.03

Evstignieev

Anekdoty i predaniia o Petrie Velikom

Moskva

1873

Reel: 50 Title: 3

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00050.03

Control Number: BGL-7930
OCLC Number : 24854823
Call Number : W 381.5917L Ev79a
Author : Evstignieev.
Title : Anekdoty i predaniia o Petrie Velikom, pervom imperatorie zemli russkoi i o ego liubvi k gosudarstvu : v trekh chastiakh / [sostavitel' Evstignieev].
Imprint : Moskva : Izdanie Manukhina, 1873.
Format : 3 v. in 1 ; 17 cm.
Subject : Peter I, Emperor of Russia, 1672-1725 Anecdotes.
Subject : Peter I, Emperor of Russia, 1672-1725 Legends.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10-28-94
Camera Operator: CS , RT

JOHN
GRISWOLD WHITE
COLLECTION OF
FOLKLORE,
ORIENTALIA
AND CHESS.

A GIFT TO THE
CLEVELAND
PUBLIC LIBRARY

АНЕКДОТЫ И ПРЕДАНІЯ

о

ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ

ПЕРВОМЪ ИМПЕРАТОРѢ

ЗЕМЛИ РУССКОЙ

и

О ЕГО ЛЮБВИ КЪ ГОСУДАРСТВУ.

БЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА МАНУХИНА.
1873.

INFORMATION OBSCURED

Типографія Ф. Іогансонъ, у Красн. вор., д. Іогансонъ.

Сія книга принадлежитъ
Ивану Карпову Карпышеву

Сія книга принадлежитъ
Ивану Васильевичу
Чистову

АНЕКДОТЫ И ПРЕДАНІЯ
ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поводомъ къ изданію этой прекрасной книги, по содержанію драгоцѣнныхъ для каждаго русскаго сказаній послужила извѣстная въ свое время книга: «Сказанія объ императорѣ Петрѣ Великомъ», собранная Д. С. Совѣтникомъ Яковомъ Штелинымъ, въ прошломъ столѣтіи (1787 г)

Штелинъ, Дрезденскій урожденецъ былъ вызванъ въ Россію въ 1873 году императорскою Академій Наукъ, гдѣ скоро снискалъ себѣ знакомство съ графомъ. Линаромъ (чрезвычайнымъ посломъ при Россійскомъ дворѣ). А чрезъ графа Линара онъ сблизился съ лицами, служившими при Особѣ Петра Великаго, таковы

были: генералъ фельдцелхмейстеръ Принцъ Гессенъ-Гамбургскій, Фельдмаршалъ Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, канцлеръ Графъ Бестужевъ, и многіе другія лица, съ которыми Штелинъ имѣлъ близкое знакомство, находясь профессоромъ при Особѣ Его Императорскбго Высочества Петра Ѳедоровича.

Составитель Евстигнѣевъ.

Бракосочетаніе царя Алексѣя Михаиловича съ Натальей Кириловной Нарышкиной.

Бояринъ Артемій Матвѣевъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, состоялъ въ званіи канцлера иностранныхъ дѣлъ и былъ очень любимъ своимъ государемъ, отцемъ Петра Перваго. Царь Алексѣй Михайловичъ удостоивалъ Матвѣева, особенной довѣренности и особенно послѣ смерти первой супруги своей, урожденной княгини Мидославской, царь вопреки обычаямъ прежнихъ государей, хаживалъ къ Матвѣеву, и даже иногда оставался у него ужинать.

Въ одинъ изъ вечеровъ, царь Алексѣй явился къ Матвѣеву въ то время, когда у боярина былъ накрытъ столъ для ужина.

— Ахъ, бояринъ, какъ прекрасенъ твой столъ! онъ во мнѣ возбуждаетъ охоту съ вами поужи-

нать. Хорошо, я останусь съ вами по ужинать, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы за столомъ сидѣли всѣ, какъ это безъ меня бываетъ.

— Я считаю за честь и милость повелѣніе Вашего Величества, отвѣчалъ бояринъ.

На столъ было собрано, кушаніе подали, и царь сѣлъ за столъ, а потомъ вошла жена Матвѣева съ единственнымъ сыномъ и дѣвицею.

Поклонившись царю, по его повелѣнію всѣ сѣли за столъ по своимъ мѣстамъ.

Царь былъ очень веселъ во время ужина и шутилъ съ семействомъ Матвѣева, посматривая по временамъ на сидѣвшую противъ него дѣвицу, которой онъ не видывалъ ни разу въ домѣ боярина. Послѣ ужина государь сказалъ Матвѣеву:

До сихъ поръ я думалъ, что ты имѣешь только сына, а теперь вижу, что у тебя есть дочь, однако я никогда ее не видывалъ.

— Ваше Величество не ошиблись: у меня дѣйствительно только одинъ сынъ, а эта дѣвушка, которую вы видѣли, дочь моего пріятеля и родственника боярина Кирилы Нарышкина; онъ теперь живетъ въ имѣніи. Жена взяла ее къ себѣ, чтобы дать ей городское воспитаніе и современемъ отдать ее замужъ.

Царь похвалилъ за доброе дѣло угодное Господу, и когда семейство Матвѣева вышло изъ комнаты, тогда государь, оставшись съ Матвѣевымъ продолжалъ:

— Да, дѣвица очень красива, и въ такомъ возрастѣ, что можетъ выдти замужъ. По всему видно что она имѣетъ доброе сердце; да, Матвѣевъ! позаботься для нее, чтобы она получила въ замужствѣ хорошаго человѣка.

— Ваше мнѣніе, государь, очень справедливо; она добра, цѣломудренна и очень не глупа; по уму и добродушію ея, не только мы, но и домашніе слуги весьма уважаютъ. Но въ нынѣшнемъ ея положеніи, очень трудно найти жениха; она не имѣетъ ни богатства, ни помѣстья, да я и самъ хотя забочусь о ея выдачѣ за мужъ, а по маломъ своемъ капиталѣ и при не большемъ имѣніи, тоже не могу дать многаго.

— Нѣтъ, ей нужно достойнаго жениха, который былъ бы богатъ, и потому не имѣлъ бы нужды требовать отъ нея, приданаго, а напротивъ могъ бы счастливить ее за ея доброе сердце, говорилъ Государь.

— Ваше величество, нынѣ смотрятъ болѣе на

приданое и богатство невѣсты, чѣмъ на природныя качества.

— Иногда случается и противное, были слова Государя, ты объ этомъ позаботься; я самъ при случаѣ вмѣстѣ съ тобою постараюсь о пріисканіи жениха; она по своимъ качествамъ достойна этого.

Матвѣевъ благодарилъ за честь государя, и проводилъ государя.

Чрезъ нѣсколько дней Алексѣй Михаиловичъ опять посѣтилъ Матвѣева, и въ теченіи двухъ часовъ бесѣдовалъ съ Матвѣевымъ о дѣлахъ государства.

Потомъ, поговоривъ съ Матвѣевымъ, государь всталъ, какъ что то вспомнивъ, опять присѣлъ и сказалъ:

— Да вотъ что Матвѣевъ! скажи мнѣ, не забылъ ли ты о томъ, о чемъ мы разсуждали ранѣе того, когда я у тебя былъ? помнишь разговоръ нашъ, о пріисканіи жениха Натальѣ Кириловнѣ?

— Нѣтъ не забылъ, Ваше Величество! и постоянно думаю, но при всѣмъ моемъ стараніи не могъ пріискать достойнаго; правда, многіе изъ приходящихъ ко мнѣ дворянъ любуются на при-

гожую дѣвушку; но нисколько не видно ни въ комъ намѣренія имѣть ее супругою.

— Прекрасно; этого вовсе и не нужно, я тебя счастливѣе и нашелъ ей хорошаго жениха; можно надѣяться, что она будетъ за нимъ счасливѣе и жить въ довольствѣ, чѣмъ за всякимъ другимъ; тѣмъ болѣе я за него ручаюсь, что хорошо его знаю: онъ добръ, честенъ, имѣетъ почетное мѣсто въ государствѣ и на столько богатъ, что не нуждается ни въ приданомъ, ни въ денежномъ капиталѣ; кромѣ того: онъ ее любитъ и готовъ взять въ замужество для того, чтобы сдѣлать ее счастливою. Ко всему этому. продолжалъ государь, подумавъ: она его видала и знаетъ, хотя до сихъ поръ онъ не подалъ виду, что желаетъ вступить въ брачный союзъ. Мнѣ даже думается и такъ, что она согласится на его предложеніе.

— Ваше Величество! меня избавляете отъ большой заботы. Попеченіе о дѣвицѣ постоянно безпокоитъ мое сердце и я, надѣясь на лестную рекомендацію Вашего Величества вполнѣ убѣжденъ, что Наталья Кириловна будетъ пользоваться счастіемъ всю свою жизнь. Осмѣливаюсь

спросить Ваше Величество могу ли я узнать имя достойнаго жениха?

— Вѣрь моему слову Матвѣевъ, я сказалъ, что его знаю, что онъ можетъ осчастливить твою родственницу, и увѣренъ, что ты этому повѣришь. Но сказать, кто онъ, до времени не могу, нужно прежде узнать согласно ли на это будетъ Наталья Кириловна? сказалъ государь.

— Можетъ ли отказаться Наталья Кириловна, когда жениха предлагаетъ Государь, но какъ хотите, Ваше Величество, а все же она захочетъ узнать того, прежде чѣмъ изъявитъ свое согласіе и это, мнѣ кажется, будетъ съ ея стороны справедливое желаніе.

— Да, ты говоришь вѣрно, замѣтилъ Государь, подумавъ: ну такъ хорошо! знай и ей скажи, что я тотъ самый, который намѣренъ взять ее за мужъ.

Эта нечаянность такъ поразила Матвѣева, что онъ, упавъ къ ногамъ Государя вскричалъ:

Ваше величество! ради Бога удержитесь отъ намѣренія, но если уже намѣреніе вашего величества непремѣнно, то сдѣлайте предложеніе помимо меня. Вамъ извѣстно, Всемилостивѣйшій Государь, что при дворѣ Вашего Величества меж-

ду знатнѣйшими вельможами есть много враговъ, которые на ваши ко мнѣ милости смотрятъ завистливымъ окомъ. Какъ они смотрѣть будутъ, когда Ваше Величество, обойдя прочихъ, сочетаетесь бракомъ съ бѣдною дѣвицею, изъ моего дома? Тогда они имѣютъ болѣе правъ думать, что я во зло употребилъ ваше ко мнѣ расположеніе и довѣріе и свою фамилію захотѣлъ ввести въ родство съ Монаршимъ домомъ.

Все это предположеніе твое, Матвѣевъ, ни къ чему не поведетъ; я уже знаю, какъ отстранить отъ тебя всякую опасность, намѣреніе же мое уже рѣшено и быть по сему.

Ваша воля, Всемилостивѣйшій Государь, и да благословитъ Богъ Вашего Величества желаніе. Но если ваша воля неизмѣнна и намѣреніе свято, то буду просить одного, чтобы Ваше Величество хотя для одного виду, какъ обыкновенно велось изстари, пригласили ко двору нѣсколько дѣвицъ изъ знатнѣйшихъ фамилій, въ числѣ которыхъ была бы и Наталья Кириловна.

Все это должно быть тайной кромѣ меня и васъ, такъ что даже бы незнала объ этомъ сама Наталья Кириловна.

Послѣднее предложеніе Матвѣева, Алексѣй Ми-

хайловичъ принялъ съ удовольствіемъ и согласился никому не открываться.

Спустя нѣсколько недѣль Царь въ тайномъ совѣтѣ объявилъ свое намѣреніе о вступленіи въ бракъ и приказалъ назначить день, въ который должны собраться ко двору взрослыя дочери всей тогдашней аристократіи. 60 боярскихъ и княжескихъ дочерей собрались во дворецъ, между которыхъ находилась Наталья Кириловна; всѣ дѣвицы были прекрасно угощаемы и послѣдняя была объявлена Царскою невѣстою.

Разсказъ слышанъ отъ графини Маріи Андреевой Румянцевой, внуки упоминаемаго здѣсь боярина Артемья Матвѣева.

Предсказаніе о рожденіи и славѣ Петра Великаго.

Во время благополучнаго царствованія Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича въ Москвѣ жили два ученые мужа, одаренные свѣтлымъ разумомъ, святою жизнью, которые были свѣдущи въ астрономіи. Одинъ изъ нихъ былъ Симеонъ Полоцкій, преподаватель духовныхъ наукъ Царевичу Ѳеодору Алексѣевичу, а другой былъ никто иной, какъ Архіепископъ Ростовскій. Оба эти мужа извѣстны своей духовною литературою; первый написалъ: Духовная Вечеря и др. а Димитрій Архіепископъ Ростовскій между прочимъ незабвененъ составленіемъ житія святыхъ, (Минеи Святыхъ), и сопричисленъ Православной Церковью къ лику Святыхъ Угодниковъ.

Бракосочетаніе царя Алексѣя Михайловича совершилось 28 августа съ царицею Натальей Ки-

риловной, и въ ту же самую ночь наблюдатели за теченіемъ звѣздъ замѣтили, что не далеко отъ планеты Марсъ появилась новая звѣзда; эту звѣзду наблюдатели признали за хорошее предзнаменованіе, описали ее благотворное вліяніе на землю и узнали, что царица должна была родить сына Петра.

Симеонъ Полоцкій на другой день, то есть 29 августа явился къ государю и поздравилъ его съ зачатьемъ во чревѣ сыномъ и пожелалъ счастія, сказавъ: онъ долженъ родиться 30 мая и взойти на твой престолъ. «Онъ пріобрѣтетъ себѣ всемірную извѣстность и заслужитъ такую славу, какой не имѣлъ еще никто изъ предшествовавшихъ ему Русскихъ Царей. Онъ будетъ великій и удивленія достойный побѣдитель и многіе падутъ отъ меча его; злобствующіе на него сосѣди будутъ имъ побѣждены. Множествомъ славныхъ дѣлъ, онъ превзойдетъ своихъ предковъ. Онъ будетъ много путешествовать; онъ будетъ встрѣчать со стороны подданныхъ много препятствій и въ борьбѣ съ этими препятствіями укротитъ много безпорядковъ и возмущеній. Въ теченіи своей жизни какъ на сушѣ, такъ и на моряхъ совершитъ много славныхъ дѣлъ. Искореняя злодѣевъ,

онъ будетъ любить и поощрять трудолюбивыхъ, свято сохранитъ вѣру и совершитъ много славныхъ дѣлъ, что не преложно предзнаменуютъ небесныя свѣтила. Все упомянутое я видѣлъ, какъ въ зеркалѣ и я вашему величеству представляю оное письменно».

Въ утвержденіи справедливости Симеонъ подписалъ бумагу и подалъ Его Величеству.

Царь Алексѣй Михайловичъ, принявъ отъ Симеона Полоцкаго это рукописаніе, прочиталъ, приказалъ прочитать вторично и позвать Царицу Наталью Кириловну.

Наталья Кириловна явилась на приглашеніе царя, тогда Алексѣй Михайловичъ, вставъ съ своего мѣста, поцѣловалъ молодую царицу и представилъ ей Полоцкаго, который изъявилъ и ей свое поздравленіе, присовокупивъ, что Ея Величество будетъ три дня по рожденіи царевича мучиться тоскою и болѣзнью; но Ваше Величество будете живы и здравы и покровительствуемы Богомъ.

Лишь только Полоцкій вышелъ изъ царскихъ чертоговъ, какъ замѣтилъ, что за нимъ слѣдовали четыре человѣка изъ придворныхъ служителей, которые провожали до дому; когда же По-

лоцкій спросилъ ихъ: что за причина тому, что они слѣдятъ? тѣ отвѣчали, что по повелѣнію Царскаго Величества они опредѣлены къ нему въ видѣ почести для услугъ; но разумѣется, это было нѣчто въ родѣ караула до того времени, пока видимо не убѣдился Государь въ дѣйствительной беременности Царицы.

Наступилъ ноябрь и царь Алексѣй Михайловичь приказалъ позвать Полоцкаго во дворецъ; здѣсь онъ долго и подробно разспрашивалъ объ астрономіи и Полоцкій объяснилъ государю, что въ теченій звѣздъ и другихъ небесныхъ свѣтилъ по Божьему произволу можно читать, какъ прошедшее, такъ и будущее. Государь былъ очень доволенъ отвѣтами ученаго мужа и оставилъ его у себя откушать.

Съ этого время Полоцкій болѣе не находился подъ карауломъ.

Наступило 28 мая, день, въ который долженъ былъ родиться Петръ Великій. Полоцкій явился во дворецъ, Государь былъ очень грустенъ, потому что Царица уже страдала.

Полоцкій сталъ увѣщевать государя, чтобы онъ не тосковалъ и, возложивъ упованіе на Гос-

пода, не ослабѣвалъ въ молитвѣ, причемъ прибавилъ, что Царица еще прострадаетъ два дня.

Полоцкій остался при государѣ усердно молясь и проливая слезы. Между тѣмъ болѣзнь царицы до того усилилась, что ее уже пріобщали святыхъ Божественныхъ тайнъ. При всемъ этомъ Полоцкій увѣрялъ Государя и съ нимъ бывшихъ, что нечего опасаться болѣзни Царицы, потому, что Царица не умретъ, а разрѣшится живымъ младенцемъ чрезъ пять часовъ.

Коль скоро прошло четыре часа и наступилъ пятый, Полоцкій упавъ на колѣни, молился вслухъ Богу, чтобы Царица еще часъ не разрѣшалась.

Алексѣй Михайловичь разгнѣвался и вскричалъ: «зачѣмъ такъ молишься? Царица итакъ при смерти и въ безпамятствѣ»..... но Полоцкій отвѣчалъ:

— Великій монархъ! есть причина на это.

— Какая? спросилъ царь.

— Та, что если царевичъ родится въ первую половину пятаго часа, то онъ будетъ жить около пятидесяти лѣтъ, а если родится въ вторую, то проживетъ до семидесятилѣтняго возраста.

Пока говорили Полоцкій съ Государемъ, какъ донесли царю, что царица требуетъ къ себѣ су-

пруга. Царь отправился въ спальню и воротясь объявилъ Полоцкому, что государыня разрѣшилась, тогда Полоцкій принесъ государю свое поздравленіе. Это случилось въ 1672 году мая 30 дня, и новорожденный царевичъ былъ нареченъ Петромъ, какъ было предсказано Полоцкимъ.

Кромѣ предсказанія Полоцкимъ, мы представляемъ здѣсь письмо присланное профессоромъ Гревіусомъ къ г. Генсіусу въ Москву на латинскомъ языкѣ:

Quae temporo, que Princeps inventutis Ruthenicae Petrus Moscoviae in lucem editus, accedisse et ex cursu stellarum observata suisse, scribis, Astro ogi nostri et quot-quot variciniis inhiant, ac suturorum praedicris student, tanquam omnia digna diligenter notarunt, hoc addito, eadem nativitatis die Regem Galliarum Rhenum, Turcarum vero Imperatorem Tiram cum exercitii trajecisse, illum inde IV Provincias soederati Belgii, hunc vero Podoliam et Commimecum debellasse. Eoque magis ominatores nostri, qui, ex certo siderum positu et rebus alibi eodem tempore gestis, sato hominibus pondere et praedicer

praessumunt, hariolantur, neonatum puerum olim bellic osum melutum ac hostibus insestum evasurum. Verum haec omnia forttuitto esse arbitror, eisque parum, prout tu ipse facere videris tribuerre solio. Sit modo suo tempore Petrus bonus Pastor Poimin, laon ut tandem Scythicam barbariam, qua semptentriona les, maxume et pellithae gentes infuseantur, L. Lut salutaribus latis devincere possit. Vale etc.

Это письмо въ русскомъ пореводѣ слѣдуетъ читать:

Тѣ особенности въ теченіи свѣтилъ, примѣченныя и относимыя тобою ко времени рожденія въ Москвѣ Русскаго Царевича Петра примѣчены и нашими астрономами и любителями упражняться астрономіей; кромѣ того замѣтили и относятъ къ замѣчательнымъ случаямъ то, что въ тотъ самый день французскій король перешелъ съ войскомъ Рейнъ, а турецкій султанъ Днѣстръ; при чемъ король овладѣлъ четырьмя провинціями соединенныхъ Нидерландъ, а Турецкій Султанъ Подоліей и Каменцемъ, изъ чего астрономы заключили, что по положенію свѣтилъ и по произшествіямъ въ тоже время въ другихъ мѣстахъ

случившихся заключаютъ, что Царевичъ будетъ воинственнымъ, славнымъ и страшнымъ для враговъ. Съ своей стороны я не уважаю этихъ предсказаній и отношу болѣе къ случаю, въ чемъ конечно и ты со мною согласенъ. Да даруетъ Богъ, чтобъ Царевичъ Петръ былъ въ свое время добрымъ пастыремъ народа, который бы грубые скифскіе сѣверные нравы укротилъ спасительными законами. Г.

Образъ жизни Петра Великаго.

Петръ Алексѣевичъ вставалъ всегда рано, такъ что зимою въ четыре часа по полуночи онъ уже занимался государственными дѣлами и въ шесть часовъ послѣ завтрака, ѣздилъ въ адмиралтейство, въ сенатъ и въ другія присутственныя мѣста. Обѣдалъ онъ въ часъ и ѣлъ очень простое кушанье; блюда эти всегда состояли изъ щей, каши, студня, поросенка холоднаго въ сметанѣ, жаркое съ огурцами или солеными лимонами, ветчина и лимбургскій сыръ; также кушалъ салакушку.

Предъ обѣдомъ онъ всегда выпивалъ по рюмкѣ анисовой водки и закусывалъ баранкой, а застоломъ пилъ квасъ и хорошее красное вино, или Эрмитажъ, венгерское пилъ, но рѣдко. Послѣ обѣда отдыхалъ часа два, а въ четыре часа приказывалъ подавать къ докладу дѣла, которыя заготовлялись утромъ.

Великій монархъ никогда не ужиналъ и неупотреблялъ въ пищу рыбы, потому что она была ему вредна. Въ началѣ своего царствованія Петръ первый не употреблялъ никакого вина, и тогда его любимымъ напиткомъ былъ квасъ; потомъ сталъ пить красное французское вино, медокъ, когоръ и другія. Но послѣ того, какъ онъ страдалъ долговременнымъ поносомъ, по совѣту лейбъ-медика Арескина Его Величеству было предложено пить Эрмитажъ, который онъ потомъ предпочиталъ всѣмъ прочимъ. Въ обществѣ онъ былъ веселъ, словоохотенъ, простъ и безъ всякихъ чиновъ; веселыя бесѣды для него были весьма пріятны, только онъ не могъ терпѣть своевольства.

Отъ барона Ивана Антоновича Черкасова.

Справедливость.

Петръ любилъ справедливость и того же требовалъ отъ каждаго; онъ огорчался, когда видѣлъ въ чемъ нибудь неправду и тысячи опытовъ могутъ быть тому доказательствомъ.

Голландецъ Даасъ хозяинъ торговаго судна былъ изъ числа трехъ первыхъ переведшихъ часть торговли изъ Архангельска въ С.-Петербургъ, и потому разумѣется первѣе всѣхъ пріѣхали въ новоотстроенную гавань въ Кронштадтъ, а оттуда въ С.-Петербургъ.

Въ третій разъ уже Даасъ пріѣхалъ на кораблѣ въ Кронштадтъ, и такъ какъ тамъ не было отдѣльной гавани для купеческихъ кораблей, то какъ военные, такъ и купеческіе корабли стояли вмѣстѣ, то корабль Даасъ, на всѣмъ ходу нечаянно разлетѣвшись, разбилъ на военномъ фрегатѣ Фалльрипъ (небольшую висячую лѣстницу, по которой всходятъ на бортъ корабля.)

Капитанъ военнаго корабля, разсердившись на неосторожнаго Дааса, обругавъ его, тотчасъ при-

казалъ взять подъ караулъ и сталъ требовать съ него за фалдринъ деньги. Голландецъ съ охотой соглашался на это, но капитанъ былъ этимъ не доволенъ и поставилъ на голландскій корабль нѣсколько человѣкъ солдатъ и матросовъ.

Къ счастію голландца на другой день пріѣхалъ въ Кронштадтъ государь, тогда Даасъ, не соглашаясь на требованіе капитана, лично объяснилъ оскорбленіе нанесенное капитаномъ и не сообразное требованіе уплаты. Государь успокоилъ голландца, сѣлъ въ шлюпку и поѣхалъ въ гавань, дабы самому осмотрѣть поврежденіе; но фрегатъ былъ совершенно невредимъ и вся вина голландца состояла въ томъ, что онъ раздробилъ фалдринъ, который въ нѣсколько часовъ можно сдѣлать новый. Тогда государь сказалъ капитану:

— Не стыдно-ли тобѣ такъ несправедливо поступать съ иностранцами, которыхъ я самъ ласкаю, чтобы привлечь ихъ въ новую гавань. Тотчасъ сними съ голландскаго корабля караулъ. Даасъ тебѣ былъ согласенъ заплатить въ десятеро болѣе, чего стоитъ фалдринъ, но ты и этимъ недоволенъ. Если ты еще разъ такъ сдѣлаешь и я услышу объ этомъ, то я тебя порядкомъ проучу. Прикажи, чтобы чрезъ три часа

былъ готовый новый фалдринъ. Государь отправился на шлюпкѣ по гавани осматривать вновь воздвигаемыя строенія и чрезъ три часа возвратился на фрегатъ.

— Что готовъ фалдринъ?

— Готовъ, ваше величество.

Государь посмотрѣлъ, фалдринъ оказался невыкрашенъ.

Прежній былъ окрашенъ, что же ты не выкрасилъ, когда я приказалъ тебѣ сдѣлать во всемъ подобнымъ бывшему?

— Виноватъ, не поспѣлъ, Ваше Величество, отвѣчалъ капитанъ.

— Берегись моей немилости и будь впередъ справедливѣе во всѣхъ случаяхъ и будь учтивъ и дружелюбенъ со всѣми иностранцами, сказалъ Государь.

Отъ генералъ-экипажъ-мейстера Брюйна.

Любознательность.

При своей рѣдкой любознательности Петръ посѣщалъ мастерскія, фабрики и повсюду старался вникать въ подробности какого нибудь полезнаго ремесла и промысла.

Онъ не гнушался посѣщать грязные дома крестьянъ и разговаривать съ ними объ ихъ житьѣ-бытьѣ, о промыслахъ, выспрашивать о нуждахъ и пр.

Въ бытность свою въ Архангельскѣ, онъ пришелъ на Двину, и увидалъ тамъ множество различныхъ нагруженныхъ барокъ. Когда монархъ спросилъ: «что это за суда и съ чѣмъ онѣ?» то ему отвѣтили, что суда эти съ горшками и другой глиняной посудой, привезенными для продажи изъ Холмогоръ.

Государь этимъ не удовольствовался и пошелъ лично посмотрѣть на товаръ, и въ самомъ дѣлѣ увѣрился, что большая часть лодокъ и судовъ была нагружена горшками. Осматривая гончарныя издѣлія, разспрашивалъ о издѣліяхъ, какъ онѣ приготовляются, гдѣ берутъ глину, сколько

получаютъ пользы и прочее и не безъ труда переходилъ съ судна на судно.

Такимъ образомъ переходя по доскѣ Петръ Великій сорвался съ одной изъ нихъ и упалъ въ судно нагруженное горшками. Къ счастію онъ ни чѣмъ себя не повредилъ, но много набилъ посуды при своемъ паденіи.

Хозяинъ судна съ посудою, почесавъ затылокъ, взглянулъ на императора и сказалъ съ простодушіемъ: «ну отецъ! немного же мнѣ доведется привести денегъ съ рынку.»

— А сколько ты думалъ? спросилъ государь.

— Да батюшка, еслибы посчастливилось, привезъ-бы алтынъ сорокъ и побольше.

Тогда государь, вынувъ изъ кармана червонецъ и подавая его крестьянину, сказалъ:

— Вотъ тебѣ деньги, которыя ты думалъ выручить, на сколько они тебѣ милы, на столько и мнѣ пріятно, что ты не можешь на меня жаловаться.

Отъ профессора и поэта Ломоносова, родившагося въ Холмогорахъ, которому разсказывалъ его отецъ бывшій при этомъ происшествіи.

Вѣротерпимость.

Бывши въ Голландіи, Петръ осматривалъ съ большимъ вниманіемъ всѣ достопримѣчательности Амстердама и не безъ удивленія замѣтилъ, что тамъ жили многіе разновѣрцы и люди всѣхъ націй и кромѣ того имѣли свои церкви и открытые молельни, гдѣ совершалось богослуженіе открыто.

Петръ Великій осматривалъ эти храмы и молельни и замѣчалъ эти различія, между прочимъ его поразило также единодушіе націи исповѣдывавшихъ различныя религіи и жившихъ между собою въ ладахъ и неимѣвшихъ между собою никакихъ распрей. И вотъ однажды, бесѣдуя съ правителемъ о разныхъ государственныхъ дѣлахъ, онъ коснулся между прочимъ и того порядка вещей, при которыхъ допущено исповѣданіе вѣры. Правитель отвѣчалъ, что Амстердамъ открытое мѣсто для торговли всѣмъ націямъ, поэтому государство позволяетъ исповѣданіе, такъ какъ ему нѣтъ нужды до того, кто во что вѣритъ, и какъ совершаетъ свое богослуженіе, лишь бы только

не нарушалъ государственныхъ законовъ; и опытъ доказываетъ, что государство ничего не теряетъ, а напротивъ такая мѣра напротивъ способствуетъ населенію и доходамъ.

Петру Великому это понравилось и онъ сказалъ: Да! это правда; я самъ хочу въ своемъ новомъ городѣ Петербургѣ завести этотъ порядокъ... что въ самомъ дѣлѣ и было исполнено. Онъ допустилъ свободное исправленіе всѣхъ Христіанскихъ вѣръ, дозволилъ строить церкви на показанныхъ мѣстахъ и даже позволилъ устроить духовный совѣтъ и совершать по своимъ законамъ браки и другія обряды, внѣ вѣдомства Святѣйшаго Сунода, и другихъ присутственныхъ мѣстъ и коллегіи.

Но при всей своей вѣротерпимости Великій монархъ всѣми мѣрами старался истреблять расколы и крамолы въ средѣ своихъ подданныхъ исповѣдовавшихъ Греческую вѣру.

Въ самомъ дѣлѣ раскольники много вредили пользамъ отечества и много мѣшали въ дѣлахъ Петра.

Ни кротнія средства, ни наказаніе не могли не только уничтожить, но даже ослабить дикія понятія посѣянныя въ средѣ раскольниковъ.

Долго бился съ ними Императоръ и наконецъ оставилъ ихъ съ тѣмъ подтвержденіемъ, чтобы всѣ тѣ, которые признаютъ и наслѣдуютъ старую вѣру для различія отъ православныхъ греко-каѳолическихъ христіанъ, носили на спинѣ, на платьѣ особый знакъ изъ желтаго и краснаго сукна, въ формѣ продолговатаго четырехъ-угольника. Монархъ думалъ, что этотъ особый нарядъ, отличающій раскольниковъ отъ прочихъ православныхъ, долженъ сдѣлать ихъ смѣшными и презираемыми; но и эта мѣра была малодѣйствительна; раскольники не стыдились и остались въ своемъ закоснѣніи, нося свои цвѣтныя козырьки.

Спустя нѣсколько лѣтъ, по введеніи государемъ отличительныхъ козырьковъ, Петръ первый на С.-Петербургской биржѣ въ группѣ русскихъ и иностранныхъ негоціантовъ встрѣтилъ нѣсколькихъ калужскихъ богачей въ одеждѣ съ желтыми козырьками, которые вели заграничную торговлю юфтью, пенькою и другими товарами. Государь, пожавъ плечами, спросилъ одного изъ стоявшихъ:

— Что эти раскольники честные люди или нѣтъ?

— Честные, государь, былъ общій отвѣтъ.

— Можно имъ вѣрить?

— Можно, государь.

— Хорошо. Если они таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ, чему хотятъ и носятъ свой козырь; и если ихъ нельзя отвлечь отъ суевѣрія разсудкомъ, то конечно здѣсь ни огонь ни мечь помочь не въ силахъ, а мучениками за глупость ни они быть не заслуживаютъ, ни государство пользы имѣть не будетъ.

Отъ Германа Мейера банкира при Петрѣ Великомъ, жившаго въ Москвѣ.

Усердіе къ вѣрѣ.

Петръ первый съ дѣтскихъ лѣтъ былъ исполненъ страха Божія, и до глубокой старости остался въ немъ непоколебимъ, несмотря на потрясенія, которыя сильно безпокоили всю жизнь монарха; но не смотря на свое усердіе къ вѣрѣ Христовой онъ былъ врагъ всего того, что происходитъ отъ суевѣрія или отъ фанатизма и

былъ врагъ хулителей вѣры, безбожникамъ и крамольникамъ всегда говорилъ:

Они враги! они подрываютъ основаніе законовъ, на которомъ утверждается клятва и всѣ обязательства; они наносятъ стыдъ благоустроенному государству.

Однажды донесли государю Петру первому что взятъ подъ стражу человѣкъ, который въ многолюдномъ собраніи; хулилъ имя Божіе государь немедленно приказалъ посадить этаго хулителя на цѣпь, сказавъ: «это безумецъ! иначе немогъ бы онъ безъ благоговѣнія произносить о Всевышнемъ Существѣ, которое все создало и въ состояніи все разрушить, а не хулить своего создателя.

Для избавленія этаго несчастнаго отъ царской строгости, Петру Первому доложили, что этотъ человѣкъ произносилъ хулу въ пьяномъ видѣ.

— «Тѣмъ хуже онъ достоинъ наказанія, потому что онъ богохулитель и предался безразсудному пьянству, какъ безумному состоянію.»

Наконецъ сильные представители, опасаясь, что государь лишитъ хулителя языка, предложили монарху сослать его въ Сибирь въ монастырь, для работъ на мельницѣ и на другія тяжелыя

работы, гдѣбы будучи подъ строжайшимъ карауломъ, могъ бы раскаяться.

Вообще о вольнодумцахъ и атеистахъ Петръ первый говорилъ такъ:

Мнѣ много разъ приходилось въ Амстердамѣ слушать рѣчи такихъ людей. Но, слушая такихъ людей, я о нихъ вывелъ заключеніе, что ихъ должно презирать, а не уважать и удивляться. Въ ихъ словахъ видны буйство, гордость и вѣроломство. Въ ихъ презрѣніи священнаго писанія, на которомъ основана вѣра, видно вѣроломство, въ невниманіи къ разумѣнію христіанской вѣры видно буйство, а дерзкое истолкованіе и искаженіе смысла священнаго писанія выражающее собою то, что хулители ставятъ себя выше мужей, доказавшихъ истину священнаго писанія, указываютъ на ихъ гордость; но цѣлая шайка безразсудныхъ послѣдователей неимѣетъ столько разума, сколько одинъ изъ христіанскихъ мужей потому что эти люди содѣйствуютъ къ распространенію разпутства и ослабляютъ государственное устройство.

Отъ фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкаго.

При неутомимой дѣятельности государя Петра онъ не упускалъ случая, чтобы не присутствовать при Божественной службѣ. Будучи врагомъ всевозможнаго суевѣрія, онъ однако крѣпко держался существенности службы и старался внушить это совѣтами и примѣромъ. Онъ также терпѣть немогъ, чтобы по праздникамъ работали и тѣмъ нарушали торжественность и святость этихъ дней.

Въ рѣдкихъ случаяхъ разрѣшалъ публичныя работы, и то послѣ божественной литургіи и всегда говорилъ:

— Кто забываетъ Бога, тотъ и со многимъ трудомъ пріобрѣтетъ мало и не будетъ имѣть благословенія.

Отъ фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкаго.

Петръ великій уважалъ реформатскую и лютеранскую вѣру и съ неудовольствіемъ отзывался о римско-католической, которая имѣетъ слишкомъ много власти и часто бывалъ въ лютеранской и реформатской церкви, какъ во время путе-

шествія, такъ и въ Москвѣ, слушалъ проповѣди и вникалъ въ наружные обряды.

Въ бытность свою въ Москвѣ, онъ приказалъ освѣдомиться объ отправленіи тайной вечери въ лютеранской церкви.

Узнавъ, что это будетъ совершаться въ воскресенье, прибылъ въ церковь почти въ половинѣ проповѣди. При входѣ въ церковь, онъ подалъ знакъ къ спокойствію то есть, чтобы ни кто не вставалъ и неоглядывался отъ его появленія и, сѣвъ въ кресла противъ алтаря, началъ усердно внимать богослуженію.

По окончаніи проповѣди начали пѣть молитву къ святому причащенію. Императоръ приказалъ подать себѣ книгу и показать въ нимъ молитву. Когда же наступилъ актъ св. причащенія, то Петръ Великій приближился къ алтарю и сталъ близь пасторовъ Рейхмута и Ролоффа, примѣчая со вниманіемъ процессъ священнодѣйствія. Скоро народъ вышелъ изъ церкви, а императоръ остался.

Когда въ церкви остались императоръ и пасторы то Петръ Великій изъявилъ имъ свое полное удовольствіе за проповѣдь, говоря:

Мнѣ очень жаль, что онъ не можетъ въ русскихъ церквахъ достичь того, чтобы были про-

повѣди, какъ можно чаще, и выражались болѣе убѣдительно для того, чтобы возбудить въ его подданныхъ стремленіе къ благочестію и съ тѣмъ вмѣстѣ къ искорененію злыхъ привычекъ. Переговоривъ съ пасторами о Богослуженіи онъ, изъявляя свое удовольствіе, обѣщалъ покровительство и милость пасторамъ и ихъ церкви.

Слышано отъ вдовы пастора Рейхмута.

Уваженіе къ добрымъ дѣламъ и наказаніе за взятки.

Въ Москвѣ былъ одинъ довольно извѣстный стряпчій, который слылъ за искусснаго, и къ тому же былъ знакомъ также хорошо съ римскими законами, какъ и съ со всѣми уложеніями русскихъ царей; притомъ зналъ, какъ говорится, на зубокъ всѣ изданные указы.

Такой человѣкъ былъ находкою для многихъ судей, потому, что часто былъ наставникомъ судей въ трудныя минуты и, конечно, могъ направлять ихъ кривымъ путемъ въ ущербъ правосудію. Точно также онъ и самъ оправдывался

во многихъ случаяхъ, когда на него жаловались по несправедливому веденію дѣла. Объ этомъ адвокатъ или, на старинномъ языкѣ,—объ этомъ стряпчемъ было донесено государю Петру Первому.

Императоръ не вѣрилъ вполнѣ доносамъ, но любилъ повѣрять ихъ и, сличая свое собственное возрѣніе съ уликами другихъ, старался самъ повѣрить, на сколько человѣкъ этотъ виновенъ, потому что царь — самый неподкупный судья своихъ подданныхъ.

Стряпчій былъ призванъ. Его величество призывалъ этаго стряпчаго неоднажды и встрѣтилъ въ немъ совершенно противъ ожиданія человѣка вполнѣ образованнаго, знающаго законы всѣхъ вѣковъ и народовъ, какъ русскіе, какъ видно, слѣдившаго за всѣми дѣлами и распоряженіями Петра; этотъ человѣкъ понравился Императору по ясности мысли, по силѣ и краснорѣчію выраженія и по чистотѣ заключеній тѣхъ неразумѣній, которыя къ разрѣшенію предлагалъ ему Петръ Первый въ видѣ испытаній. Словомъ, государь нашелъ въ этомъ стряпчемъ по мысли человѣка, вполнѣ соотвѣтствующаго его мудрымъ предначертаніямъ и, видя въ немъ по дѣлу исполнителя, принялъ его въ свою службу и даже

вдругъ изъ простаго стряпчаго возвысилъ на степень главнаго судьи въ Новгородской губерніи.

Государь при дарованіи ему такой должности объявилъ, что онъ де, Государь надѣется на его искусство въ судопроизводствѣ и на его справедливость и не мыслитъ, чтобы знатность и богатство могли повліять на нарушеніе святости закона; напротивъ, онъ думаетъ, что при глубокомъ изученіи закона низринутся всѣ взятки и кровотолки въ судопроизводствѣ, а затѣмъ долговременныя тяжбы, которыя неразлучны съ подарками.

Новопожалованный судья обѣщалъ, что въ благодарность за Высочайшую довѣренность Его Императорскаго Величества онъ будетъ точно исполнять свою должность и не запятнаетъ священное званіе судьи.

Такъ онъ и въ самомъ дѣлѣ къ удовольствію Государя Императора честно служилъ.

Неизвѣстно, сколько времени прослужилъ этотъ стряпчій въ должности судьи; но только прошелъ глухой слухъ, что онъ беретъ взятки и, оказывая несправедливость, нарушаетъ законное правосудіе.

Жалобы дошли до престола Петра Перваго. Его предположеніе не оправдалось; ему казалось что это клевета язычниковъ, но доказательства были ясны. Во всякомъ случаѣ Императоръ предполагая, что можетъ узнать лучше то, что онъ слышалъ изъ устъ человѣка, котораго онъ знаетъ, и жалобы на котораго онъ считалъ прежде за клевѣты.

Чтобы не оскорбить лице, поставленное на высокую степень въ общественномъ мнѣніи, Петръ Великій усугубилъ справки; эти справки болѣе и болѣе увѣряли его въ справедливости противъ главнаго судьи. Петръ первый вызвалъ судью, котораго опредѣлилъ съ тѣмъ, чтобы онъ собою показалъ образецъ правосудія, а онъ между тѣмъ поддержалъ собою взяточниковъ и взятку, а съ тѣмъ вмѣстѣ нарушалъ справедливость.

Государь строго изслѣдовалъ судью и наконецъ дознался вотъ въ чемъ:

Судья ослѣплялся подарками въ формѣ разныхъ приношеній и рѣшалъ въ пользу тѣхъ, которые были несправедливы, а справедливые доводы опровергалъ, какъ лживые. Это потрясло государя и онъ спросилъ:

— Что за причина была тому, что ты испортился, то есть измѣнилъ тому обѣщанію, которое мнѣ своему Государю предъявилъ и потомъ присягнулъ?.... Вѣдь я не ожидалъ этого отъ тебя. Вѣроятно, тебя къ тому побудили какія нибудь особыя причины?

Государь! только твое правосудіе можетъ мою жизнь прекратить или даровать мнѣ новую жизнь! Слушай же меня: я однимъ жалованіемъ и работой едва могъ на твоей службѣ что либо пріобрѣсть, тогда, какъ находясь въ своемъ званіи я могъ кой что запасти, не подвергая себя въ долги; вотъ что заставило уклониться меня отъ правды.

— Такъ сколько же тебѣ нужно, чтобы ты былъ сытъ и доволенъ, небралъ бы взятки и поступалъ бы справедливо въ дѣлѣ осужденія и оправданія? спросилъ Петръ Великій.

— Покрайней мѣрѣ вдвое, противъ того, сколько я теперь получаю, отвѣчалъ судья.

— Хорошо. И ты будешь дѣйствительно доволенъ, станешь вѣрно исправлять свою должность, небудешь брать взятокъ и поступать несправедливо съ невинными? Спросилъ Государь.

Совершенно буду доволенъ, Ваше Величество! по невѣрности мною сказаннаго я предаю себя Вашему строжайшему наказанію по вѣрному въ томъ обличенію.

— Хорошо! отвѣчалъ государь, я тебѣ прощаю, и мало того: опредѣляю жалованія въ полтора болѣе прежняго только, чтобы ты сдержалъ свое слово и по мѣрѣ моей къ тебѣ довѣренности къ твоему званію, всегда поступалъ бы честно и правосудно. Но кромѣ того я тебѣ скажу еще вотъ что: я отнынѣ буду за тобою слѣдить и если ты, чего храни Богъ, прельстишься подарками или деньгами, то повѣрь мнѣ, будешь повѣшенъ.

Судья нѣсколько лѣтъ подвизался безъукоризненно на своемъ поприщѣ, наконецъ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, измѣнилъ своему намѣренію и данному монарху слову, разсчитывая, что и Петръ Великій забылъ свое обѣщаціе его повѣсить. Опять пошли взятки и нарушеніе правосудія и, разумѣется, дошло до Государя; при этомъ случаѣ такихъ явныхъ показаній государь приказалъ взять этого судью, изобличилъ его въ несправедливости и приказалъ ему сказать: «если онъ не сдержалъ своего даннаго Царю слова, то

царь сдержитъ свое, и съ тѣмъ вмѣстѣ приказалъ неправеднаго судью повѣсить.

Сказаніе Петра Миллера, сына перваго чугунно и желѣзно плавильнаго заводчика, основавшаго заводъ на 9 молотовъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 90 верстахъ отъ москвы. Здѣсь отливали первыя пушки. Петръ Миллеръ былъ крестный сынъ Императора. Умеръ въ 1745 году.

Строгость.

Петру первому было только двадцать пять лѣтъ, какъ онъ опасно занемогъ горячкою. Не предвидѣлось никакой надежды на его спасеніе, и дворъ былъ въ уныніи, между тѣмъ въ церквахъ денно и нощно совершались молебствія о его здравіи.

Во время этой болѣзни было ему доложено, что судья уголовныхъ дѣлъ явился къ нему съ вопрошеніемъ.

Въ то время было въ общемъ употребленіи изстари, когда государь былъ въ трудномъ по-

ложеніи, то вообще ему предлагали простить важныхъ преступниковъ, подразумѣвая, что съ прощеніемъ ихъ, облегчится тяжелая болѣзнь ихъ молитвами о здравіи.

Когда судья уголовныхъ дѣлъ явился къ постелѣ Петра Перваго съ докладомъ: «не благоволитъ ли Его Величество учинить прощеніе девяти грабителямъ и разбойникамъ приговореннымъ къ смерти?

Коль скоро Петръ Великій услышалъ объ этомъ, то тотчасъ же приказалъ представить къ своей постели этого судью. Судья явился; тогда Петръ I приказалъ подать ему реэстръ осужденныхъ съ описаніемъ ихъ преступленій; все было доставлено и прочитано государю.

Государь ужаснулся отъ числа преступленій и отъ лютости злодѣяній и тутъ же, взглянувъ на судью, сказалъ:

Ты судья! тебѣ ближе понять то зло, которое учинили эти преступники! поэтому остается только тебѣ одно: подумать, могу ли я чрезъ прощеніе этихъ злодѣевъ, пренебрегать законъ и правосудіе, сдѣлать доброе дѣло? и могу ли преклонить благость Божію на сохраненіе моей жизни? Наконецъ, приметъ ли Богъ молитву

этихъ преступниковъ?.... Ступай и тотчасъ же прикажи совершить надъ ними, по приговору, казнь; я болѣе надѣюсь, что Господь за мое правосудіе окажетъ мнѣ милость и дастъ мнѣ здравіе.

Приговоръ былъ исполненъ, и царь Петръ со дня на день началъ выздоравливать, такъ что въ короткое время выздоровѣлъ.

Разсказъ желѣзнаго заводчика Петра-Миллера, который въ тотъ день былъ при царскомъ дворѣ.

Память.

Во время перваго стрѣлецкаго бунта въ Москвѣ, когда Петръ Алексѣевичъ былъ еще отрокомъ, то нѣжно любимая его мать съ небольшою свитою вѣрныхъ служителей скрылась съ нимъ въ свято Троицкую Сергіевскую Лавру, надѣясь тамъ найти безопасность.

Но стрѣльцы, отуманенные крамолой, не уважая ничего святаго не видя въ царѣ покровителя ереси, искали, повсюду Царя и чрезъ нихъ скоро нашли царицу и царя.

Они узнали, что Царица и Петръ скрылись въ Троицко Сергіевскую Лавру. Стрѣльцы явились во множествѣ и, немедля, бросились повсюду на поиски; нѣкоторые кинулись даже въ церковь, и тамъ то одинъ изъ стрѣльцовъ нашелъ младаго царевича въ объятіяхъ матери, царицы Натальи въ священнѣйшемъ мѣстѣ. Крамольникъ не ужаснулся устремиться на него съ обнаженнымъ ножемъ; онъ взмахнулъ ножемъ и готовъ былъ пронзить грудь вѣнценоснаго юноши, но провидѣніе Божіе хранило его для дѣлъ великихъ и въ этомъ случаѣ спасло его.

Въ то время, когда уже никакой человѣкъ не могъ подать помощи, и когда самъ малолѣтній Петръ, оцепенѣвшій отъ ужаса, быстро смотрѣлъ въ глаза убійцы, Божья десница защитила Его. Въ этотъ самый моментъ одинъ изъ прочихъ мятежниковъ страшнымъ голосомъ вокричалъ:

— Остановись братъ! нездѣсь предъ алтаремъ!.... Онъ неуйдетъ.... пусть выйдетъ изъ церкви.

Покусившійся на убійство Царя оставилъ свое намѣреніе и въ это время стрѣльцы увидѣли въ весь опоръ скачущую царскую конницу. Всѣ они

въ смятеніи бросились кто куда попало, и младой Государь былъ спасенъ.

Прошло 20 лѣтъ послѣ этого приключенія. Возмущенія были прекращены, стрѣльцы истреблены всѣ до одного и государство наслаждалось совершеннымъ покоемъ. Въ это время государь занимался формированіемъ войска и введеніемъ флота.

Однажды Петръ Великій училъ матросовъ на адмиралтейской площади и для этого выстроилъ ихъ во фронтъ; государь любѣлъ глядеть каждому въ глаза и также требовалъ, чтобы ему въ глаза смотрѣли. Обозрѣвая пристально строй, государь вдругъ отскочилъ съ ужасомъ, примѣтя одного изъ находившихся въ строю матросовъ и, указавъ на предметъ ового испуга, приказалъ его схватить.

Это былъ тотъ самый, который двадцать лѣтъ назадъ стоялъ съ ножемъ въ рукѣ, чтобы поразить Государя и, сознавая свою вину предъ монархомъ, матросъ тотчасъ же упавъ на колена, вскричалъ:

— Повиненъ смерти, государь!... помилуй! ..

Этотъ случай невольно удивилъ всѣхъ присутствующихъ и тѣмъ болѣе, что винившійся

матросъ вообще отличался во время службы безукоризненной честностью, усердіемъ и никогда не заслуживалъ наказанія или выговора.

Но присутствующіе были поражены ужасомъ, когда услышали на вопросъ государя отвѣтъ матроса, который сказалъ, что онъ тотъ самый стрѣлецъ, который въ младенчествѣ дерзнулъ занести ножъ на Монарха—отрока въ Свято-Троицкой лаврѣ. Продолжая далѣе отвѣчать на вопросы монарха, стрѣлецъ этотъ объяснилъ, что онъ тогда еще былъ новичкомъ въ стрѣльцахъ, когда замѣшался въ бунтѣ, что потомъ онъ раскаялся въ своемъ заблужденіи и въ злодѣяніи и только бѣгствомъ спасся отъ поимки и казни; за тѣмъ долгое время странствовалъ въ отдаленныхъ областяхъ и наконецъ, выдавши себя за сибирскаго крестьянина, записался въ матросы при архангельскомъ адмиралтействѣ, гдѣ честно исполнялъ свою службу.

Петръ Первый, выслушавъ это откровенное признаніе, даровалъ ему жизнь, простилъ матроса со строгимъ объявленіемъ никогда впредь не показываться на глаза. Возблагодаривъ Бога и государя, матросъ удалился изъ рядовъ. Онъ

вскорѣ былъ посланъ въ отдаленнѣйшіе области Сибири.

Отъ фельдмаршала Трубацкаго и отъ адмиралтейскаго экипажмейстера Брюйна.

Скорая расправа.

Государь, однажды разъѣзжая на яхтѣ между С.-Петербургомъ и Кронштадтомъ по взморью, принужденъ былъ по безвѣтрію простоять цѣлый день на одномъ мѣстѣ. По обѣдавъ, Государь по обыкновенію, легъ; спать между между тѣмъ какъ на декѣ яхты бывшіе громко шумѣли и смѣялись такъ громко, что государь проснулся. Страхъ наказанія вынудили всѣхъ при движеніи государя, попрятаться; такъ что государь, выйдя изъ каюты на палубу, встрѣтилъ только одного араба, сидѣвшаго весьма скромно на лѣстницѣ.

У Государя былъ въ рукѣ линекъ; предполагая, что этотъ шумъ произвелъ арабъ, онъ схватилъ араба за волосы и влѣпилъ ему нѣсколько ударовъ, сказавъ:

— Когда я сплю, такъ не должно мѣшать моему покою и шумѣть, и съ этимъ отправился въ каюту.

Бѣдный мальчикъ заплакалъ и тѣмъ пуще, что онъ былъ наказанъ невинно.

Между тѣмъ заслуживающіе наказанія были: инженеръ-капитанъ баронъ Любрасъ, лейбъ-хирургъ Лештокъ, и человѣка два морскихъ офицеровъ. Когда государь ушелъ въ каюту, помянутыя лица вышли на палубу и грозили мальчику, чтобы онъ не всхлипывалъ, если онъ нехочетъ быть вторично битомъ. Арабъ продолжалъ плакать.

Государь, выспавшись, вышелъ изъ своей каюты въ веселомъ расположеніи духа и нашелъ всѣхъ за картами, только одинъ арабъ тихонько плакалъ.

— Ну ты очемъ плачешь? спросилъ государь!

— О томъ, что ты, государь меня такъ больно побилъ совсѣмъ напрасно, не я виноватъ, что тебѣ помѣшали спать, а Лештокъ и Любрасъ, а я между тѣмъ спокойно сидѣлъ на лѣстницѣ, отвѣчалъ мальчикъ.

— Хорошо! если ты теперь битъ напрасно, считай за мной; когда провинишся еще разъ, то

побои полученныя сегодня зачтутсъ и ты небудешь наказанъ были слова государя.

Спустя нѣсколько дней арабъ дѣйствительно попался въ какомъ то довольно неизвинительномъ проступкѣ и заслужилъ справедливый гнѣвъ Государя, за что Государь хотѣлъ его собственноручно наказать. Но арабъ въ страхѣ упалъ на колени и вскричалъ:

— Ваше величество! помилуйте!... Не вы ли сами, нѣсколько дней назадъ напрасно наказавъ меня, велѣли напомнить, чтобы зачесть эти удары при слѣдующимъ проступкѣ, простите и зачтите.

Государь засмѣялся и сказалъ: встань, на сей разъ прощаю изъ за того, что ты былъ наказаніе получилъ въ видѣ задатка.

Отъ лейбъ-хирурга Императора Петра Перваго Лештока.

Строгое выполненіе законовъ.

Петръ великій любилъ выполнять законъ, и самъ показывалъ тому примѣры и часто говоривалъ: Господь наказываетъ за несоблюденіе

Его закона, такъ цари земные должны наблюдать за исполненіемъ законамъ своего государства.

Особенно въ уголовныхъ преступленіяхъ Петръ былъ тѣмъ болѣе неумолимъ, когда замѣчалъ, что преступленіе совершено съ намѣреніемъ или по злости. Тамъ, гдѣ дѣло касалось до убійства, отъ императора нельзя было ожидать прощенія, и онъ обыкновенно говоривалъ: «невинная кровь вопіетъ объ отмщеніи».

Вотъ доказательствомъ какой разительный примѣръ! При Императрицѣ Екатеринѣ первой была фрейлина госпожа Гамильтонъ. Эта фрейлина была легкаго поведенія, имѣла непозволительныя связи и находила возможность два раза обыть съ рукъ рожденныхъ младенцевъ такъ, что никто при дворѣ не зналъ о ея беременности. Наконецъ въ третій разъ при попыткѣ скрыть свой стыдъ, она не имѣла удачи и мертвое дитя было найдено. Гамильтонъ посадили въ тюрьму, гдѣ она призналась въ первыхъ двухъ ею же умерщвленныхъ младенцахъ. За такое страшное преступленіе ее приговорили къ смерти, и тутъ никакія просьбы Императрицы и другихъ представительныхъ лицъ не могли уговорить государя къ оставленію ей жизни и къ нарушенію закона;

и несчастной Гамильтонъ на лобномъ мѣстѣ отрубили голову.

Отъ Фосціуса, придворнаго столяра Петра Великаго, видѣвшаго это наказаніе.

Милость злодѣю.

Государь умѣлъ наказывать, а также умѣлъ и прощать и всего чаще до формальнаго приговора.

Вотъ одинъ изъ случаевъ, разсказанный княземъ Трубецкимъ!

Въ молодости своей князь Трубецкій служилъ капитаномъ въ преображенскомъ полку и во время стрѣлецкаго бунта стоялъ съ своею ротою накараулѣ у Дѣвичьяго монастыря въ Москвѣ, во время заключенія въ немъ царевны Софіи. Послѣдняя заключалась въ комнатѣ за желѣзною рѣшеткою.

Въ одинъ изъ дней мятежа шайка стрѣльцовъ, державшихъ сторону царевны, вломившись въ монастырь, проломали полъ въ крѣпко охраняемомъ покоѣ и вывели ее. Они хотѣли уже произвести новое возмущеніе, стремясь истреблять всѣхъ, кто имъ только станетъ сопротивляться.

Въ самомъ дѣлѣ, защищая освобожденную Царевну стрѣльцы пролили много крови и въ своей ярости искали предводителя роты преображенцевъ храбраго Трубецкаго. Уже они достигли того мѣста, гдѣ былъ Трубецкой, и смерть его была не минуема, какъ одинъ изъ нихъ, бросившись впередъ подъ предлогомъ найти и указать, гдѣ онъ находится, предупредилъ капитана объ опасности; этотъ стрѣлецъ былъ брадобрѣй Трубецкаго, облагодѣтельствованный княземъ.

— Князь, бѣги отсюда! тебя убъютъ сказалъ онъ. Князь скрылся, а брадобрѣй, хорошо знакомый со всѣми закоулками монастыря, отвелъ вниманіе злодѣевъ, давъ время Трубецкому удалиться.

По прошествіи нѣсколькихъ дней стрѣльцы были переловлены, и выведены на площадь, гдѣ имъ была назначена достойная казнь. Они были перевязаны и головы всѣхъ уже лежали на плахахъ, какъ Трубейкой, будучи вмѣстѣ съ Царемъ на мѣстѣ казни, увидѣлъ въ числѣ прочихъ, спасшаго его жизнь брадобрѣя.

Князь бросился къ ногамъ Государя и сказалъ.

Ваше Величество! простите этаго стрѣльца, онъ спасъ жизнь мою.

Государь захотѣлъ узнать подробнѣе произшествіе и распросилъ Трубецкаго, а потомъ стрѣльца, Видя, что разсказъ того и другаго вѣрны, государь помиловалъ стрѣльца, но требовалъ, чтобы этотъ стрѣлецъ во всю жизнь свою никогда непоказывался въ Москвѣ.

Трубецкой тотчасъ же этаго стрѣльца съ женою и дитятей отправилъ въ одну изъ своихъ дальнихъ деревень, далъ ему землю и освободилъ отъ податей.

Эти льготы Трубецкими долго поддерживались потомству стрѣльца.

Отъ фельдмартала князя Ивана Юрьевича Трубецкаго.

Любовь къ отечеству и къ подданнымъ.

Преобразованіе Россіи не служитъ ли намъ достаточнымъ примѣромъ безпримѣрной любви къ отечеству? Онъ ввелъ флотъ, преобразовалъ войско, развилъ воспитаніе, завелъ фабрики и заводы, ввелъ науки и художества, внушилъ сосѣднимъ государствамъ русскую мощь.

Убѣдительный опытъ ревностной любви къ отечеству видно уже изъ Его поступка при Прутѣ, когда онъ прислалъ изъ лагеря въ С.-Петербургъ въ 1711 году письмо, будучи окруженъ сотней тысячь Турокъ. Сидя въ палаткѣ, онъ написалъ письмо и, запечатавъ его, поручилъ одному изъ надежныхъ офицеровъ, спросивъ: можетъ ли онъ надѣяться пройти чрезъ турецкую армію, небудучи схваченъ? Офицеру этому были извѣстны въ томъ краю всѣ пути и мѣстность. Онъ отвѣчалъ государю, что Государь можетъ на него положиться. Повѣривъ такому обнадеживанію, Царь подалъ письмо, поцѣловалъ офицера и сказалъ: «ступай съ Богомъ».

Офицеръ на 9 день дѣйствительно прибылъ въ С.-Петербургъ и подалъ письмо въ собраніе сенаторовъ.

Сенаторы собравшись и запершись, вскрыли письмо Государя и крайне удивились, когда прочли слѣдующее:

«Симъ извѣщаю васъ, что я совсѣмъ своимъ «войскомъ безъ вины или погрѣшности со стороны нашей, но единственно только по полученнымъ ложнымъ слухамъ въ четыре краты сильнѣйшею турецкою силою такъ окруженъ, что

«всѣ пути къ полученію провіанта пресечены и «что я, безъ особливыя Божія помощи, ничего инаго предвидѣть не могу, кромѣ совершеннаго поражения, или что я впаду въ турецкій плѣнъ. «Если случится сіе послѣднее, то вы не должны «меня почитать своимъ царемъ и государемъ и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелѣнію, отъ васъ было требуемо, покамѣстъ я самъ не явлюся между вами «въ лицѣ своемъ. Но если я погибну, и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выберите между собою достойнѣйшаго въ наслѣдники».

Подлинникъ этого письма находился въ кабинетѣ Петра Великаго при Императорскомъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ между множествомъ собственноручныхъ писемъ этого монарха.

Отъ князя Михайла Михайловича Щербатова, камергера и герольдмейстера при правительствующемъ сенатѣ.

Хотя Петръ Великій былъ очень бережливъ, но бережливость его относилась только къ пред-

метамъ роскоши; но тѣ, которые ему вѣрно служили, были ли то русскіе, или иностранцы, всегда были щедро награждаемы и получали земли въ завоеванныхъ имъ земляхъ, которыми наслѣдники и по сіе время владѣютъ.

Вдовамъ и сиротамъ всѣхъ морскихъ и полевыхъ офицеровъ были назначаемы пансіоны, первымъ по смерть, а послѣднимъ до того возраста, который допускаетъ къ поступленію на службу.

Когда однажды былъ поданъ докладъ объ одномъ престарѣломъ иностранцѣ, который 30 лѣтъ служилъ и уже ради дряхлости прекратилъ службу, и спрашивалось при этомъ разрѣшенія, что дать: пансіонъ или половинное жалованье, то Государь Петръ Алексѣевичъ возразилъ:

Зачѣмъ это? неужели тотъ долженъ терпѣть подъ старость, кто всю жизнь посвятилъ службѣ отечеству? опредѣлить ему полное жалованье по смерть, и если онъ служить болѣе не можетъ, то съ него не требовать; но въ чемъ онъ опытомъ убѣдился, то пусть подаетъ совѣты; ибо кто въ лучшія свои года мнѣ послужитъ, когда не будетъ при старости своей имѣть надежду, что государь его не покинетъ? и при этомъ прибавилъ: мнѣ нужно позаботиться о богодѣльнѣ для

престарѣлыхъ, бѣдныхъ гражданъ, и на самомъ дѣлѣ въ 1718 году исполнилъ свое намѣреніе въ С.-Петербургѣ по образцу московской богодѣльни для солдатъ и матросовъ.

Отъ военнаго совѣтника фонъ Центавія.

Какъ политика, такъ и военное знаніе научили монарха и удостовѣрили, что безъ достаточной казны ничего произвести невозможно.

По такой необходимости въ деньгахъ онъ имѣлъ довольно большую запасную сумму въ наличности; для приличнаго содержанія стола императорскаго двора опредѣлено было ежегодно достаточная сумма, которой расходы никогда не должны были превышать, а всякое напрасное великолѣпіе, пышность и расточительность были Петромъ Первымъ изгнаны.

На содержаніе войскъ, флота, государственныхъ служителей, на заложеніе новыхъ фабрикъ, мануфактуръ, строеній и прочаго, государственные расходы были такъ распредѣлены, что нигдѣ не только не было недостатка, но всегда еще оставались деньги въ избыткѣ.

При такомъ благоустройствѣ нельзя удивляться, что Петръ Великій такъ берегъ деньги; отчего и произошло, что онъ никогда не награждалъ деньгами тѣхъ людей, которые отличались полезными дѣлами, или усердіемъ, и заслуживали воздаяніе по мнѣнію монарха, а всегда дарилъ деревнями въ завоеванныхъ земляхъ, напримѣръ; въ Остзейскихъ губерніяхъ или въ Великомъ княжествѣ финляндскомъ, находя гораздо выгоднѣе подарить нѣсколько гаковъ земли, чѣмъ нѣсколько тысячь рублей, тѣмъ болѣе, что моровая язва въ то время страшно опустошила эти земли, и такимъ образомъ Петръ Первый достигалъ двойной цѣли: сберегалъ деньги и способствовалъ развитію русской колоцизаціи между эстонцами, и финлянцами для чего иногда, смотря по мѣстности, подаривъ нѣсколько гаковъ земли, дарилъ нѣсколько крестьянскихъ земель.

Чрезъ это Государь дѣлалъ счастливыми, какъ новопожалованныхъ помѣщиковъ такъ и переселенцевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ обогащалъ государственную казну.

Не смотря на огромныя траты по случаю Шведской войны, Персидскаго похода, заведенія

какъ флота, такъ и устройства регулярныхъ войскъ; не смотря на то, что устраивалъ адмиралтейства, фабрики, крѣпости, гавани, рылъ каналы, царь не имѣлъ недостатка въ наличныхъ деньгахъ и, умирая, оставилъ по своей бережливости нѣсколько милліоновъ. Такими распоряженіями онъ никогда не входилъ въ государственный долгъ.

Отъ фельдмаршала, графа Миниха.

Послѣ знаменитой побѣды надъ Полтавою Петръ Великій началъ принимать по желанію тѣхъ изъ шведскихъ офицеровъ, которые изъявляли свое добровольное желаніе служить подъ присягою въ русской службѣ, и оставлялъ ихъ въ тѣхъ же чинахъ, какіе они имѣли по службѣ у Карла XII.

Между прочими, изъявившими свое желаніе, былъ полковникъ Остманъ, посланный въ полкъ, стоявшій въ Казани. Здѣсь онъ подвергнулся несчастію, и если бы только не предусмотрительность императора, то подвергнулся бы военному суду.

Слуга изъ ненависти или зависти донесъ на полковника Остмана въ невѣрности; говорятъ, что слуга полковника часто предавался пьянству, и полковникъ приказалъ наказать его. Но слуга закричалъ: «слово и дѣло», и какъ полковника, такъ и слугу, заарестовавъ, послали въ С.-Петербургъ.

Въ столицѣ арестованныхъ отправили въ тайную канцелярію. Тамъ показалъ деньщикъ на своего полковника, что будто бы онъ бранилъ своего государя и по трехъ жестокихъ не отказался отъ своихъ показаній.

Какъ скоро Петръ Великій узналъ объ этомъ дѣлѣ, тотчасъ приказалъ привести къ нему остмана, показалъ ему полученный доносъ и усиленно потребовалъ подробнаго объясненія, чтобы полковникъ не запирался и смотрѣлъ ему въ глаза, желая проникнуть въ мысль обвиняемаго.

Полковникъ, нисколько не смутясь, объявилъ, что онъ ни сколько неимѣлъ намѣренія дерзко относиться о величіи императора и клялся въ этомъ, потомъ присоединилъ и то, что даже настолько не знаетъ русскаго языка, чтобы произносить бранныя слова. При томъ присовокупилъ шведъ: что если я изъ военно-плѣннаго былъ

взысканъ милостью монарха и поступилъ на службу, слѣдовательно ни какъ не могъ имѣть причины къ мысли оскорблять имя моего благодѣтеля. Если же деньщикъ указываетъ на меня напрасно, то я не въ силахъ подтверждать того и напрасно на себя говорить немогу, говорилъ полковникъ.

Государь, отпустивъ полковника приказалъ держать его подъ карауломъ; а самъ на другой день приказалъ послать священника исповѣдывать деньщика, при чемъ далъ наказъ, чтобы духовникъ, какъ можно подробнѣе вывѣдалъ деньщика о всѣхъ подробностяхъ доноса. Священникъ исполнилъ свое дѣло съ успѣхомъ, упрашивая предъ казнью неутаивать ничего.

Деньщикъ, видя, что настали минуты смерти сказалъ, правду, что онъ оклеветавъ полковника напрасно изъ одного мщенія.

Государь: императоръ, узнавъ объ этомъ приказалъ деньщика казнить, а полковнику опять принять полкъ.

Отъ купца Фридриха Крамера Нарвскаго военно-плѣннаго въ Казани.

Петръ Великій былъ чрезвычайно строгъ къ нарушителямъ спокойствія государства и жестоко преслѣдовалъ убійство, воровство, грабежи, бунты и прочія преступленія, но весьма слабо наказывалъ погрѣшности молодости нарушителей нравственныхъ приличій, и дѣлалъ такія наказанія, которыя можно вынести весьма легко.

Такъ напримѣръ лишенная чести родительница непретерпѣвала никакого наказанія; но убійца младенца наказывалась смертью.

Будучи заграницей въ разговорѣ о дѣлахъ уголовныхъ государю Петру Первому, кто то разсказывалъ, что за нарушеніе дѣвственности по указу Карла пятаго преступникъ наказывался смертью.

Полно, такъ ли? говорилъ Петръ первый. Я думаю великій государь въ этомъ случаѣ являлъ болѣе проницательнаго разума. А если правда, то вѣроятно онъ думалъ, что въ Его государствѣ болѣе лишняго народа чѣмъ въ моемъ. Нѣтъ, за эти безпорядки, да и вообще за преступленія всегда должно налагать наказанія, но на сколько возможно должно сберегать жизнь и здоровье подданныхъ.

Отъ Ивана Антоновича Черкасова.

Любовь къ наукамъ и искусствамъ

I. ЛЮБОВЬ КЪ ХУДОЖЕСТВУ.

Во время путешествія заграницу императора Петра перваго въ 1716—1717 годахъ, монархъ обращалъ большое вниманіе на картины.

Въ Амстердамѣ съ особеннымъ удовольствіемъ разсматривалъ онъ картины славныхъ художниковъ того вѣка и по цѣлымъ часамъ съ удовольствіемъ слѣдилъ за работами художниковъ и бесѣдовалъ съ ними.

Болѣе всего по вкусу и по мысли ему нравились картины Фламанской и Брабантской школы. Онъ тогда собралъ большую коллекцію картинъ извѣстныхъ художниковъ: Рубенса, Фонъ-Дейка, Рема, Бранта, Штеена, Фонъ-деръ-Верфа, Лингельбаха, Бергейма, Остаде, Фонъ-Гуйзена и прочихъ его любимцевъ.

Изъ всѣхъ картинъ онъ болѣе уважалъ Голландской школы изображающія виды, а особенно почиталъ работу извѣстнаго Адама Сило, который прежде всего былъ капитаномъ корабля и

за тѣмъ сталъ прилежно заниматься живописью. Въ его работахъ особенно отличалась тщательность отдѣлки частей корабля, почему Петръ первый считалъ его картины еще полезнѣе по вѣрности оригинала и украсилъ ими свою спальню въ лѣтнемъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ, а также въ покояхъ своей супруги названныхъ Монъ-Плезиръ устроилъ картинную галлерею изъ однихъ Нидерланскихъ картинъ. Гдѣ были на видныхъ мѣстахъ картины Мариниста-Сило.

Въ Амстердамѣ, Петръ Великій часто покупалъ картины извѣстныхъ мастеровъ съ аукціоновъ и тамъ познакомился съ однимъ весьма искуснымъ знатокомъ картинъ живописцемъ Ксель. Его зналъ весь Амстердамъ за эксперта, то государь, сознавая въ немъ всѣ достоинства искуснаго живописца, взялъ его съ собою въ Петербургъ и приказалъ сдѣлать въ Петергофѣ картинную галлерею, надъ которой Кселя сдѣлалъ смотрителемъ. Ксель самъ прекрасно писалъ нѣкоторыя картины и былъ потомъ живописцемъ академіи наукъ.

Отъ живописца Кселя.

Петръ Великій любилъ посылать заграницу молодыхъ людей учиться чему нибудь полезному смотря по наклонности; въ томъ числѣ отправилъ заграницу молодаго художника Никитина, отличавшагося большими способностями въ живописи.

Желая оправдать довѣріе государя къ своему таланту, Никитинъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, привезъ нѣсколько удачно исполненныхъ картинъ и вѣрныхъ копій съ замѣчательныхъ картинъ иностранныхъ мастеровъ, надѣясь показать свое искусство Императору и въ тоже время продать свою работу по хорошей цѣнѣ.

Никитинъ пріѣхалъ въ Петербургъ во время заутрени Свѣтлаго Христово воскресенія и только что сталъ раскладывать свои предметы, вынимая ихъ изъ чемодановъ, ящиковъ и прочаго, какъ заутреня кончилась и государь, узнавъ о пріѣздѣ Никитина, вошелъ къ нему въ комнату, сказавъ:

— Христосъ воскресе!

Чрезъ нѣсколько времени Никитинъ пришелъ въ отчаяніе отъ мысли, что его мнѣніе неоправ-

дывается и что картины не продаются или за нихъ даютъ весьма мало.

Въ одну изъ обычныхъ своихъ прогулокъ Петръ первый встрѣчаетъ Никитина.

— Ну-ка Никитинъ! покажи-ка братъ, какъ ты нынче пишешь?

Никитинъ показалъ свои картины и между тѣмъ прекрасную копію съ Корреджіо «рождественская ночь». Монархъ долго любовался въ безмолвіи на картину и наконецъ сказалъ:

— Такъ вотъ гдѣ родился Спаситель міра, Царь царствующихъ! Не въ золотыхъ палатахъ, а въ хлѣвѣ посреди смиренныхъ пастуховъ и мудрецы пришли поклониться Ему. Прекрасно! сказалъ наконецъ монархъ, потрепавъ по плечу Никитина, спасибо! Вижу, что ты недаромъ ѣздилъ въ Италію.

— Ну что же ты теперь еще писать будешь?

— Ничего не буду писать Ваше Величество, сказалъ печальный Никитинъ.

— Какъ не будешь? почему?—удивлялся монархъ.

— Никитинъ бросился къ ногамъ государя и съ откровенностью сына высказалъ Петру первому, что его убивало не внимательность и рав-

нодушіе къ искуству, что онъ не находитъ покупателей на картины, отчего ему придется терпѣть нужду.

Послушай Никитинъ! сказалъ Петръ первый, завтра у Меньщикова будетъ собраніе; явись ты туда съ картинами. Прощай!

Въ назначенный день и часъ явился къ Меньщикову Балакиревъ въ старинномъ боярскомъ кафтанѣ, въ высокой шапкѣ и съ зеленою шелковою бородою подвязанною подъ подбородокъ. Въ качествѣ аукціонера, онъ помѣстился за круглымъ столомъ, гдѣ были поставлены картины Никитина. Петръ Великій былъ также у Меньщикова.

Взявъ въ руки поставленную въ уголъ трость государя Балакиревъ закричалъ:

— Если нѣтъ молотка, какъ и посошекъ этотъ его замѣнить можетъ, онъ мой хорошій знакомый и пріятель, потомъ, стукнувъ по столику и указавъ на картину, вскричалъ:

— Оцѣнка рубль, кто больше?

— Два рубля! сказалъ кто то изъ купцовъ.

— Три!... первый разъ.... Три во второй, ни кто больше.... Третій разъ....

— Десять рублей, сказалъ Апраксинъ.

Итого тринадцать. Никто больше?

— Полтина! надбавилъ купецъ.

— Немного ли? неразорись? сказалъ Балакиревъ: третій разъ!... онъ поднялъ трость.

Апраксинъ прибавилъ полтора рубля и какъ Балакиревъ не вертѣлся долженъ былъ сказать третій разъ и стукнулъ тростью.

Уже было продано восемь картинъ, оставалось только допродать двѣ; картины продавались по три, по 5 и по 10 рублей. Шутъ Балакиревъ едва при всѣхъ стараніяхъ выручилъ сорокъ девять рублей. Никитинъ стоялъ ни живъ ни мертвъ; въ немъ все погибло и талантъ, и желаніе трудиться.

Дошла очередь до копіи съ ночи Корреджіо. Высшую цѣну двадцать рублей надавалъ плечистый довольно дородный невысокаго роста посадскій, въ кафтанѣ коричневаго сукна и съ просѣдью на головѣ, это былъ богатый подрядчикъ Семенъ Степановичъ Крюковъ поселившійся въ С.-Петербургѣ вскорѣ послѣ его основанія онъ бралъ съ торговъ подряды на казенныя работы и былъ лично извѣстенъ Государю. Онъ прорылъ каналъ, который и по нынѣ называется Крюковымъ.

Крюковъ видѣлъ эту картину ранѣе. Ему уже Никитинъ предлагалъ ее; но какъ человѣкъ безъ всякаго образованія, Крюковъ сказалъ:

— Мои отцы и дѣды жили и безъ картинъ, такъ и я, грѣшный безъ нихъ проживу на свѣтѣ. Этотъ то Крюковъ и надавалъ двадцать рублей за «ночь.»

Получить двадцать рублей за полгода труда, было верхъ отчаянія Никитина. Плохая надежда художнику. Онъ былъ въ состояніи преступника, обреченнаго на смерть.

Балакиревъ хотѣлъ было стукнуть въ третій разъ, чтобы рѣшить участь этой картины, какъ вдругъ раздался голосъ государя.

— Триста рублей!

Въ то время триста рублей была важная сумма и Никитинъ упалъ на колѣни предъ императоромъ.

— Встань! встань Никитинъ я лишняго ничего недаю. Боюсь необидилъ ли тебя; можетъ быть ты свой трудъ цѣнишь дороже?

У Никитина градомъ полились слезы, и онъ съ жаромъ цѣловалъ руку монарха.

Началась продажа послѣдней картины.

— Кто купитъ эту картину, тотъ докажетъ,

что любитъ меня болѣе всѣхъ подданныхъ, сказалъ Петръ.

Вся зала пришла въ волненіе и скоро на послѣднюю картину возвысилась цѣна до девяти сотъ рублей, такъ что Балакиревъ едва успѣвалъ выговарить: первый разъ, второй разъ, третій разъ!...

Наконецъ Балакиревъ вскричалъ:

— Ну а ты Дормидошка пустая голова! неужели ты любишь царя менѣе всѣхъ сколько ты хочешь дать за картину?

— Полторы тысячи!... вскричалъ самъ собой въ отвѣтъ Балакиревъ, измѣнивъ свой голосъ. Ой докажу, что дуракъ любитъ не хуже умника. третій разъ.

Онъ хотѣлъ стукнуть тростью, какъ Меньщиковъ остановилъ Балакирева, сказавъ: —Двѣ тысячи! —

— Третій разъ!

— Три тысячи! вскричачъ Апраксинъ.

— Четыре тысячи! вскричалъ Головинъ.

— А я даю пять! вскричалъ Крюковъ; никому не уступлю.

— Третій разъ!

Всѣ прочіе уже готовы были надбавить цѣну,

но Императоръ сдѣлалъ знакъ рукою и трость такъ сильно ударилась по столу, что столъ закачался.

— Данилычъ! я увѣренъ, что и ты и твои сослуживцы меня любите; однако я знаю, что на тебѣ и на твоихъ сослуживцахъ много казенныхъ недоимокъ. Чѣмъ платить нѣсколько тысячь за картину, лучше внести эту сумму въ плату въ казну. Это будетъ народная польза и вы выразите болѣе любви ко мнѣ, скажи объ этомъ тѣмъ, кому это нужно знать.

— Будетъ исполнено, Ваше Величество, сказалъ Меньшиковъ, кланяясь.

Между тѣмъ Крюковъ съ гордостью поглядывалъ на толпившуюся массу лицъ разнаго званія и принималъ поздравленія съ прекрасною покупкою.

А Никитинъ? Никитинъ торжествовалъ.

— Подойди-ко братъ Семенъ ко мнѣ, сказалъ Петръ Великій Крюкову. Спасибо! ты изъ любви ко мнѣ сдѣлалъ то, что дѣлаютъ за границей изъ любви къ искусству; современемъ и въ нашемъ отечествѣ будетъ тоже, что и въ другихъ государствахъ. Спасибо! я незабуду и копалъ

назову твоимъ именемъ. Доволенъ ли? Государь поцѣловалъ Крюкова въ лобъ.

— Я и такъ осыпанъ милостями Вашего Величества, награждать меня незачѣмъ. Что мнѣ пять тысячь! тоже, что другому пятакъ.

— Что Никитинъ! оставишь ты свое искусство или будешь продолжать писать?

Никитинъ опять бросился къ ногамъ Монарха; благодарность и любовь къ Государю были безпредѣльны, и не могли излиться словами выразились потокомъ благодарныхъ слезъ.

Никитинъ вернулся домой и упавъ предъ образомъ Спасителя, молилъ благоденствіи и счастіи Царя.

Государь Петръ Великій говорилъ часто, что онъ за недостаткомъ искусныхъ живописцевъ и медальеровъ видитъ слишкомъ грубыя изображенія на русскихъ монетахъ и на медаляхъ, такъ что нигдѣ онъ невидалъ себѣ подобнаго.

Во время втораго своего путешествія въ Голландію и во Францію проѣздомъ чрезъ Нюренбергъ. Онъ остановился на нѣсколько дней въ этомъ городѣ, гдѣ осматривалъ фабрики и посѣщалъ тамошнихъ художниковъ.

Между прочимъ онъ зашелъ къ извѣстному тамошнему живописцу Купецкому, *) которому онъ далъ снять съ себя портретъ и отправилъ съ нарочнымъ въ Петербургъ въ монетную канцелярію.

Такимъ образомъ съ этого груднаго портрета вырѣзали штемпели для рублей, полтинниковъ и для медалей. Такимъ образомъ чрезъ годъ въ первый разъ (1718 года) въ первый разъ появилась русская монета хорошаго рисунка и съ совершенно подобнымъ изображеніемъ Петра Великаго.

Отъ бывшаго при монетномъ дворѣ совѣтника Шлапора.

Любовь къ гравированію въ первый разъ возъимѣлъ Петръ первый, когда проѣзжалъ чрезъ Германію въ 1697 году, въ Англію и въ Голландію.

Возвращаясь изъ перваго своего путешествія въ Россію, онъ привезъ много разныхъ картинъ большею частію морскихъ видовъ, и привезъ съ

*) Неизвѣстно, что значитъ эта фамилія; можетъ быть эта фамилія переведена по смыслу.

собою искусстнаго гравера Петра Пикарда, который и пріѣхалъ въ Москву съ Петромъ первымъ.

Пикардъ выгравировалъ на мѣди много московскихъ видовъ и нѣкоторыхъ окрестностей, потомъ въ 1714 году виды С.-Петербурга, а въ 1715 году русскій флотъ стоявшій предъ Кронштатомъ и много другихъ рисунковъ, между которыми были другія предметы, какъ напримѣръ; свадьба карликовъ, китайское бракосочетаніе, торжество папы и др., которые Петръ Великій при различныхъ обстоятельствахъ выставлялъ въ Москвѣ для народа. Отпечатки и многія доски работы Пикарда и понынѣ находятся въ музеумахъ.

Между прочимъ Пикардъ награвировалъ большую въ два фута, четыре дюйма длины, и въ футъ и восемь дюймовъ ширины, Полтавское, сраженіе, осаду крѣпости Азова въ 1696 году, гдѣ на переднемъ планѣ изображенъ императоръ Петръ Великій, фельдмаршалъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, фельдмаршалъ Гордонъ, генералъ фельдцейхмейстеръ Головинъ, генералъ-адмиралъ Лефортъ, изъ которыхъ первые представлены въ русскомъ платьѣ верхами, а послѣдніе въ ста-

ромъ французскимъ платьѣ съ эксельбантами съ весьма сходными лицами.

Подъ руководствомъ трудолюбиваго Пикарда, были выучены нѣсколько молодыхъ людей, между которыми особенно выдавался Алексѣй Зубовъ.

Зубовъ очень хорошо гравировалъ и особенно замѣчательна его была картина, представляющая морское сраженіе при Грайтамѣ въ 1721 году, на мѣдной доскѣ въ 28 футовъ длиною, а шириною въ 10 футовъ.

Когда Великій Императоръ былъ въ Парижѣ, то съ него были сняты два весьма схожіе портрета двумя славными живописцами Нотуаромъ, вотчимомъ извѣстнаго художника Токе, и Ригодо.

Натуаръ изобразилъ императора поколѣнно въ стальномъ панцырѣ, и въ тѣхъ же размѣрахъ супругу Императрицу Екатерину. Обѣ эти прекрасныя картины привезены послѣ въ С.-Петербургъ, въ царствованіе Елизаветы Петровны и находилась въ залѣ графа Воронцова.

Другой художникъ изобразилъ Государя также поколѣнно для французскаго двора, бывшаго еще подъ регенствомъ за малолѣтствомъ короля Людовика. Эта оригинальная картина въ 1773 году въ одномъ собраніи картинъ въ С.-Петербур-

гѣ изъ Парижа привезена и куплена Ея Императорскимъ Величествомъ Екатериною Второю, вмѣстѣ съ другими.

Не задолго до кончины Петръ Великій имѣлъ въ своей службѣ портретнаго живописца Дангауера, отличнаго портретиста масляными красками.

Въ то же самое время находился въ С.-Петербургѣ Прусскій посланникъ баронъ фонъ Мардефельдъ, который не былъ менѣе того, искусный художникъ миніатюрной живописи, какъ искусный министръ. Онъ не только Императора и Императрицу, но даже списалъ портреты Царевенъ Анны и Елизаветы, на слоновой кости въ величинѣ $^1/_8$ листа, совершенно вѣрно и искусстно, которыя поднесъ имъ въ подарокъ, снявъ для себя предварительно копіи. Эти четыре портрета, подарены потомъ Герцогу Голштиндскому, при вступленіи въ супружество съ Царевною Анною Петровною, отъ Екатерины Первой и отвезены въ Каль; оттуда сынъ его великій Князь Петръ Ѳеодоровичъ ихъ привезъ обратно въ С.-Петербургъ и хранилъ въ своемъ кабинетѣ.

Съ этимъ искусстнымъ художникомъ-министромъ

Государь по цѣлымъ часамъ просиживалъ, разговоривая о дѣлахъ и любуясь на его искусство.

Отъ барона фонъ-Мерденфельдта, племянника упомянутаго здѣсь министра, а потомъ бывшаго Королевско Прусскимъ посланникомъ при Россійскимъ дворѣ въ царствованія Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны.

Вотъ какъ разсказываютъ про Никикина, о которомъ было выше описано.

Никитинъ былъ сынъ секретаря Петра Перваго, который сопровождалъ Петра въ Амстердамъ. Сынъ Никитина былъ съ нимъ въ поѣздкѣ.

Однажды въ бытность свою въ Амстердамѣ, Петръ Первый зашелъ на квартиру секретаря Никитина но незасталъ его дома; въ это время четырнадцатилѣтній сынъ его что-то дѣлалъ, и, при быстромъ появленіи Петра Великаго, спряталъ въ карманъ листъ бумаги. Государь, примѣтя это движеніе, приказалъ показать. Мальчикъ подалъ, и Государь увидѣлъ, что на бумагѣ былъ рису-

нокъ, который онъ для упражненія снималъ съ старой Голландской картины.

Прозорливый Монархъ тотчасъ увидѣлъ просвѣчивающуюся способность молодаго человѣка и ласково спросилъ мальчика:

— А хочешь ли ты рисовать лучше этого?

— Хочу! отвѣтилъ мальчикъ весело.

— Хорошо! я тебѣ доставлю учителя, что и исполнилъ чрезъ нѣсколько дней, отдавъ молодаго Никитина на 6 лѣтъ одному изъ искуснѣйшихъ Амстердамскихъ художниковъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ ежегодно присылалъ опыты своей работы, и чтобы слѣдилъ за ходомъ ученія лично.

Такимъ образомъ изъ Никитина со временемъ выработался прекрасный историческій живописецъ, котораго работы можно видѣть и по нынѣ въ разныхъ церквахъ С.-Петербурга. Между прочимъ одна изъ его работъ, представляющая Распятіе Іисуса Христа, которое Императрица Елизавета Петровна подарила оберъ-егермейстеру Разумовскому для его домашней церкви въ Аничковомъ дворцѣ, гдѣ находится и по нынѣ.

По возвращеніи въ Россію, Петръ Первый послалъ еще нѣсколькихъ молодыхъ людей въ Гол-

ландію и Италію для обученія живописи и архитектуры, изъ нихъ выработались отличные художники, имена которыхъ слѣдующія:

Матвѣевъ
Александръ Захаровъ
Иванъ Меркурьевъ
Василій Василевскій
} художники.

Земцовъ
Еропкинъ
} архитекторы.

Башмаковъ гончарный мастеръ.

Художники по сейчасъ оставили нѣсколько работъ по части духовныхъ картинъ Итальянской и Нидерландской школы; а архитекторы оставили образцы архитектуры итальянскаго стиля.

Отъ архитектора Земцова.

При заложеніи адмиралтейства Петръ Первый выписалъ изъ Голландіи искусстныхъ кирпичныхъ мастеровъ, каменьщиковъ и строителей мостовъ и мельницъ и къ нимъ на помощь далъ своихъ подданныхъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, Русскіе такъ хорошо научились работать, что болѣе не нуждались въ указаніи иностранцевъ. Однако же

Петръ Первый оставилъ ихъ на полномъ жалованьи до смерти.

Кирпичи и черепицы, сдѣланные по Голландскому образцу въ половину обыкновенныхъ, шли для построекъ адмиралтейства, кузницъ, слесаренъ. Подзорный дворецъ между Калинкинымъ и Екатерингофомъ, лѣтній дворецъ и другія строенія такъ прочны, что ни одинъ камень не вывалился въ теченіи сотни лѣтъ, многіе думали, будто бы Императоръ для своихъ построекъ выписалъ черепицы и кирпичь изъ Голландіи.

Отъ адмирала Ивана Лукьяновича Талызина.

Петръ Великій, отсылая молодыхъ людей за границу, имѣлъ въ виду развитіе промышленныхъ силъ Россіи. Мореплаваніе, кораблестроеніе, архитектура, живопись, вотъ тѣ науки, которыя старался Императоръ водворить въ своемъ отечествѣ и государствѣ.

Лондонъ, Тулонъ, Брестъ, Амстердамъ и другіе города преимущественно были мѣстами, куда дѣлался маршрутъ для изученія искусствъ.

Тѣ, которымъ было болѣе нечему учиться, по возвращеніи въ отечество, должны были являться къ Государю, и онъ самъ испытывалъ ихъ познанія, и по познаніи назначалъ ихъ къ должностямъ. Нерадивыхъ, лѣнивцевъ и вообще ничего не знавшихъ, передавъ къ распоряженіе главному придворному шуту Педриллѣ, который назначалъ ихъ въ работы, напримѣръ: въ истопники, дворники и въ прочія низкія должности или записывалъ въ солдаты.

Однажды случилось слѣдующее происшествіе:

При отправленіи одного молодаго человѣка изъ дворянъ за границу, съ нимъ родители послали слугу.

По окончаніи срока, когда молодой дворянинъ возвратился, Царь Петръ началъ испытывать его въ познаніяхъ; молодой баричъ путался и вообще не удовлетворялъ желанію Государя, между тѣмъ слуга тоже молодой человѣкъ время отъ времени тихонько подсказывалъ и знаками помогалъ своему господину. Это не укрылось отъ прозорливаго Государя. Императоръ, отстранивъ рукою молодаго дворянина, подозвалъ служителя и задалъ ему нѣсколько вопросовъ, служитель отвѣчалъ довольно вѣрно; тогда Государь, остав-

шись совершенно довольнымъ отвѣтами, спросилъ:

— Гдѣ же ты все это пріобрѣлъ?

— Гдѣ? боярина учили, а я за стуломъ стоялъ, да переймалъ.

— Молодецъ! изъ тебя будетъ прокъ, сказалъ Государь; теперь ты воленъ, и я тебѣ даю должность; а ты сказалъ Царь баричу отправляйся подъ команду Петрилла.

Отъ адмирала Талызина.

II. ЛЮБОВЬ КЪ РЕМЕСЛУ.

Петръ I—кузнецъ.

Императоръ Петръ Великій, вводя въ Россіи разныя ремесленыя заведенія, всѣми мѣрами побуждалъ и одобрялъ работниковъ.

Такъ часто онъ посѣщалъ заводъ принадлежащій купцу Миллеру въ Истіи за 90 верстъ отъ Москвы по старой Калужской дорогѣ, гдѣ онъ тамъ принималъ минеральную воду каждый мѣсяцъ одинъ разъ. И между своими вседневными занятіями старался во все всматриваться, изу-

чать и наконецъ даже помогалъ въ работѣ мастерамъ завода при плавленіи и кованіи, такъ какъ у Миллера былъ желѣзный заводъ. Такимъ образомъ Петръ Первый научился ковать и тянуть желѣзо.

Научившись этой работѣ, Петръ Великій въ одинъ изъ послѣднихъ дней пребыванія на заводѣ вытянулъ 18 пудъ желѣза и каждую полосу означилъ своимъ штемпелемъ, при чемъ камеръ-юнкеры его свиты и бояре носили уголья, раздували мѣхами и во всемъ помогали Государю производить работы.

Спустя нѣсколько времени, Государь явился къ Вернеру Миллеру, у котораго Онъ крестилъ сына Петра Миллера, хвалилъ дѣятельное распоряженіе на заводѣ, устройство и чистоту, въ выдѣлкѣ желѣза, устройство завода, наконецъ сказалъ:

— А что Миллеръ! много ли у тебя получаетъ каждый мастеръ за работу съ пуда, поштучно выработанныхъ полосъ?

— По алтыну, былъ отвѣтъ Миллера.

— Прекрасно! такъ ты мнѣ долженъ заплатить 18 алтынъ за то, что я вытянулъ осемнадцать пудовъ. Сказалъ Царь.

DAMAGED PAGE(S)

Вернеръ подошелъ къ бюро, вынулъ оттуда осмнадцать червонцевъ и подавая Государю, сказалъ, низко кланяясь:

— Такому работнику, какъ Ваше Величество, менѣе дать не можно.

Но Царь, отвергнувъ червонцы, сказалъ въ возраженіе.

— Возьми назадъ твое золото, я работалъ не лучше прочихъ работниковъ, а заплати мнѣ только то что платишь прочимъ; за эти деньги я куплю себѣ новые башмаки, которые мнѣ очень нужны. И при этомъ Государь показалъ однажды уже подкинутую и вновь подпоровшияся обувь. Взявъ осмнадцать алтынъ, онъ отправился на рынокъ и дѣйствительно купилъ себѣ новую пару башмаковъ, которые потомъ часто показывалъ въ компаніи на ногахъ [illegible]оря:

Вотъ башмаки, которые я заработалъ собственными своими руками.

Петръ Великій такимъ образомъ отковалъ или вытянулъ желѣзную полосу въ Олонцѣ. Обѣ полосы были на политехнической выставкѣ въ Москвѣ въ 1872 году.

Отъ Петра Миллера крестника Петра Великаго.

Петръ Первый—фабрикантъ.

Императоръ давно замѣтилъ, что привозимые изъ за границы товары всегда лучше раскупаются противъ тѣхъ, которые у насъ въ Россіи выдѣлывались гораздо грубѣе.

Это довело Государя до убѣжденія, что русскіе не достигли той степени искусства, какимъ обладаютъ за границей.

И вотъ позументное или тесемочное искусство было одно изъ тѣхъ, которое онъ ввелъ въ свое Государство, которое онъ пожелалъ привести въ цвѣтущее состояніе.

Съ этой цѣлью онъ на Фонтанкѣ тамъ, гдѣ она впадаетъ во взморье (близь того мѣста, гдѣ теперь Екатерингофъ) построилъ длинный каменный домъ въ два яруса и въ этомъ домѣ устроилъ позументную, чулошную и тесемочную фабрику. Съ цѣлью учредить заведеніе образцовое, онъ вызвалъ изъ за границы хорошихъ мастеровъ, опредѣлилъ имъ жалованье и далъ имъ въ ученье молодыхъ людей изъ русскихъ подданныхъ.

Чтобы возбуждать въ молодыхъ людяхъ вниманіе и усердіе, а также поощрять къ дѣятельности, онъ приказалъ имъ каждую субботу приходить ко двору, гдѣ онъ ихъ обо всемъ выспрашивалъ, что они дѣлали, какіе сдѣлали успѣхи, и разсматривалъ образцы работъ, по которымъ и судилъ объ успѣхахъ.

Однажды, одинъ изъ способнѣйшихъ учениковъ явился къ Государю и показалъ ему образцы шелковой тесмы и шнурка весьма чисто выработанныхъ, сказавъ при этомъ, что не знаетъ только какъ дѣлать основу, потому, что мастеръ ни кому ее не показываетъ и всегда, когда дѣлаетъ основу, то запирается, такъ что никто изъ учениковъ не знаетъ этого дѣла. Государь похвалилъ работу и приказалъ этому ученику всячески стараться узнать это дѣло, такъ какъ оно представляетъ главнѣйшее въ искусствѣ и отпустилъ, обѣщая наградить за усердіе.

Ученика этого звали Борисъ Федоровичъ Шабликинъ.

Шабликинъ, исполненный ревности къ усердію, утѣшенный обѣщаніемъ дорогой царской награды и въ ожиданіи высокихъ милостей, отправился домой; къ счастію этотъ ученикъ по-

мѣщался въ комнатѣ надъ мастерской, гдѣ обыкновенно сидѣлъ мастеръ, когда заправлялъ основу для работъ ученикамъ.

Шабликинъ рѣшился пуститься на хитрость; онъ съ цѣлью ознакомиться съ основою, такъ упорно скрываемою отъ учениковъ, сдѣлалъ въ полу дверцу къ углу потолка и лежа на полу, смотрѣлъ, какъ мастеръ дѣлалъ основу.

Выучившись мало по малу, какъ дѣлать основу, онъ донесъ Его Величеству, что уже и самъ умѣетъ поставить красны и сдѣлать основу для всякаго рода тесьмы.

Петръ Великій былъ этому очень радъ; онъ оставилъ его недѣли на двѣ во дворцѣ, и велѣлъ ему тутъ работать, самому уставить станокъ, основать его и приготовить товаръ. Шаблыкинъ такъ прекрасно исполнилъ обѣщанное, что выработалъ Государю нѣсколько образцовъ новомодныхъ лентъ и позументовъ. Государь поблагодарилъ Шабликина, подарилъ ему нѣсколько рублевиковъ и чрезъ мастера назначилъ его подмастерьемъ, потомъ, сдѣлавъ мастеру выговоръ, отказалъ ему отъ должности, поставивъ на его мѣсто другаго. Послѣ контракта со вторымъ мастеромъ отказалъ и ему, а Шабликина сдѣлалъ

коммисаромъ фабрики. Екатерина II этотъ домъ превратила въ больницу прилипчивыхъ болѣзней.

Отъ коммисара Бориса Федоровича Шабликина, умершаго въ 1765 году.

Конецъ первой части.

АНЕКДОТЫ И ПРЕДАНІЯ
о
ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ
ПЕРВОМЪ ИМПЕРАТОРѢ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ
и
О ЕГО ЛЮБВИ КЪ ГОСУДАРСТВУ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА МАНУХИНА.
1873.

Типографія Ф. Іогансонъ, у Красн. вор., д. Іогансонъ.

Удостоверение
Сіе дано удостовіреніе
Івану Васильевичу Шимову
в том что дворянину

АНЕКДОТЫ И ПРЕДАНІЯ
о
ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Петръ Великій солдатъ и морякъ.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ Петръ Великій уже готовилъ себя на свои трудныя подвиги въ дѣлѣ воспитанія подданныхъ и къ преобразованію государства.

Направляя себя къ великой цѣли, онъ находилъ удовольствіе въ самыхъ трудностяхъ, и чтобы легче ихъ переносить, привыкъ къ самой суровой и простой жизни.

Едва онъ достигъ десятилѣтняго возраста, какъ учредилъ себѣ потѣшную роту солдатъ изъ дѣтей дворянъ по нѣмецкому образцу; съ ней ставилъ онъ лагери, и какъ всю воинскую службу, такъ и всѣ работы исполнялъ ежедневно и хоть могъ быть прямо капитаномъ роты, но не хотѣлъ этаго и началъ съ самой низшей степени, чтобы самому пройти и познать всю службу, и такъ онъ былъ нѣсколько времени барабанщикомъ и нѣсколько лѣтъ простымъ солдатомъ.

Когда онъ былъ на караулѣ, то спалъ съ своими сверстниками въ простой палаткѣ или въ караулкѣ на лавкѣ. Какъ ночью, такъ равно и днемъ отстаивалъ свои часы, подвергаясь стужѣ и непогодамъ и ѣлъ вмѣстѣ съ прочими простую солдатскую кашу.

При заложеніи крѣпости для забавы, самъ наравнѣ съ прочими возилъ въ сдѣланной собственными руками тачкѣ землю. Такимъ образомъ этотъ царственный отрокъ, самъ испытывая всѣ трудности солдатской жизни, умѣлъ собою пріохочивать сверстниковъ къ перенесенію труда и привлекать къ службѣ молодыхъ людей, и своимъ примѣромъ заставлялъ забывать суетную мысль о знатности породы, и о заслугахъ предковъ, внушая имъ почести собственными подвигами. Это правило Императора подтвердилось послѣ регламентамъ изданнымъ въ 1722 г. гдѣ онъ между прочимъ говоритъ, что предпочтеніе одного предъ другимъ дается только личными заслугами отечеству и чтобы никто не имѣлъ другаго чина, кромѣ, того, который имъ пріобѣтенъ на службѣ, а тотъ, кто лично не заслужилъ чина тотъ его и не имѣетъ.

Точно также, когда кораблестроеніе и мореп-

лаваніе стало любимѣйшимъ изъ искусствъ, въ которыхъ онъ пріобрѣлъ практическія познанія въ Сардамѣ и въ Амстердамѣ, то опять этотъ Великій Государь прошелъ всѣ службы ступени, начиная съ низшей, какъ и его подданные, и такимъ образомъ дослужился до контръ-адмирала, и довольствуясь этимъ званіемъ уступалъ адмиральскіе и вице-адмиральскіе чины другимъ, кто во флотѣ превосходилъ его службою.

Однажды очистилась ваканція на вице-адмирала, которая по штату должно быть тотчасъ занята.

Контръ-адмиралъ Петръ Алексѣевичъ подалъ въ адмиралтейство челобитную или прошеніе, въ которомъ, описавъ свои заслуги, просилъ объ утвержденіи его на званіе вице-адмирала.

Челобитная была принята и разсмотрѣна совѣтомъ адмиралтейства съ надлежащимъ вниманіемъ и потомъ ваканція вице-адмирала была коллегіей назначена другому, а на прозьбу Императора Петра была положена резолюція въ слѣдующемъ: «коллегія, хотя и признаетъ справедливымъ оказанныя заслуги и надѣясь, что онъ впредь будетъ еще съ большимъ вниманіемъ стараться оказать важнѣйшія, обѣщаетъ ему же-

лаемое повышеніе, столь скоро къ тому представится удобный случай». А въ настоящемъ случаѣ коллегія посравненіи отправляемой имъ службы съ службою этаго офицера находитъ, что служба контръ-адмирала старше, «что онъ многократнѣе оказывалъ заслуги государству, а по семъ въ просимомъ имъ повышеніи отказываетъ».

Государь былъ очень доволенъ рѣшеніемъ, и когда при дворѣ зашла рѣчь о томъ, то Монархъ сказалъ:

— Не можетъ быть ничего справедливѣе, какъ отказъ членовъ коллегіи, они рѣшили дѣло безъ лести и раболѣпства. Если бы они предпочли меня моему сверстнику, то самимъ бы пришлось въ томъ отказываться.

Отъ Адмиралтействъ генералъ-экипажмейстера Брюйна.

Петръ первый—врачь и хирургъ.

Государь Императоръ крайне нуждался въ лекаряхъ для вновь созданнаго флота и войска, а потому крѣпко уважалъ достоинство этаго зва-

нія и за границей самъ выучился производить нѣкоторыя операціи и постоянно носилъ двѣ готовальни: одну съ математическими инструментами, а другую съ хирургическими. Математическіе инструменты служили ему для повѣрки и вымѣриванія чертежей всякаго рода, а другая съ лекарственными инструментами; умѣлъ выдергивать зубы, и женѣ купца Гордона, выпустилъ воду при развивавшейся брюшной водяной.

Лефортъ и лекарь Тирмондъ почти повсюду сопровождали Государя въ поѣздкахъ Государя съ двадцатилѣтняго возраста. Тирмондъ былъ весьма искусстный врачъ и Государь отъ него узнавалъ много полезнаго и съ нимъ вмѣстѣ приносили пользу страждущей Россіи.

Тирмондъ былъ награжденъ отъ Петра Великаго богатымъ имѣніемъ, которое приносило ему богатый доходъ. Когда Тирмондъ умеръ, оставилъ по себѣ красивую и расточительную вдову. Въ Москвѣ былъ на службѣ одинъ молодой подлекарь, родомъ изъ Данцига, который присватался къ молодой вдовѣ и Тирмондъ вышла за него за мужъ.

Скоро вдова допустила расточительность и такимъ образомъ своей роскошью и франтовствомъ

обратила на себя вниманіе Московскихъ жителей и слухи достигли до ушей Государя съ весьма не виднымъ описаніемъ знанія подлекаря. Запомнивъ это поведеніе вдовы Тирмондъ, Государь, какъ врагъ пышности и неумѣренности, избралъ время, чтобы наказать дурачество.

Однажды Монархъ, бывъ въ гостяхъ съ нѣсколькими изъ своихъ приближенныхъ у одного изъ бояръ, и приказалъ позвать за молодымъ подлекаремъ.

Подлекарь воображая, что Государь хочетъ сдѣлать его преемникомъ любимца Тирмонда, тотчасъ подъѣхалъ къ дому боярина въ роскошной каретѣ запряженной четверней, облеченный въ шелкъ, кружева, блонды и позументы и представился Государю въ многолюдномъ обществѣ.

Государь тотчасъ же распросилъ о причинѣ такой расточительности и возможности, будучи подлекаремъ имѣть случай такъ отлично жить и одѣваться, и наконецъ началъ лично экзаменовать его. Но подлекарь не умѣлъ понравиться Государю своими слабыми познаніями и Государь приказалъ тотчасъ призвать деревенскихъ мужиковъ въ особенную комнату и приказалъ франту-подлекарю заняться укорачиваніемъ бо-

родъ и длинныхъ волосъ, а затѣмъ отправилъ его въ своей каретѣ домой.

Эта шутка Государя надъ педанствомъ и безразсудной пышностью, произвела большой фуроръ. Гордый подлекарь съ супругою скоро оставили Москву и съ остатками своего имѣнія уѣхали въ Данцигъ, гдѣ также роскошно проводили время, пока не прожили состоянія.

Одинъ старый знакомецъ лекарь Тирлюндъ, бывшій потомъ въ шведской войнѣ разсказывалъ, что онъ видѣлъ этого подлекаря въ бѣдности, занимавшагося маклерствомъ, а супруга его была наемной прачкой.

Отъ штабъ-лекаря Измайловскаго полка Шульца.

Говоря вышесказанное нельзя было дивиться тому, что Государь самъ экзаменовалъ подлекаря, потому что онъ очень любилъ эту благодѣтельную науку, и какъ мы уже сказали, пріобрѣлъ въ ней хорошія практическія свѣдѣнія и не упускалъ случая оказать помощь, когда къ тому приходился случай и было время.

Онъ анатомировалъ тѣла, пускалъ кровь, дергалъ зубы; съ нимъ постоянно находились: пара ланцетовъ, шнеперъ, анатомическій ножикъ, пеликанъ, клещи для выдергиванія зубовъ, лопатка, ножницы, щупъ, катедеръ и другія всякаго рода мелкіе инструменты.

Вотъ разсказываютъ какой случай: камердинеръ Его Императорскаго Величества Полубояровъ поссорился за что то съ своей женой и захотѣлъ ей чѣмъ нибудь отомстить.

Вотъ онъ находится въ передней въ крайне печальномъ духѣ, въ то время какъ Петръ Великій проходилъ мимо его. Видя Полубоярова въ тоскливомъ расположеніи, онъ спросилъ:

— Что, ты о чемъ горюешь?

— Ничего, Ваше Величество, жена очень страдаетъ зубами, а никакъ не позволяетъ рвать больной зубъ.

— Погоди! я уговорю, сказалъ Государь, она будетъ скоро здорова; пойдемъ.

Государь съ камердинеромъ отправился къ его женѣ, у которой въ самомъ дѣлѣ не болѣлъ ни одинъ зубъ. Впрочемъ изъ уваженія и страха ослушанія она должна была сѣсть и дать осмот-

ѣть свои зубы, хотя и утверждала, что зубы не одинъ не болятъ.

Вотъ это и есть несчастіе, что она утаиваетъ свою болѣзнь, когда ей хотятъ оказать помощь; а какъ только лекарь уйдетъ, то она тотчасъ начинаетъ страдать; а это меня убиваетъ сказалъ мужъ

— Хорошо, хорошо! она скоро перестанетъ страдать, только держи крѣпче ей руки и голову, замѣтилъ Государь, и съ необыкновеннымъ проворствомъ и съ ловкостью выдернулъ зубъ, указанный камердинеромъ.

Прошло нѣсколько дней какъ Монархъ услышалъ чрезъ придворныхъ женщинъ Государыни, что и въ самомъ дѣлѣ у жены Полубоярова зубъ былъ выдернутъ здоровый. Полубояровъ, проучивъ жену, былъ и самъ за обманъ проученъ.

Отъ Фельтена перваго кухмистера Петра Великаго.

Петръ Первый—музыкантъ и любитель.

Государь Петръ I до 25 лѣтняго возраста невидывалъ никакихъ картинъ кромѣ церковныхъ

образовъ и потому имѣлъ весьма опредѣленный вкусъ.

Во время перваго своего путешествія въ Голландію въ 1697 году, онъ впервые увидѣлъ картины совсѣмъ другаго рода, которыя своимъ изумительнымъ подражаніемъ природѣ обратили свое вниманіе. Мы уже говорили, что онъ избралъ достойнѣйшею Фламандскую школу, которую и предпочиталъ всѣмъ прочимъ.

Точно также въ ранней своей молодости онъ не имѣлъ случая слышать никакой музыки кромѣ грубой, какъ то: флейтъ, балалаекъ и рожковъ; почему и отдавалъ преимущество малороссійской бандурѣ по нѣжности музыки.

Первое вниманіе Петра было обращено во время перваго своего путешествія за границу въ Голландію, Англію; онъ слышалъ музыку въ Ригѣ, Кенигсбергѣ, въ Данцигѣ и въ другихъ нѣмецкихъ городахъ съ церковныхъ башенъ, гдѣ хоръ музыкантовъ, обыкновенно играющихъ на трубахъ, величіемъ звуковъ поражалъ слухъ Великаго Монарха.

Государь, однажды позвавъ къ себѣ музыкантовъ, заставилъ ихъ играть предъ собою; и это

первое впечатлѣніе было до того сильно, что онъ тутъ же вознамѣрился имѣть такой трубный хоръ для собственнаго своего удовольствія, что и сдѣлалъ послѣ первой своей поѣздки, какъ только рѣшилъ судьбу стрѣльцовъ и водворилъ въ государствѣ совершенную тишину. Первые музыканты были имъ выписаны изъ Риги въ числѣ пяти; двое изъ нихъ игравшіе на рогахъ, двое на трубахъ и одинъ на фаготѣ; онъ имъ далъ хорошее жалованье съ условіемъ, чтобы каждому учить по два молодыхъ человѣка изъ русскихъ подданныхъ.

Государь избралъ эту музыку по особенному своему вкусу; она нигдѣ не игралась кромѣ какъ въ церквахъ и на башняхъ въ Германскихъ государствахъ, на которыхъ игрались священныя гимны и избралъ ее столовою музыкою.

Эта новость русскимъ боярамъ очень понравилась.

Въ послѣднее время, когда Государь Императоръ устроилъ регулярные полки по примѣру заграничныхъ, то заведенная нѣмецкая музыка на гобаяхъ, волторнахъ и на фаготахъ мало по малу вытѣснили прежнюю музыку на рогахъ и трубахъ, такъ что въ компаніи между генера-

лами и штабъ офицерами Императоръ не безъ удовольствія внималъ этой музыкѣ.

Съ учрежденіемъ флота опять стали вводить въ обыкновеніе трубы, и вообще должно было вездѣ играть, гдѣ только Государь всходилъ на корабль или праздновалъ какое нибудь замѣчательное событіе по части мореплаванія и кораблестроенія.

Любовь ко всему Голландскому, дѣлала его приверженцемъ и почитателемъ всѣхъ привычекъ и обычаевъ. Во время пребыванія Его въ Голландіи онъ съ удовольствіемъ слушалъ колокольную музыку и ничего не находилъ пріятнѣе, какъ колокольная музыка въ Амстердамѣ, игравшая въ биржевые и въ другіе дни.

Лишь только онъ выстроилъ въ Петропавловской крѣпости соборную церковь, какъ вскорѣ устроилъ часы съ игрой на колоколахъ, такіе же часы съ игрой устроилъ на церковной колокольнѣ святаго Исаакія Далматскаго.

Во время пребыванія въ Польшѣ ему такъ понравилась волынка, что онъ научился хорошо играть на этомъ инструментѣ и имѣлъ при себѣ волыночный оркестръ.

Эти три рода музыки такъ ему нравилось, что онъ всегда отвращался отъ музыки итальянской и французской особенно; не любилъ послѣднюю.

Отъ Генералъ-прокурора и Генералъ-поручика при Петрѣ Великомъ, Графа Ягужинскаго.

Бережливость Петра Перваго.

Однажды Государь находясь въ компаніи съ своими вельможами говорилъ о бережливости и безполезныхъ расходахъ.

— Беречь никогда не мѣшаетъ, копѣйка рубль бережетъ, вотъ смотрите я самъ заштопалъ свои шерстяныя чулки и при этомъ въ самомъ дѣлѣ указалъ на ноги.

— Ваше Величество, могли бы чулки до диръ недонашивать, сказалъ кто-то.

— Почему такъ? — Да и зачѣмъ я буду ихъ бросать, когда они будучи починенными могутъ мнѣ прослужить цѣлый годъ. Сказалъ царь.

— Чтобы чулочная фабрика готовила болѣе чулковъ, смѣялся собѣсѣдникъ Государя.

— О! если такъ, то они еще не въ состояніи

по столько ихъ доставлять, что нужно кромѣ меня моимъ подданнымъ и намъ придется ихъ выписывать изъ за моря. Мнѣ бы было очень пріятно, когда чулочная фабрика столько бы готовила чулокъ, чтобы за удовлетвореніемъ оставалось въ избыткѣ; тогда бы я нашелъ бы сбытъ ихъ по сосѣднимъ государствамъ и наконецъ отсылалъ бы повсюду, гдѣ ихъ мало и чувствуется недостатокъ, тогда можно бы ихъ мѣнять на товаръ намъ нужный. До тѣхъ поръ пока этого не будетъ, государство мое будетъ похоже на такой маленькій городокъ, гдѣ одинъ гражданинъ обработываетъ другаго и другъ у друга отнимаютъ хлѣбъ и вмѣстѣ остаются въ бѣдности, не могли сдѣлать приращенія къ городскому богатству.

Примѣч. Чулки съ прочею одеждою хранятся въ академическомъ кабинетѣ рѣдкостей въ С.-Петербургѣ.

Отъ Камергера Дневника.

Благосклонность Петра Перваго къ иностраннымъ офицерамъ, мастерамъ и другимъ.

Государь вникалъ во все; и при наймѣ въ службу иностранцевъ взвѣшивалъ лично не только знаніе, но умъ, образъ жизни и даже соображалъ по націямъ, кому какое дать жалованіе.

Однажды надлежало принять нѣсколькихъ ремесленниковъ и художниковъ изъ иностранцевъ на службу въ Россіи. Адмиралтейская Коллегія слишкомъ затруднялась, какое опредѣлить жалованіе вновь поступающимъ; тогда государь сказалъ:

Въ отношеніи вновь принимаемыхъ на службу нужно не только сообразоваться со степенью знанія, и ожидаемой отъ того пользы, но также съ ихъ отечествомъ, и потому съ различіемъ ихъ національнаго характера: французу всегда нужно давать болѣе жалованія, потому что онъ любитъ повеселиться и расточаетъ въ государствѣ все то, что отъ него получаетъ; нѣмцу также не меньше, потому что онъ любитъ хорошій столъ,

DAMAGED PAGE(S)

или либо мало, а нѣтъ такъ и совсѣмъ проживетъ все имъ полученное; англичанину нужно давать нѣсколько болѣе, потому что онъ любитъ хорошо пожить, такъ что можно иногда надбавлять сверхъ заслуженнаго; но голланцу уже меньше, потому что онъ едва досыта наѣдается, чтобы только сколить поболѣе денегъ; а Итальянцу еще менѣе, потому что онъ со своей умѣренностію мало расходуется и всѣмъ и каждому объясняетъ, что живетъ внѣ своего отечества потому только, чтобы скопивъ капиталъ, отправиться въ свой рай Италію, гдѣ денегъ мало и тамъ проживать ихъ по маленьку..

Отъ старыхъ членовъ Адмиралтейской Коллегіи.

Государь такъ любилъ мореплаваніе и кораблестроеніе, что какъ извѣстно, въ Саардамѣ былъ простымъ плотникомъ, чтобы изучить кораблестроеніе, и простымъ матросомъ, чтобы начать морскую службу. Этой охоты онъ никогда не оставлялъ и постоянно въ свободные часы любилъ бесѣдовать съ мореплавателями и кораблестроителями, служившими въ Русской службѣ.

Однако не смотря на такое сближеніе Петръ Великій не былъ щедръ на жалованіе и на большіе чины, такъ что голландскіе и англійскіе мастера, служившіе при санктпетербургской верфи, имѣли чины неболѣе капитана.

Государемъ было введено въ обычай, когда кто-нибудь изъ вельможъ собиралъ вечеръ, то необходимостью себѣ ставилъ приглашать къ себѣ нѣсколькихъ иностранцевъ, такъ какъ Государь находилъ въ бесѣдѣ съ ними пріятное препровожденіе времени.

Обыкновенно они должны были садиться около него въ кружокъ или полукругомъ и онъ обыкновенно обходился съ ними безъ чиновъ.

Такъ случилось однажды на вечеринкѣ; по окончаніи какого то разговора иностранцы встали съ мѣстъ и не хотѣли сѣсть; Императоръ неоднократно предлагалъ имъ садиться, но они постоянно откланивались и стояли. Наконецъ Петръ I не понимая причины, спросилъ:

— Что значитъ, что вы не садитесь? или вы не слышали моего приказанія?

— Ваше Величество! не вмѣните намъ въ дерзость, мы не имѣемъ права и не сядемъ въ присутствіи своего Государя и Императора, потому

DAMAGED PAGE(S)

что мы чинами едва равняемся съ сухопутными капитанами и видимъ, что за Вашимъ Величествомъ стоятъ генералы и бригадиры, которые имѣютъ право сидѣть съ вами.

Императоръ примѣтилъ, къ чему это клонилось и что значило; онъ улыбнулся и сказалъ:

— Хорошо! садитесь же однакожъ теперь подлѣ меня; а объ вашихъ чинахъ я поговорю въ сенатѣ, какъ только буду. И тутъ же занесъ что то для памяти въ свою книжку.

По прошествіи нѣсколькихъ дней дѣйствительно вышелъ указъ правительствующаго Сената, въ которомъ корабельные мастера были награждены, смотря по достоинству, чинами отъ маіорскаго до бригадирскаго.

Отъ генерала Экипажмейстера Брюнна.

Изъ вышесказаннаго однакоже нельзя заключить, что Петръ Великій имѣлъ къ иностранцамъ слѣпую любовь и увлекался ихъ образомъ жизни и нравами, а только то, что онъ любилъ свое отечество и хотѣлъ просвѣтить его, считая иностранцевъ какъ бы учителями.

По возвращеніи въ 1698 году изъ своего путешествія за границей, онъ уже ясно увидѣлъ разницу между державами какъ въ народной нравственности, такъ и въ промыслахъ и торговлѣ и видѣлъ, что многаго не доставало въ его землѣ; онъ началъ помышлять о средствахъ и способахъ, какъ бы для просвѣщенія своего народа, привлечь въ Россію искусныхъ и полезныхъ иностранцевъ и совершить то, что уже великій его предшественникъ Іоаннъ Васильевичъ Грозный давно предпринималъ.

Для этого намѣренія онъ въ 1699 году объявилъ два указа: въ первомъ онъ позволилъ молодымъ дворянамъ путешествовать внѣ своего отечества съ цѣлью образованія, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы получить наставленіе отъ него лично, что нужно перенимать сообразно со склонностью и направленіемъ способностей. Вторымъ указомъ было дано всѣмъ посламъ, резидентамъ и агентамъ, служившимъ въ иностранныхъ государствахъ, повелѣніе, чтобы они возвѣстили, что иностранцы, желающіе испытать своего счастія въ русской службѣ, могутъ быть съ удовольствіемъ приняты и даже получить льготы и привиллегіи въ Россіи относительно

промысловъ и ремеслъ, далѣе.... что Государю Петру Первому благоугодно имѣть въ своей службѣ искусныхъ офицеровъ, инженеровъ, артиллеристовъ, художниковъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ и проч.

Лишь только Императоръ Петръ Первый заложилъ С.-Петербургъ, и объ этой закладкѣ стало извѣстно за границей, то иностранцы во множествѣ явились въ С.-Петербургѣ и вступили въ государственную службу, начали строиться, а нѣкоторые завели фабрики или другіе промыслы.

Петръ Великій весьма милостивъ обходился съ своими иностранцами, офицерамъ давалъ двойное жалованье, посѣщалъ фабрики и мастерскія, дѣлалъ разнаго рода поощренія, и внимательно слѣдилъ за успѣхами отданныхъ въ ученіе Русскихъ молодыхъ людей.

Это ласковое обращеніе Императора съ иностранцами, возбуждало въ Русскомъ дворянствѣ негодованіе и зависть за эти преимущества; Государь и явно это видѣлъ и часто слышалъ объ этомъ.

Однажды въ обществѣ Русскихъ дворянъ Петръ Певрый хвалилъ искусство иностранцевъ, ихъ

усердіе и прочія достоинства и въ заключеніе сказалъ:

— Я знаю, что оказываемое мною иностранцамъ преимущество, не нравится всѣмъ моимъ подданнымъ; но я имѣю двоякихъ подданныхъ: разумныхъ и благонравныхъ и безразсудныхъ и невѣждъ.

Разумные видятъ въ моихъ ласкахъ иностранцамъ пользу подданныхъ и будущее благосостояніе государства, такъ какъ Русскіе могутъ учиться отъ нихъ искусству и наукамъ, а потому оказываемое мною иностранцамъ предпочтеніе и ласки удерживаетъ иностранцевъ, которые пополняютъ государство Русскими художниками и мастерами. Безразсудные и злые, коснѣя въ невѣжествѣ, не постигаютъ моихъ намѣреній, или не хотятъ постигать и если бы могли, то охотно мнѣ бы воспрепятствовали. Они не постигаютъ того, въ какомъ видѣ было государство прежде, нежели я осмотрѣлъ западъ, и что бы я могъ сдѣлать имѣя столько непріятелей, если бы я не привлекъ сюда иноземныхъ помощниковъ?

Отъ графа Павла Ивановича Ягужинскаго.

DAMAGED PAGE(S)

Не любовь къ пышности.

Петръ Великій не терпѣлъ при своемъ дворѣ большаго придворнаго штата; но въ необходимомъ случаѣ приказывалъ имѣть эту пышность Князю Меньщикову.

Обыкновенно для своей услуги при дворѣ имѣлъ одного камердинера; для другихъ же услугъ и для провожанія употреблялъ своихъ деньщиковъ, которыхъ у него было до шести, которые при немъ дневали по двое. Онъ никогда не ѣздилъ въ каретѣ, а его любимый экипажъ была одноколка, на которой въ нуждѣ можно было ѣздить по двое.

Во все время его царствованія на его конюшнѣ были только двѣ четырехъ мѣстныя кареты для Императрицы и для придворнаго штата, да у князя Менщикова двѣ старинныя парадныя кареты.

Если куда нужно было Государю отправляться водою, то для этого онъ употреблялъ буэръ, шлюбку, или двухъ или четырехъ весельную верейку.

Изъ разныхъ рукавовъ Невы, составляющихъ различныя рукава Невы, ни на одномъ не было моста; этой мѣрой Государь хотѣлъ пріучить свой народъ къ тому, чтобы привыкали къ водѣ и къ лодкѣ.

Деньщики Петра Великаго отправляли у него всѣ роды службы, для которыхъ при другихъ дворахъ содержатъ адьютантовъ, камергеровъ, камеръ-юнкеровъ, ординарцовъ, гофъ-фурьеровъ, камердинеровъ и другихъ лицъ. Кромѣ деньщиковъ у Императора еще были гайдуки; эти Гайдуки вовремя поѣздки стояли за его одноколкою; всѣ же прочіе чины сопрягались въ одномъ деньщикѣ.

Въ деньщики обыкновенно опредѣлялъ къ себѣ Петръ Первый молодыхъ людей благородной фамиліи, которыхъ записывалъ въ гвардію и оставлялъ на службу деньщиками, а спустя лѣтъ десять иногда болѣе, иногда менѣе опредѣлялъ ихъ въ дѣйствительную военную или въ гражданскую службу.

Отъ Камергера Древника, бывшаго прежде деньщикомъ.

Когда Петръ Великій кушалъ одинъ съ своей супругою, какъ то случилось всего чаще, то для услуги никого не имѣлъ болѣе, какъ камергеровъ и одного малолѣтняго пажа; если же у него кто нибудь обѣдалъ изъ приближенныхъ вельможъ или изъ моряковъ, то никто не прислуживалъ кромѣ оберъ кухмистера Фельтена, деньщика и двухъ маленькихъ пажей.

Да и эти всѣ, подавъ закуски и вина для каждаго по бутылкѣ, должны были выходить изъ столовой и оставлять Государя съ гостями. Алакеекъ, когда онъ обѣдалъ одинъ, никогда въ столовой небыло; причемъ Петръ Великій всегда говаривалъ: «я не хочу имѣть зрителей примоемъ столѣ.

Однажды онъ сказалъ за столомъ Прусскому посланнику, старому барону Мардефельду.

— Эти наемники смотрятъ лишь на то, что кладутъ въ ротъ и подслушиваютъ все, что говорятъ, разумѣютъ криво и разсказываютъ опять криво.

Отъ барона Мардефельда племянника Прусскаго посланника здѣсь упомянутаго.

Неустрашимость Петра Великаго.

Великій духъ, природный умъ, проницательность, сопротивленіе опасностямъ, храбрость, твердая воля, и другія государственныя добродѣли съ избыткомъ сосредоточивались въ Петрѣ I и увѣковѣчили за нимъ титулъ Великаго.

Во время возмущенія стрѣльцевъ, одна рота этого злодѣйскаго войска вмѣстѣ съ своими начальниками Суковнинымъ и Сиклемъ сдѣлали заговоръ противъ жизни Петра Перваго.

Чтобы легче добраться до своего государя, они рѣшились поджечь посрединѣ Москвы находящіяся два дома рядомъ, чтобы явиться съ ротой, какъ бы для тушенія пожара, потому что великій монархъ всегда былъ въ числѣ первыхъ на какомъ бы то не было пожарѣ и распоряженіями и дѣломъ помогалъ въ тушеніи. Злоумышленники какъ будто занимаясь тушеніемъ, могли свободно окружить царя и въ тѣснотѣ заколоть его.

День былъ назначенъ къ произведенію этого ужаснаго преступленія. Заговорщики, какъ вѣр-

ные друзья, всѣ собрались къ Суковнину обѣдать и до ночи проводили время, пьянствуя. Медъ, пиво и вино лились рѣкою, чтобы залить себѣ совѣсть.

Въ числѣ заговорщиковъ былъ одинъ стрѣлецъ, который пилъ не менѣе прочихъ; но въ то же самое время тяготила его и совѣсть. Часу въ восьмомъ, онъ вышелъ на дворъ, другой, чувствуя такое же смущеніе, вышелъ вслѣдъ за нимъ.

Стрѣльцы, оставшись одни, переглянулись между собою и одинъ сказалъ другому:

— Чемъ братъ все это кончится, неизвѣстно!

— Неизвѣстно-то неизвѣстно, а худо будетъ, это вѣрно.

— Какъ бы намъ такъ сдѣлать, чтобы съ честью отстать отъ этого.

— Я одного съ тобою мнѣнія и думаю, что лучше ничего не сдѣлать, какъ идти въ Преображенское и открыть это Царю.

— Хорошо! но какъ же намъ отстать отъ своей шайки?

— Очень просто: сказаться, что время идти домой, довольно попили, а къ дѣлу явиться въ полночь.

Стрѣльцы въ знакъ согласія, пожали другъ другу руки и вошли опять къ товарищамъ.

Разумѣется въ этомъ никто въ нихъ не заподозрилъ не-добраго и многіе также рѣшились идти со строгимъ обѣщаніемъ явиться къ полночи. Съ Суковнинымъ остались нѣкоторые до того времени, когда загорятся дома и забьютъ въ набатъ тревогу.

Оба стрѣльца прямо отправились въ Преображенскій потѣшный дворецъ, гдѣ тогда находился Государь и прійдя явились къ деньщику и просили, чтобы объ нихъ донесли Царю. Государь въ то время уже видѣвшій въ стрѣльцахъ постоянныхъ враговъ, приказалъ спросить, что имъ нужно; но стрѣльцы отвѣчали, что имъ необходимо видѣть самого Государя и ему передать то, что никому нельзя, и при томъ дѣло важное, не терпящее отлагательства.

Государь вышелъ въ переднюю и приказалъ впустить доносчиковъ.

Стрѣльцы вошли и упали на колѣни, кланяясь въ землю:

— Государь батюшка! вотъ тебѣ наши повинныя головушки, дѣлай съ нами, что хочешь, онѣ преступницы, потому что мы вступили въ заго-

воръ противъ твоего Царскаго величества вмѣстѣ съ ротой своей собраться подъ начальствомъ Суковнина и Сикля, вопили стрѣльцы.

Государь спокойно выслушалъ докладъ стрѣльцовъ, все распросивъ подробно, гдѣ и какъ сборище заговорщиковъ, и какъ хотятъ совершить злодѣйство, приказалъ арестовать стрѣльцовъ; а самъ присѣлъ за столомъ, написалъ записку къ Лопухину (нѣкоторые говорятъ, что къ Липунову) въ которой написалъ, чтобы онъ всю свою роту въ 11 часовъ по полуночи привелъ, какъ можно тише, къ дому Суковнина и окружилъ его и, кто въ домѣ найдется, захватить.

Капитанъ точно исполнилъ Царское повелѣніе.

Но Государь, торопясь писать записку, незапомнилъ хорошенько часа; онъ написалъ число часовъ;—11, а полагая, что написалъ число 10, отправился въ десять въ одноколкѣ съ однимъ деньщикомъ къ дому Суковнина и поспѣлъ къ дому въ половинѣ одинадцатаго.

Не найдя вокругъ дома караула, онъ подумалъ, что рота Лопухина въ покояхъ, поэтому въѣхалъ прямо во дворъ, сошелъ съ одноколки и вошелъ въ комнату, гдѣ пировали стрѣльцы.

Суковнинъ и бывшіе съ нимъ удивились не-

жданному прибытію того, кого они рѣшились лишить жизни. Казалось, что онъ самъ шелъ на встрѣчу опасности. Между тѣмъ Петръ Великій, окинувъ взоромъ собраніе, сказалъ вставшимъ стрѣльцамъ:

— Я, проѣзжая мимо, примѣтилъ въ окнахъ свѣтъ, и подумавъ, что у хозяина пирушка, то какъ спать еще рано, то и заѣхалъ посѣтить тебя.

Царь хотя внутренно сердился на капитана, но не показалъ ни малѣйшаго знака гнѣва и сидѣлъ довольно долго въ то время, когда злоумышленники, стоя въ кружокъ, пили за здравіе Государя. Государь имъ отвѣчалъ такъ же, не показывая ни малѣйшаго страха и осторожности.

Наконецъ одинъ изъ стрѣльцевъ шепнулъ Суковнину.

— Пора, братъ!

— Нѣтъ еще! былъ отвѣтъ Суковнина шепотомъ, и при этомъ подмигнулъ глазомъ.

Между тѣмъ какъ только Суковнинъ сказалъ это слово, Петръ Великій быстрѣе молніи подскачилъ къ начальнику заговорщиковъ, и такъ сильно ударилъ его въ лицо, что тотъ не могъ удержаться и, какъ снопъ, полѣтѣлъ на полъ.

— *Если тебѣ еще не пора, такъ мнѣ теперь пора*, и, обратясь къ прочимъ, Государь сказалъ: «свяжите его».

Въ эту минуту ровно въ одиннадцать часовъ вошелъ съ своей ротой Лопухинъ въ полномъ вооруженіи. Злоумышленники пали на колѣна; а Государь въ пылу своей раздражительности далъ капитану пощечину, укоряя за неисполненіе приказанія. Капитанъ вынулъ записку и, молча показалъ Петру.

— Ошибся, братъ! спасибо за вѣрность; сказалъ Петръ и поцѣловалъ капитана въ лобъ. И тутъ же повелѣлъ взять подъ караулъ злоумышленниковъ.

Отъ князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, Генералъ фельдмаршала, бывшаго въ то время капитаномъ въ Преображенскомъ полку и который былъ тогда командированъ для совершенія надъ преступниками казни.

Однажды въ лѣтній дворецъ, что въ Петербургѣ въ лѣтнемъ саду, вошелъ въ переднюю, на-

ходящуюся въ нижнемъ этажѣ неизвѣстный человѣкъ, у котораго подъ пазухой былъ кисетъ, сшитый изъ разныхъ цвѣтомъ лоскутковъ. Кисетъ этотъ по формѣ былъ похожъ на такой, въ какихъ обыкновенно секретари и писцы нашивали къ своимъ начальникамъ дѣла въ прежнее время, которыя обыкновенно должны были назначаться для разсмотрѣнія или подписанія.

Деньщики, видя, что это какой нибудь изъ подъячихъ или писцевъ изъ коллегіи, не обратили на него вниманія и даже не спросили: кто таковъ? зачѣмъ? или откуда? А между тѣмъ этотъ человѣкъ простоялъ въ углу нѣсколько часовъ, не измѣняя своего положенія и держа свою кису подъ полою.

Наконецъ по окончаніи совѣта министры вышли и Государь провожалъ ихъ въ переднюю.

Въ это самое время неизвѣстный вынулъ что то изъ кисы, оборотившись къ стѣнѣ и, завернувъ кису, снова опять сталъ неподвижно, чего то ожидая. Проводя министровъ, Государь возвратился во дворецъ, а за нимъ вслѣдъ пошелъ смѣло и неизвѣстный и вошелъ во внутреннія покои.

Тутъ только одинъ изъ денщиковъ, зная, что не было дано повелѣніе впускать кого бы то ни было во дворецъ, бросился за нимъ и сталъ между нимъ и Государемъ въ дверяхъ передней, оттолкнулъ неизвѣстнаго отъ дверей и спросилъ: кто онъ такой и что ему надобно?

Между тѣмъ какъ незнакомецъ сопротивлялся и насильно хотѣлъ ворваться въ комнаты къ Государю, Петръ спросилъ:

— Кто тамъ?

Къ величайшему удивленію, вмѣсто отвѣта, у вошедшаго выпала киса и вмѣстѣ съ нею огромный ножъ, тогда злодѣй видя, что онъ попался, упалъ на колѣни и признавъ себя виновнымъ. Государь удержалъ его отъ колѣнопреклоненія и спросилъ:

— Что ты хотѣлъ сдѣлать съ этимъ ножемъ?

— Тебя зарѣзать, былъ отвѣтъ.

— За что? спросилъ Государь весьма спокойно. Кажется, я тебя ничѣмъ не обидѣлъ.

— Нѣтъ, ты меня не обидѣлъ, но сдѣлалъ зло нашей братіи и нашей вѣрѣ.

— Хорошо! мы это разсмотримъ завтра, сказ-

залъ Государь раскольнику и приказалъ его взять подъ караулъ.

Отъ графа Бутурлина, который въ это самое время былъ деньщикомъ Государя.

Путешествіе Петра Перваго.

ОТВѢТЪ ВИЛЬЯМУ КОРОЛЮ АНГЛІЙСКОМУ.

Въ началѣ перваго своего путешествія Императоръ Петръ, будучи въ Лондонѣ, цѣлый день проводилъ въ прогулкѣ, и въ разсматриваніи различныхъ достопримѣчательностей города, въ которомъ нашелъ много предметовъ достойныхъ удивленія.

Однажды цѣлое утро онъ провелъ, обозрѣвая Гренвильскій госпиталь, назначенный для помѣщенія отставныхъ матросовъ и потомъ обѣдалъ за столомъ короля.

— Что, Ваше Величество, какъ вы находите госпиталь? спросилъ за столомъ Король.

— Чрезвычайно хорошъ, Ваше Величество, такъ хорошъ, что я бы совѣтовалъ, Вашему Величеству его взять для вашего дворца, а дво-

рецъ вамъ очистить для матросовъ, сказалъ Петръ Первый.

Отъ Англійскаго резидента Рондо въ С.-Петербургъ.

Заключеніе объ Австрійскомъ дворѣ.

Петръ Первый на обратномъ пути изъ Англіи и Голландіи чрезъ Германію, проѣхалъ въ Вѣну, гдѣ и былъ отлично принятъ Австрійскимъ Императоромъ Леопольдомъ. Но здѣсь будучи извѣщенъ о стрѣлецкомъ возмущеніи, онъ былъ долженъ поторопиться возвращеніемъ въ свое государство и оставить намѣреніе ѣхать въ Венецію.

Въ Австріи, какъ ни кратковременно было его пребываніе, однако онъ много видѣлъ, подмѣтилъ и пріобрѣлъ на память очень много достопамятныхъ вещей.

Однажды въ С.-Петербургѣ за его столомъ зашла рѣчь о Вѣнскомъ дворѣ. Петръ Великій сказалъ:

— У Императора Леопольда мнѣ все крайне понравилось; одно только не понравилось, что

повсюду много іезуитовъ; и то еще болѣе меня удивляетъ, что у него не много болѣе земли, чѣмъ у нихъ, а денегъ у нихъ болѣе, чѣмъ у него и между тѣмъ въ послѣднюю трудную войну съ Турками въ 1683 году они не помогли ему ни деньгами, ни рекрутами.

Отъ Тайнаго Совѣтника Веселовскаго.

Петръ Первый въ Виртенбергѣ.

Любознательность Петра Перваго была ненасытна и не имѣла предѣловъ. Если онъ на пути своемъ проѣзжалъ чрезъ деревушку или городокъ, всегда освѣдомлялся, нѣтъ ли предметовъ достойныхъ замѣчанія.

Если иногда говорили, что здѣсь предметы не интересны, то онъ, бывало, отвѣчалъ:

Почемъ знать, вамъ оно не интересно, а, можетъ быть, въ моихъ глазахъ эта вещь достойна удивленія, я желаю посмотрѣть. Въ самомъ дѣлѣ, однажды въ трактирѣ, гдѣ онъ остановился, ему поднесли замокъ изящной работы и другіе металлическіе предметы за весьма малую цѣну;

потомъ узнавъ, что есть у мастера и другіе подобнаго искусства предметы, захотѣлъ посмотрѣть мастерскую этого мастера. Городокъ былъ невеликъ и притомъ слѣсарь былъ единственный во всемъ городѣ. Тогда Государь, держа въ рукѣ одинъ изъ купленыхъ замковъ, обратился къ своей свитѣ, и сказалъ:

— Посмотрите! видывали ли вы такую работу у насъ въ Россіи? и можно ли было въ такомъ маленькомъ городкѣ найти такого искуснаго мастера? потомъ, обратясь къ мастеру, сказалъ:

— Если хочешь пріобрѣсти себѣ счастья, то можешь ѣхать въ С.-Петербургъ и прямо явиться къ Государю.

Во второмъ своемъ путешествіи въ Голландію, послѣдовавшемъ въ 1716 году, онъ пріѣхалъ предъ обѣдомъ въ Виттенбергъ, что въ Саксоніи, и между тѣмъ, какъ приготовляли ему обѣдъ, онъ спрашивалъ, что тутъ есть особенно любопытнаго для путешественниковъ? Не много особеннаго, отвѣчалъ трактирщикъ, развѣ только старый курфирсткій замокъ, доктора Лютера мѣдная гробница въ церкви сего замка, его прежнее жилище и его учебный покой.

— Вотъ кстати, мнѣ это очень нужно видѣть; я очень много слышалъ хорошаго объ этомъ знаменитомъ мужѣ, который для счастья многихъ мужественно боролся съ Папою.

Государь прежде, чѣмъ приступить къ обѣду, поторопился приступить къ осмотру, въ церковь замка, гдѣ, разсматривая мѣдную, статую изображающую Мартина Лютера надъ гробницею во весь его ростъ, сказалъ:

— Да! это вполнѣ заслужилъ Лютеръ. Потомъ вошелъ въ покой Лютера, гдѣ онъ жилъ и умеръ.

По входѣ въ учебный покой, ему показали большое чернильное пятно и причемъ разсказали старое преданье, что однажды, когда Лютеръ упражнялся въ чтеніи священнаго писанія и въ перепискѣ, то ему представился дьяволъ, и различными кознями старался отвлечь его отъ духовныхъ мыслей, за что такъ его разсердилъ, что Лютеръ, схвативъ чернильницу, бросилъ ее дьяволу въ рожу, отъ чего и произошло это большое чернильное пятно, котораго до сихъ поръ невозможно отмыть.

— Петръ Великій очень смѣялся на эту сказ-

ку и ничего болѣе не сказалъ кромѣ слѣдующихъ словъ:

— Неужели этотъ разумный мужъ могъ видѣть дьявола? я думаю, ему и думать этого невозможно.

Потомъ Петръ Первый замѣтилъ, что вся закоптѣлая стѣна этой комнаты была исписана различными надписями и, когда онъ спросилъ, что это значитъ, то ему объяснили, что это подписи посѣтителей изъ пріѣзжихъ и иностранцевъ. Тогда Петръ Первый, вынувъ изъ кармана кусокъ мѣлу, подлѣ чернильнаго пятна написалъ русскими словами: «Петръ».

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Яковъ Штампъ.

Петръ Первый въ Берлинѣ.

Петръ Великій, никогда не допускалъ мысли, что величіе зависитъ отъ пышности и великолѣпія, и никогда не показывалъ своего величія, что доказываетъ самая жизнь его. Наружное великолѣніе тяготило его, какъ внѣшняя суета, безъ которой всегда можно обойтись.

По образу мыслей, образу жизни и обычаю при дворахъ заведенную пышность считалъ за зло, которое ведетъ къ большимъ издержкамъ, и обыкновенно говаривалъ:

— Суммы, издерживаемыя на такія излишнія издержки, можно бы употребить съ большею пользою для улучшенія Государства, въ пользу подданныхъ и увеличеніе царскаго могущества.

Онъ этого правила ни отъ кого не скрывалъ, даже отъ иностранныхъ Государей, когда путешествовалъ по Европѣ.

Когда Англійскій Король Вильямъ спросилъ Петра Великаго: нравится ли ему Лондонъ? то онъ отвѣчалъ:

— Многое очень нравится и особенно то, что здѣсь нѣтъ никакой пышности, такъ что богатые люди ходятъ хотя и опрятно, но очень просто.

Напротивъ того совсѣмъ другаго образа мыслей и понятій былъ великій церемоніймейстеръ Фридрихъ I, Прусскій Король, какъ то внукъ его Фридрихъ второй пишетъ въ историческихъ бранденбургскихъ запискахъ, что онъ менѣе печалился о смерти своей супруги, нежели радовался тому, что получилъ случай усладиться великолѣпіемъ и церемоніаломъ пышныхъ похоронъ.

Какъ только Фридрихъ первый получилъ извѣстіе, что Петръ I предпринимаетъ путешествіе въ Голландію и во Францію, то приказалъ находящемуся тамъ посланнику торжественно просить Его Императорское Величество взять дорогу на Берлинъ, и, проѣзжая, удостоитъ посѣщеніемъ Его Королевское Величество.

Съ этого же времени Король приказалъ дѣлать приготовленія къ великолѣпному пріему Петра I съ пышнымъ торжествомъ для угощенія дорогаго гостя.

При всемъ томъ Петръ Великій, давъ слово ѣхать чрезъ Берлинъ, просилъ устранить всевозможные великолѣпные церемоніалы. Но Король Прусскій никакъ не рѣшался оставить нужныя приготовленія, и вотъ Петръ Великій рѣшился пріѣхать въ Берлинъ вечеромъ.

По пріѣздѣ поздно вечеромъ, онъ остановился у своего Русскаго посланника; лишъ только Король узналъ объ этомъ, какъ невзирая на то, что была уже ночь, прислалъ оберъ-церемоній-мейстера и двухъ знатныхъ придворныхъ кавалеровъ поздравить Его Императорское Величество съ благополучнымъ пріѣздомъ.

Петръ Великій давъ имъ знать, что онъ едва ли

въ Берлинѣ пробудетъ болѣе двухъ дней, и если Королю будетъ благоугодно, то онъ завтра около полудня намѣренъ сдѣлать ему посѣщеніе.

Слѣдующимъ утромъ въ 9 часовъ утра къ крыльцу посланника была прислана великолѣпная карета, запряженная шестеркою прекрасныхъ лошадей.

Императоръ Петръ I ѣхалъ въ то время съ молодыми дворянами для обученія за границей, это были: князь Куракинъ, Бестужевъ, Графъ Головкинъ; они должны были сопровождать Петра Великаго къ Королю.

Великолѣпный придворный экипажъ ожидалъ Государя и его свиты до полудня, какъ вдругъ было извѣщено, что Петръ Первый давно со свитой при дворѣ Короля.

Это случилось такъ: Петръ Великій въ 11 часовъ вышелъ заднимъ крыльцомъ на заднюю улицу вмѣстѣ съ сопровождавшими его дворянами и безъ шуму пришелъ во дворецъ.

По дружескомъ пріемѣ Королъ спросилъ:

— Правда ли, Ваше Императорское Величество, что Вы изволили придти пѣшкомъ, и не приняли предложеннаго вамъ экипажа?

Государь, поблагодаривъ Короля за всѣ его приготовленія, сказалъ:

Вашему Величеству извѣстно, что я просилъ, чтобы пышность въ пріемѣ меня была оставлена, ибо я къ ней не привыкъ; я не хотѣлъ сдѣлать въ городѣ своимъ появленіемъ шуму, а пѣшкомъ я ходить люблю, и даже въ день пройду въ десятеро болѣе, чѣмъ сего дня.

Отъ Графа Бестужева, который въ этотъ день сопровождалъ Государя Императора къ Берлинскому двору.

Петръ Великій въ Парижѣ.

При путешествіи своемъ въ Парижъ, въ 1717 г., въ первый разъ, бывъ у опекуна младшаго Короля Регента Франціи Герцога Орлеанскаго, Петръ Великій прежде всего просилъ, чтобы для него не дѣлать никакихъ пышныхъ церемоній, а только изъявилъ свое желаніе осмотрѣть королевскія строенія, инвалидные дома, арсеналы, госпитали, фабрики, мануфактуры, монетные дворы и проч.

Регентъ Франціи увѣрилъ Русскаго Монарха, что, чего не пожелаетъ Его Величество, все бу-

детъ исполнено съ величайшимъ удовольствіемъ, и затѣмъ представилъ Петру Великому младшаго Короля Людовика XV, который сдѣлалъ Русскому Царю маленькое привѣтствіе. Такъ какъ Царю Петру нужно было слишкомъ низко наклоняться, чтобы увидѣть его лицо, то Государь взялъ Людовика и поднялъ къ себѣ на руки, и, поцѣловавъ его сказалъ:

— Желаю отъ всего сердца, чтобы Его Величество благополучно выросъ и со временемъ славно царствовалъ. Можетъ быть, мы когда нибудь будемъ нужны и полезны другъ другу.

Князь Куракинъ, который былъ Россійскимъ посланникомъ при генеральныхъ штатахъ, Голландіи и Вестъ фрасландіи долженъ былъ сопровождать Царя Петра изъ Гаги въ Парижъ. При семъ высокомъ посѣщеніи такъ какъ и вездѣ въ Парижѣ занималъ мѣсто переводчика.

Царь, услышавъ о славномъ заведеніи въ Сенъ Сирѣ, не далеко отъ Версаля, въ которомъ жила мадамъ Ментенонъ, кроткая фаворотка Людовика XIV, которая учредила это заведеніе для небольшаго числа благородныхъ дѣвицъ и для своего собственнаго убѣжища, рѣшился непрѣменно его осмотрѣть.

Пріѣхавъ въ это прекрасное уединеніе, Монархъ приказалъ доложить о себѣ мадамъ Ментенонъ, но въ отвѣтъ: что въ другое время она посѣщеніе Монарха считала бы за великое счастіе, но такъ какъ она очень больна, то считаетъ себя не въ правѣ принять Русскаго Царя въ этомъ положеніи, Царь сказалъ:

— Это не мѣшаетъ, ни мнѣ, ни ей, потому, что я не буду безпокоить многими разговорами, а только желаю засвидѣтельствовать свое глубочайшее почтеніе, ибо эта прекрасная госпожа, одаренная щедро отъ природы душевными и тѣлесными качествами, имѣетъ великія заслуги отъ Короля и королевотва, которому она сдѣлала весьма много добра и никому зла, кромѣ Гугенотовъ, и то по простотѣ и суевѣрію.

Онъ нашелъ ее въ постелѣ и подъ одѣяломъ, закрытую занавѣсами.

Петръ Великій отдернулъ занавѣси и привѣтствовалъ ее весьма дружескимъ образомъ; потомъ сѣлъ у ея ногъ и извинялся, что посѣтилъ ее не во время, оправдываясь только тѣмъ, что, имѣя въ виду осмотрѣть всѣ достопримѣчательности Парижа, не могъ преминуть, чтобы не

посѣтить такую особу. Наконецъ спросилъ о причинѣ болѣзни.

— Я больна, отъ старости, отвѣчала Ментенонъ.

— Этой болѣзни всякій подверженъ, кто только долго проживетъ на свѣтѣ, сказалъ Монархъ. За тѣмъ, пожелавъ ей облегченія, осмотрѣлъ достопримѣчательности и возвратился.

Спустя день, Петръ Великій осматривалъ знаменитую Гобеленовскую фабрику съ великимъ вниманіемъ и удивленіемъ; притомъ были Петру Великому подаѣсены четыре великолѣпно тканыя картины огромныхъ размѣровъ съ картинъ славнаго Жувенета, а именно: рыбная ловля св. Петрѣ, воскрешеніе Лазаря, исцѣленіе разслабленнаго и изгнаніе изъ храма торгующихъ; на сказанныхъ картинахъ всѣ фигуры въ человѣческой ростъ.

Эти прекрасные обои были оцѣнены въ то время въ шестьдесятъ тысячь талеровъ и Петромъ Великимъ были хранимы, какъ великолѣпный образецъ искусства. Въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, ими были обиты три стѣны одного покоя въ С.-Петербугскомъ зимнемъ дворцѣ.

При осмотрѣ Петромъ Великомъ богатой ко-

ролевской библіотеки, Императоръ, не безъ удовольствія, разсматривалъ различныя рѣдкости, при чемъ ему было поднесено въ подарокъ двѣнадцать книгъ, in folio, переплетенныхъ въ сафьянъ съ золотомъ, содержащія въ себѣ награвированныя изображенія Королевскихъ зданій и садовъ въ Версали и походы Лудовика XIV, рисованныя славнымъ Фонъ-Деръ Миленомъ и выгравированные лучшими художниками Парижа. Эти книги Петръ Великій всегда имѣлъ въ своемъ кабинетѣ, но, по смерти Императора, они сданы въ С.-Петербургскую Академію Наукъ.

Но всего лучше, Императоръ Петръ былъ принятъ на Королевскомъ монетномъ дворѣ, на разсматриваніе чего употребилъ все послѣ обѣденное время. Тамъ онъ съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ Штампованные станки, и ему показаны ихъ пріемы. Въ это самое время начальникъ монетнаго двора, приказалъ подать кружокъ и штемпель.

Тутъ же въ виду Государя Петра былъ вставленъ штемпель, и въ одну минуту Государю была предложена медаль, съ одной стороны, которой было изображеніе Государя Императора Петра Перваго, а на другой весьма лестное при-

вѣтствіе, представляющее летящую славу надъ рѣкою съ надписью:

Crescit eundo, то есть:
Шествуя возрастаетъ.

Долгое время Государь удивлялся, какъ въ такое короткое время была готова медаль, съ вѣрнымъ изображеніемъ и, показывая спутникамъ, послѣ долгаго обзора сказалъ по-Русски.

— Я, это вѣрно я!

Вслѣдъ за тѣмъ сдѣлали еще нѣсколько медалей, изъ которыхъ золотыми наградили знатнѣйшихъ спуниковъ, а прочихъ серебряными.

Рисунокъ и штемпель медали былъ сдѣланъ въ то время, когда получили въ Парижѣ извѣстіе о намѣреніи Петра Перваго быть въ Парижъ.

Эту медаль Государь всегда сохранялъ въ своемъ кабинетѣ, а послѣ его смерти, она была отдана въ Минцъ, кабинетъ Императорской академіи наукъ, гдѣ присоединены къ коллекціи медалей.

Отъ барона Черкасова, бывшаго Секретаремъ Его Императорскаго Величества Петра при описанномъ посѣщеніи Парижа.

На обратномъ пути изъ Парижа, Государь пріѣхалъ въ одну деревню, гдѣ увидѣлъ въ небольшемъ садикѣ работающаго человѣка; онъ былъ одѣтъ со всѣмъ иначе, противъ того, какъ одѣваются простые поселяне.

Петръ Великій приказалъ узнать, кто это работаетъ, и узналъ, что это сельскій священникъ. Онъ тотчасъ подошелъ къ нему, какъ простой путешественникъ, вошелъ въ садъ, въ которомъ онъ нашелъ очень много прекрасныхъ плодовыхъ деревьевъ, а за тѣмъ почти цѣлый шелковичный садъ и такими же деревьями былъ обсаженъ дворъ.

Петръ Первый былъ въ саду болѣе получаса, бесѣдуя объ полеводствѣ и садоводствѣ, между тѣмъ услышалъ отъ него, что большая часть этихъ прекрасныхъ деревъ посажена его собственными руками. Между прочимъ Царь Петръ спросилъ.

— Какъ же вы, будучи священникомъ, сами обработываете поле? Неужели въ этомъ дѣлѣ непомогаютъ прихожане?

Весьма рѣдко, милостивый Государь! развѣ въ свободный часъ кой кто забѣжитъ; каждый изъ

нихъ занятъ собственною работою, поэтому не много времени отъ труда посвящаетъ отдыху.

А по моему званію, у меня довольно времени, чтобы обработать поле, и садъ.

И когда я прилежно поработаю, то при хорошей работѣ могу получить нѣсколько сотъ ливровъ годоваго дохода, чрезъ продажу плодовъ и шелку, слѣдовательно гораздо болѣе прибыли, чѣмъ отъ моего маленькаго прихода, сказалъ священникъ.

Русскому отцу отечества, попечительному Монарху, было чрезвычайно пріятно слышать изъ устъ священника такую отрадную правду; онъ записалъ въ книжку имя священника и деревню и съ большимъ удовольствіемъ сказалъ своимъ спутникамъ:

Вотъ истинно добрый человѣкъ! онъ живетъ хорошо чрезъ свои труды и имѣетъ прибыль. Когда мы возвратимся на свою родину, то прошу напомнить объ этомъ. Я буду также стараться возбуждать въ нашемъ сельскомъ духовенствѣ любовь къ труду. Они чрезъ это будутъ болѣе способны безбѣдно жить и лучше нынѣшняго

состоянія, такъ что могутъ давать приличное воспитаніе дѣтямъ.

Отъ барона Черкасова секретаря Петра Перваго бывшаго съ нимъ въ путешествіи.

Заботы Петра Великаго

О РАЗВИТІИ ГРАМОТНОСТИ.

Въ первые годы царствованія Петра Великаго хотя уже было много церковныхъ книгъ на русскомъ языкѣ и даже цѣлыя творенія знаменитыхъ церковныхъ учителей святыхъ: Василія Великаго, Григорья Богослова, Іоанна Златоустаго и другихъ, переведены съ греческаго и Латинскаго, на Славяно Русскій языкъ; лѣтописей же Никона, Нестора и другихъ, касающихся до древней Русской исторіи, было большое количество въ монастыряхъ, въ частныхъ и придворныхъ библіотекахъ но печатныхъ на русскомъ языкѣ не было.

А книгъ до наукъ и художествъ относящихся не было вовсе ни одной на русскомъ языкѣ.

Петръ Великій, замѣчая такой недостатокъ,

старался тѣмъ усерднѣе отвратить это, что находилъ это болѣе вѣрнымъ ручательствомъ успѣху его дѣлъ и намѣреній и тѣмъ уже болѣе, что нужда заставила во время Шведской войны образовать хорошихъ Русскихъ артиллерійскихъ и морскихъ офицеровъ изъ своихъ, которымъ было нужно для дальнѣйшаго образованія себѣ подобныхъ непремѣнно руководство на русскомъ языкѣ.

Съ этимъ намѣреніемъ Великій Монархъ, перевести на русскій языкъ ,прежде всего переводилъ такія книги, по которымъ бы можно было научиться начальнымъ основаніямъ необходимыхъ наукъ и художествъ, и приказывалъ такія переводы печатать и раздавать безденежно.

Основательность познаній въ наукахъ Петръ Великій уже тѣмъ доказывалъ, что онъ умѣлъ изъ нихъ дѣлать хорошій выборъ. Вотъ книги, которыя имъ были напечатаны на Русскомъ языкѣ:

съ Голланд.
- Кораблестроеніе, Бринкена.
- Тоже сочиненіе неизвѣстнаго Голландца.
- Тоже искусившагося корщика.
- Новый способъ укрѣпленія Коегорна.

состоянія, такъ что могутъ давать приличное воспитаніе дѣтямъ.

Отъ барона Черкасова секретаря Петра Перваго бывшаго съ нимъ въ путешествіи.

Заботы Петра Великаго

О РАЗВИТІИ ГРАМОТНОСТИ.

Въ первые годы царствованія Петра Великаго хотя уже было много церковныхъ книгъ на русскомъ языкѣ и даже цѣлыя творенія знаменитыхъ церковныхъ учителей святыхъ: Василія Великаго, Григорья Богослова, Іоанна Златоустаго и другихъ, переведены съ греческаго и Латинскаго, на Славяно Русскій языкъ; лѣтописей же Никона, Нестора и другихъ, касающихся до древней Русской исторіи, было большое количество въ монастыряхъ, въ частныхъ и придворныхъ библіотекахъ но печатныхъ на русскомъ языкѣ не было.

А книгъ до наукъ и художествъ относящихся не было вовсе ни одной на русскомъ языкѣ.

Петръ Великій, замѣчая такой недостатокъ,

старался тѣмъ усерднѣе отвратить это, что находилъ это болѣе вѣрнымъ ручательствомъ успѣху его дѣлъ и намѣреній и тѣмъ уже болѣе, что нужда заставила во время Шведской войны образовать хорошихъ Русскихъ артиллерійскихъ и морскихъ офицеровъ изъ своихъ, которымъ было нужно для дальнѣйшаго образованія себѣ подобныхъ непремѣнно руководство на русскомъ языкѣ.

Съ этимъ намѣреніемъ Великій Монархъ, перевести на русскій языкъ ,прежде всего переводилъ такія книги, по которымъ бы можно было научиться начальнымъ основаніямъ необходимыхъ наукъ и художествъ, и приказывалъ такія переводы печатать и раздавать безденежно.

Основательность познаній въ наукахъ Петръ Великій уже тѣмъ доказывалъ, что онъ умѣлъ изъ нихъ дѣлать хорошій выборъ. Вотъ книги, которыя имъ были напечатаны на Русскомъ языкѣ:

съ Голланд.
- Кораблестроеніе, Бринкена.
- Тоже сочиненіе неизвѣстнаго Голландца.
- Тоже искусившагося корщика.
- Новый способъ укрѣпленія Коегорна.

Непреодолимая крѣпость Боргдорфа, (съ Нѣмецкаго).

съ Французскаго.	Искусство укрѣпленія.	Пагана.	въ листъ съ рис.
	Тоже —	Бланд.	
	Тоже —	Вабана.	

Курція. Исторія Александра Македонскаго съ латин.

Географія Варснія. Съ Нѣмец. въ листъ.

Тоже Гибнера. Съ Нѣмец. въ листъ.

Введеніе въ познаніе Европейскихъ государствъ, Пуффендорфа съ Нѣмецкаго, въ четвертку.

Послѣ смерти Петра Великаго найдены въ его кабинетѣ его переводы.

Гражданская архитектура Севастьяна Лерка.

Точильное искусство, Плюмьера.

Механика о построеніи плотинъ и мельницъ, Штурма.

Изъ всего видно, что мудрый Царь Петръ намѣренъ былъ издавать постепенно на Русскомъ языкѣ всѣ лучшія въ то время книги и по нужнѣйшимъ наукамъ и искусствамъ для нашего отечества.

Отъ Генерала Барона Лубрасъ.

Заботясь печатно передать все полезное и умное иностранное, Петръ не пренебрегалъ и своимъ отечественнымъ.

Однажды Петръ I съ кѣмъ то завелъ рѣчь объ исторіи Русской. Государю кто то сказалъ, что Русская исторія давно написана по частямъ въ Германіи, Франціи и Голландіи, но Петръ Великій сказалъ:

Все это ничего не стоитъ; могутъ ли что нибудь писать, когда и мы объ ней еще ничего не издали. Скорѣе нужно думать, что они насъ этимъ вызываютъ на то, чтобы мы скорѣе свое напечатали. Я знаю, что истинные источники для Русской исторіи повсюду раскиданы въ нашемъ государствѣ, а особливо въ монастыряхъ у монаховъ. Я самъ боюсь одного, чтобы въ нашихъ монастыряхъ рукописи эти не утратились, и хорошо бы ихъ отдать какому нибудь исторіографу, для разработки, да всегда находилъ тому препятствіе.

Въ 1722 году, Петръ Великій разослалъ по монастырямъ указы и во первыхъ же въ Кіевъ и въ Новгородъ, и потомъ эти лѣтописи сохранялись долгое время, въ кабинетѣ Государя Императора, отчасти въ Импер. Академіи Наукъ, и

въ хранилищѣ рукописей Московской Синодальной типографіи.

Отъ библіотекаря Шумахера.

Заботясь о рукописяхъ, пригодившихся долго спустя быть источниками къ составленію Русской Исторіи нашимъ первымъ, Русскимъ исторіографомъ Карамзинымъ, Петръ Великій заботился о сохраненіи не менѣе того всѣхъ возможныхъ предметовъ древности, которые чѣмъ нибудь могли бы служить къ поясненію Исторіи.

Послѣ заключенія съ Шведской Королевой столь славнаго и выгоднаго мира въ 1722 году, отправился въ Персію, и, прійдя въ Казань, остановился на нѣсколько дней для отдыха; но здѣсь узнавъ, что верстъ за 10 или за 12 есть развалины нѣкогда славнаго города Болгары, Петръ Великій захотѣлъ ихъ лично самъ осмотрѣть.

Онъ немедленно поѣхалъ къ этимъ развалинамъ, и обозрѣвалъ все достойное вниманія; затѣмъ приказалъ снять всѣ надписи съ могильныхъ камней и съ другихъ мѣстъ, гдѣ онѣ были на армянскомъ и арабскомъ языкахъ, и пе-

реводя на Русскій, отослать въ С.-Петербургскій Императорскій кабинетъ.

Такъ какъ громадные памятники Болгарскихъ зданій, отъ времени повредились и наконецъ современемъ могли бы совершенно разрушиться, то Государь приказалъ указомъ губернаторамъ, Казанскому и Астраханскому произвести поправку развалинъ, не измѣняя ихъ вида придать имъ прочность, и дѣлать ежегодный обзоръ.

Отъ Принца Людовика, Гессенъ Гасбургскаго, бывшаго съ Императоромъ Петромъ Первымъ въ Персидскомъ походѣ и въ это время въ Казани.

Однажды Петру Великому были представлены разные свитки въ крѣпкой, лощеной, синей и красной бумагѣ, исписанной золотыми буквами и найденные въ Сибири въ погребахъ *Семипалатъ;* гдѣ нынѣ городъ Симипалатинскъ; это мѣсто близь вершинъ р. Иртыша, названное посеми старинымъ развалинамъ палатъ.

Въ Россіи въ то время не нашлось никого, ктобы могъ прочитать эти свитки, или покрайней

мѣрѣ объяснять письмо, какой принадлежитъ націи и сочли ихъ за древнія Тунгусскія потому, что въ той сторонѣ Сибири въ прежнее время жили Тунгусы.

Всѣ смотрѣли на эти свитки съ удивленіемъ, и Петръ Великій, не терпящій незнанія, не удовольствовался этимъ и захотѣлъ узнать какъ то, на какомъ языкѣ это написано, такъ равно и то, что написано; и вотъ для этого одинъ изъ списковъ послалъ въ Парижъ къ Аббату Биньону съ тѣмъ, чтобы онъ нашелъ свѣдующее въ древнихъ восточныхъ языкахъ лицо для прочтенія письменъ, могшее истолковать содержаніе.

Биньонъ показалъ свитокъ Королевскому переводчику Фурманту, который зналъ большую часть восточныхъ языковъ, и нѣсколько читалъ по Китайски. Этотъ знатокъ, который можетъ быть, никогда и въ глаза не видывалъ такихъ письменъ, съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ это довѣріе къ своей учености и, продержавъ долгое время свитокъ, возвратилъ его съ подложнымъ переводомъ, увѣряя, что это дѣйствительно письмена древняго Тунгутскаго языка.

Разумѣется, никто не зналъ вѣрить этому или нѣтъ, и никто, по незнанію, не могъ оспоривать

справедливости. Государь Петръ I, выдалъ за истолкованіе приличное вознагражденіе, но какъ и другіе, столько же показалъ сомнѣнія къ тому переводу, сколько и вѣры: говоря:

Если этотъ переводъ несправедливъ, то покрайней мѣрѣ остроуменъ.

Во время царствованія Анны Іоанновны, при Императорской Академіи наукъ, находились двое изъ Русскихъ, которые шестнадцать лѣтъ, учились Китайскому и Манджурскому языкамъ. Они коль скоро увидѣли свитки, то тотчасъ-же признали ихъ за Манжурскія; и легко перевели ихъ, переводъ ихъ ни въ чемъ не согласовался съ Фурмантовымъ, такъ что видно было, что Фурмантъ ни одной буквы непонималъ изъ этихъ письменъ.

Подлинные свитки и оба помянутые перевода хранятся въ библіотекѣ Императорской Академіи наукъ.

Отъ совѣтника Шумахера, который былъ посланъ съ упомянутыми свитками въ Парижъ къ Аббату Пиньону.

Начало С.-Петербурга.

Петръ Великій, желая свой новый городъ украсить наилучшими зданіями, былъ очень доволенъ, когда въ немъ или около него поселялись.

Кто бы только ни строился, Государь Петръ всегда былъ готовъ присутствовать при закладкѣ дома, и при освященіи мѣста.

Такъ какъ постройкой дома каждый расчитывалъ угодить Монарху, то разумѣется, каждый и заботился что нибудь построить. При такихъ расчетахъ каждаго, С.-Петербургъ скоро разросся зданіями.

Особенное предмѣстіе расположилъ Государь, близь возморья, между южными рукавами рѣки Невы, именно: между Пряжкою, Глухою и Фонтанкою, и назвалъ ихъ, большою и малою Коломною, которые состояли изъ многихъ улицъ, и гдѣ преимущественно, жили большой частью служащіе морскаго вѣдомства; далѣе внѣ города, по ту сторону Фонтанки, взялъ онъ порядочную полосу по возморью, на нѣсколько верстъ, подъ дачу своей супругѣ, и назвалъ эту часть Ека-

терингофомъ, и построилъ въ Голландскомъ вкусѣ домъ на каменномъ фундаментѣ, въ пріятной рощѣ, а подлѣ дома вырылъ каналъ, по которому бы можно было выѣзжать на шлюбкахъ въ Неву и обратно. Этотъ домъ сохранился и понынѣ, онъ двухъ-этажный, въ одномъ жилъ Государь, а въ другомъ Государыня съ фамиліей, но Елизавета Петровна, прибавила къ нему два флигеля, два большихъ зала, и нѣсколько боковыхъ покоевъ.

Далѣе еще на версту, по берегу возморья, находятся острова, придающіе этой сторонѣ пріятный видъ, построены еще двѣ небольшія дачки, по имени царственныхъ дочерей, Анненгофъ и Елизаватгофъ.

Помянутое угожденіе Императоромъ, постройкой дачки называемой Екатерингофомъ, въ честь ея имени, не прошло даромъ. Государыня съумѣла отплатить тѣмъ же; Императрица избрала одно высокое и красивое мѣсто, въ двадцати пяти верстахъ отъ С.-Петербурга, лежащее отъ него въ юговосточной сторонѣ, съ котораго видѣнъ С.-Петербургъ, какъ на ладони, и нашла тамъ только одну деревушку, по имени своей помѣщицы Сары, названной Сарскою мызою.

Въ этой мѣстности Екатерина построила, во время двухъ лѣтняго отсутствія супруга, каменный увеселительный дворецъ совсѣми принадлежностями, развела садъ съ куртинами и шпалерниками и все это производила въ глубокой тайнѣ, и съ крайней поспѣшностью, и вотъ подъ ея присмотромъ на третье лѣто, явился прекрасный, загородный домъ. Государь, возвратясь изъ Польши, былъ крайне изумленъ множествомъ новыхъ домовъ и былъ очень радъ, что Стрѣльна и Петергофъ, его увеселительные дворцы были окончены. Тутъ Императрица ему сказала:

— А я въ твое отсутствіе нашла, хотя пустое, но очень здоровое, мѣсто не подалеку отъ С.-Петербурга, на которомъ ты конечно выстроишь себѣ увиселительный дворецъ, стоитъ только тебѣ увидѣть.

Государь, будучи очень обрадованъ, что Императрица содѣйствуетъ застроенію окрестностей С.-Петербурга, пожелалъ знать, гдѣ это мѣсто, которое она находитъ такимъ прекраснымъ, какъ описываетъ; но Государыня увѣряла настоятельно, что оно ему понравится, потому болѣе, что находится на нѣсколько верстъ въ сторонѣ отъ

Московской дороги и имѣетъ прекрасный видъ, а пусто единственно потому, что мало извѣстно и отдалено.

Императоръ былъ очень нетерпѣливъ и потому обѣщался непремѣнно съ нею туда ѣхать а другой же день.

Екатерина тотчасъ приказала въ тайнѣ, сдѣлать необходимыя приготовленія къ принятію Государя въ свой замокъ, и вотъ въ слѣдующій день утромъ его Императорское Величество, въ сопровожденіи штата изъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ поѣхалъ въ новый загородный домъ, за ними ѣхала кухня и погребъ съ довольнымъ запасомъ для сельскаго обѣда, который намѣревались имѣть въ палаткѣ.

Лишь только проѣхавъ одинадцать верстъ, приходилось имъ своротить съ Московской дороги въ правую сторону, удивленное вниманіе Императора было обращено на вновь проложенную чрезъ лѣсъ ровную дорогу и на представшуюся вдали, въ концѣ ея Дудорову гору, Петръ Великій, обернувшись къ спутникамъ, сказалъ:

— Мѣсто, куда моя супруга ведетъ насъ, должно быть прекрасно, если путь такъ хорошъ.

Но лишь достигнули подошвы этой горы, какъ своротили влѣво, то подымаясь, то опускаясь по холмамъ; но хваленаго мѣста еще небыло видно, пока не взобрались на вершину горы; отсюда только Государь увидѣлъ стройное зданіе каменнаго, двухъ этажнаго дворца, и притомъ въ такой сторонѣ, куда еще никогда не вступала его нога.

Съ большимъ удовольствіемъ пріѣхалъ онъ къ новому, невиданному замку, гдѣ встрѣтила его супруга, какъ хозяйка и приняла съ слѣдующими словами:

— Вотъ мѣсто, о которомъ я говорила Вашему Величеству, и вотъ загородный дворъ, который я построила для моего хозяина. Государь бросился въ ея объятія, и, цѣлуя ея руки предъ всѣми, сказалъ:

— Никогда еще жена моя меня не обманывала. Она правду сказала, мѣсто это прекрасно; и мысль, застроить это мѣсто, заслуживаетъ полную мою признательность; этимъ строеніемъ она указала мнѣ, что около С.-Петербурга есть сухія прекрасныя мѣста, заслуживающія, чтобы быть застроенными.

Затѣмъ Государыня повела своего супруга.

по всѣмъ наилучше убраннымъ покоямъ, показала ему изъ оконъ пріятные виды отдаленныхъ мѣстъ, посреди которыхъ любимый его С.-Петербургъ былъ всего виднѣе.

Послѣ того ввела Его Величество въ столовую, гдѣ былъ накрытъ великолѣпный столъ.

За столомъ сѣли обѣдать, Государь выпилъ первый, за здравіе хозяйки и благоразумной строительницы. Императрица въ отвѣтъ на привѣтствіе пила за здоровье Его Величества, какъ хозяйка дома, но какъ удивился Государь, когда во время тоста Государыни, за здравіе Императора, загремѣли одинадцать шести-фунтовыхъ пушекъ, которыя были разставлены подъ обѣими флигелями замка.

Когда обѣдъ кончился, Государь ходилъ и осматривалъ флигель и садъ, хвалилъ вообще все строеніе и, уѣзжая въ С.-Петербургъ, сказалъ:

Да! я весьма мало помню такихъ веселыхъ дней!

Такимъ образомъ получило начало Царское село.

Отъ архитектора Форстера, который строилъ Царское село и былъ тамъ при этомъ случаѣ.

Петръ Великій, по любви своей къ судоходству, разсматривая многіе планы, по которымъ надлежало на выборъ расположить Петербургъ, избралъ тотъ изъ нихъ, по которому нужно было расположить его на мѣстности нынѣ извѣстной подъ именемъ Васильевскаго острова.

Первымъ распоряженіемъ его было островъ обвести больверками, и провести каналы, которые могли бы служить сообщеніями водъ большой и малой Невы; но при поспѣшности распоряженія забылъ объяснить размѣры и указать маштабъ, какъ широки должны быть каналы, или какъ долженъ быть великъ по ширинѣ промежутокъ земли между каждыми двумя каналами.

Впрочемъ, можетъ, быть Монархъ положился на исполнителей работъ; во всякомъ случаѣ каналы должны были быть таковы, чтобы на нихъ могли свободно разъѣхаться двѣ барки или другаго рода не крупныхъ размѣровъ суда.

Поручивъ работы, Государь отправился къ своимъ войскамъ, а по истеченіи двухъ лѣтъ въ 1716 году поѣхалъ въ Голландію и во Францію, давъ повелѣніе, какъ можно скорѣе, строить городъ.

Въ 1718 году Государь возвратился изъ путешествія и прежде всего пріѣхалъ на шлюпкѣ на Васильевскій островъ для обозрѣнія расположенія линій и каналовъ и къ великой своей радости увидѣлъ, что уже многіе изъ линій застроены деревянными и каменными домами, а противъ первой линіи красуется великолѣпный дворецъ Князя Меншикова и длинный каменный флигель вдоль по каналу.

Но въ тоже самое время, къ великому своему огорченію, примѣтилъ, что каналы и улицы слишкомъ узки; сначала онъ молчалъ, и покачивалъ головою, не зная, подлинно, уже ли эти каналы амстердамскіе, по образцу которыхъ онъ располагалъ ихъ; съ этимъ сомнѣніемъ въ головѣ онъ отправился къ Голландскому резиденту господину Вильде и спросилъ:

— Не знаешь, ли Вильде, какъ широки въ Амстердамѣ каналы?

Резидентъ тотчасъ же досталъ планъ Амстердама и представилъ его съ масштабомъ Императору. Тотъ, вымѣривъ своимъ циркулемъ ширину каналовъ узкихъ и широкихъ, записалъ въ свою книжку, пригласилъ Вильде проѣхать съ нимъ по каналу на шлюпкѣ и приказалъ вы-

мѣрить ширину по улицѣ; но увидѣвъ, что улицы по обѣимъ сторонамъ канала и самый каналъ едва равны ширинѣ одного канала въ Амстердамѣ, несчитая ширины канала, вскричалъ во гнѣвѣ:

— Все испорчено и поѣхалъ во дворецъ.

У Императора долго не выходило изъ головы его ошибка, и при всякомъ случаѣ пѣнялъ онъ и на Князя Менщикова; наконецъ когда къ нему пріѣхалъ извѣстный архитекторъ Леблондъ, выписанный имъ изъ Парижа, то онъ, обходя съ нимъ Васильевскій островъ съ планомъ въ рукахъ, и указывая на каналы и на свою ошибку, наконецъ спросилъ:

— Господинъ Леблондъ, что мнѣ дѣлать по моему плану?

Леблондъ пожалъ плечами на вопросъ Государя и сказалъ.

— Ничего нѣтъ лучше, Ваше Величество, какъ дома сломать, каналы зарыть и выкопать новые.

— Я объ этомъ думалъ и, сѣвъ на шлюбку, уѣхалъ водворецъ.

Леблондъ занимался многими по стройками въ Петергофѣ и въ другихъ мѣстахъ по повелѣнію

Императора, но послѣдній никогда ничего не говорилъ объ Васильевскомъ островѣ.

Отъ Г. Де-Шварта, Голландскаго Резидента пріемника Господина Вильде, у котораго онъ въ то время былъ секретаремъ посольства.

Петербургъ былъ заложенъ въ 1703 году и прежде всего Петропавловская крѣпость на одномъ берегу а адмиралтейство на другомъ. Весь округъ, гдѣ теперь разросся пышный Петербургъ, не имѣлъ ни одного строенія исключая одной рыбачьей хижины, гдѣ онъ жилъ.

Постройка новаго города шла весьма медленно, потому уже одному, что Государь невидѣлъ конца Шведской войнѣ и колебался между страхомъ и надеждою, удержитъ ли за собою берега Невскихъ водъ.

Но коль скоро Шведскія войска были окончательно въ 1709 году разбиты подъ Полтавою и ослаблена Шведская народная сила, то тогда уже Монархъ могъ свободнѣе располагать своими дѣйтсвіями и обратилъ вниманіе на сооруженіе

города. Въ письмѣ къ графу Федору Матвѣевичу Апраксину писалъ между прочимъ такъ: «теперь уже совершенно съ Божіей помощію положенъ камень въ основаніе Петербурга.» Такъ было писано изъ лагеря подъ Полтавою въ 9 часу 27 Іюня 1709 г.

Но разныя препятствія и войны долгое время не давали ему времени видѣть хоть однажды расположенія строенія, такъ что сколько небыло тамъ жилья, все было построено какъ то безъ порядку. Между тѣмъ онъ выбралъ, какъ мы выше описали, тотъ планъ для города, который составленъ былъ по расположенію Амстердама на островѣ Васильевскомъ. Васильевскимъ онъ названъ по тому, что на этомъ островѣ было поставлено двѣ батареи для воспрепятствованія судамъ непріятеля врываться въ устье рѣки. Начальника этихъ батарей надъ бомбандирской ротой называли Васильемъ Дмитріевичемъ Кормчинымъ. Этотъ Кормчинъ однажды, не имѣя флота, съ шестью, десятью лосуками взялъ два военные корабля, то съ того времени и понынѣ островъ названъ Васильевскимъ, да и въ то время часто приказы ему писали «Василью на островѣ.»

Но мы уже знаемъ, что Васильевскому остро-

ву не суждено было быть главною существенною частью Петербурга 18 вѣка.

Не подалеку отъ адмиралтейства, на сторонѣ названной по этому адмиралтейской, по сіе время находились жилища офицеровъ, кораблестроителей, морскихъ плотниковъ и матросовъ, отъ которыхъ и по сіе время называются двѣ улицы одна Большой Морской а другая Малой; для постройки какъ шлюпокъ и мелкихъ судовъ, такъ и для складочныхъ кораблестроительныхъ амбаровъ избранъ былъ островъ между рѣкой Мойкою и каналомъ, называемый новый Голландіей; близъ этого мѣста также была устроена канатная фабрика, а гораздо ниже по большой Невѣ заложена особенная верфь для галеръ, называемая Галернымъ дворомъ, отчего и посейчасъ есть въ той мѣстности Галерная улица и также Галерная гавань. Послѣ ея такъ называемая портикулярная верфь на Фонтанкѣ, вытекающей изъ Невы подлѣ лѣтняго дворца, гдѣ строились, какъ для адмиралтейства, такъ и для частныхъ людей яхты, буеры, шлюбки и другія суда.

Близь устья фонтанки Петръ Великій построилъ лѣтній дворецъ и обширный садъ съ фонтанами, тротами, аллеями, прудами и многими

другими затѣйливыми украшеніями; а для зимы устроилъ зимній дворецъ обширныхъ размѣровъ съ двумя жильями наберегу большой Невы, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь дворецъ нынѣ царствующаго Императора.

На С.-Петербургской сторонѣ были устроены разнаго рода мазанки и деревянное строеніе: здѣсь были коллегіи, дома вельможъ, лавки, ратуши, рынки, оружейный заводъ, и нѣсколько сотъ частныхъ обывательскихъ домовъ; мощеніемъ улицъ занимались Шведскіе плѣнники.

Наконецъ уже въ 1714 году утвердилъ знатнѣйшія завоеванія, когда онъ могъ ожидать окончанія войны въ свою пользу; тогда болѣе прежняго Монархъ усилилъ если старанія о привиденіи своихъ намѣреній по гражданскимъ дѣламъ и вотъ, здѣсь то и выдалъ указъ, чтобы устроить городъ на Васильевскомъ острову, и вслѣдствіе этого указа какъ духовныя лица, такъ и помѣщики должны были соотвѣтственно помѣстью и доходу строить дома по выданному плану длиною въ шесть, десять, двадцать, пятьдесять сажень и чрезъ три года, чтобы приготовить къ жилью, въ противномъ же случаѣ ихъ помѣстья должны будутъ отойти въ казну.

Чтобы содѣйствовать такому заселенію острова, Государь употребилъ съ своей стороны всѣ средства, чтобы никто не могъ извиняться въ недостаткѣ строительныхъ матеріаловъ и въ работникахъ.

Всякъ безъ задержки и безденежно получалъ по своему нумеру изъ особоучрежденной конторы строенія, подъ вѣдомствомъ архитектора Трессино, чертежъ и планъ для своего дома. За нѣсколько верстъ отъ С.-Петербурга вверхъ по Невѣ, по Шлиссенбургской дорогѣ заложено было такъ много кирпичныхъ заводовъ, что нѣкоторые могли доставлять кирпичи милліонами. Изъ окрестностей Ладожскаго озера и изъ Новогородской губерніи водою и за сходную цѣну привозили строевой лѣсъ известь и плиту на фундаменты. Водяныя и вѣтряныя пильныя мельницы около С.-Петербурга доставляли брусья, тесъ, доски; а многія тысячи приходившихъ съ разными товарами и припасами чрезъ Ладогу и Неву барокъ доставляли и лѣсъ на заборы и другія части для надворныхъ построекъ.

Плотники, столяры, каменьщики, и другіе рабочіе люди были призываемы въ С.-Петербургъ не нуждою, а именнымъ повелѣніемъ Государя, изъ сред-

ней Россіи тысячами; а для вымостки улицъ еще предъ тѣмъ за долго приказано непропускать ни какого судна, ни одной повозки, чтобы небыло провезено соразмѣрно величинѣ экипажа двадцать или болѣе камней и нѣсколько булыжнику и не сдано нарочно поставленнымъ у заставы людямъ, если это небыло исполнено, то взыскивалась денежная пѣня.

Изъ предъидущаго было видно, какъ дѣятельно производилась постройка новаго города на Васильевскомъ острову и какъ неудачно были устроены каналы.

Отъ Генерала Экипажмейстера адмиралтейской Коллегіи Брюйла.

При постройкѣ кораблей всегда чувствуется большая потребность въ дубовомъ лѣсѣ; между тѣмъ Монархъ видѣлъ, что скудная природа имъ завоеваннаго края не дастъ этого лѣса.

Основавъ городъ на Невѣ, онъ прежде всего учредилъ мѣстныхъ смотрителей, которыхъ обязанностью было осматривать лѣса Ингеманрлан-

діи и Новгородской губерніи и замѣчать, гдѣ есть дубовое дерево.

Хотя было очень мало цѣльныхъ дубовыхъ рощъ, однако же находили мѣстами дубы довольно порядочной величины; тогда Петръ Великій издалъ указъ, которымъ запрещалъ подъ жестокимъ наказаніемъ, чтобы никто даже въ своемъ имѣніи не рубилъ дубоваго лѣса безъ разрѣшенія адмиралтейской Коллегіи или казеннаго мѣснаго смотрителя.

Чтобы подать народу примѣръ сбереженія, Петръ Первый приказалъ примѣченные имъ въ Кронштадтѣ два дуба обгородить скамейкою для сидѣнія и часто лѣтомъ, сидя на этой скамьѣ, говаривалъ:

— Что еслибы намъ здѣсь, въ окрестностяхъ, найти столько дубоваго лѣса, сколько на этомъ деревѣ, листьевъ и желудей.

Однажды на возморьѣ противъ Кронштадта и Петергофа Государь нашелъ небольшую рощу дубоваго лѣса; здѣсь онъ выстроилъ увеселительной дубовой дворъ и въ честь дубу назвалъ его «*Дубки.*» Тѣхъ, кто въ угодность Монарху сажалъ въ своемъ саду или на дворѣ дубы, Государь благодарилъ публично предъ всѣми.

DAMAGED PAGE(S)

Дѣятельно заботясь о дубовомъ лѣсѣ, который на С.-Петербургской почвѣ хотя растетъ не быстро, но довольно хорошо и прямо, Государь за городомъ Петерговскому тракту избралъ мѣстность на двѣсти квадратныхъ сажень и насадилъ дубу, а потомъ обгородилъ частоколомъ, прибивъ доску у рощи, чтобы никто не осмѣливался портить отростковъ подъ опасеніемъ жестокаго наказанія.

Прошло нѣсколько лѣтъ и, дубки подросли въ человѣческій ростъ. Проѣзжая мимо, онъ посмотрѣлъ на нихъ и замѣтилъ, что нѣсколько сучьевъ валялось около деревъ. Государь огорчился на это, замѣтивъ, что ихъ сорвалъ не вѣтеръ, а человѣческая рука.

Возвратясь въ городъ, онъ приказалъ Оберъ-Полицеймейстеру поставить тайно-караулъ и слѣдить за шалунами, а въ случаѣ нарушителей указа схватить и наказать. Скоро поймали; нарушатели это были какіе то господскіе служители, которые, дурачась, накалывали вѣтки себѣ на шляпы. Разумѣется, они были наказаны для примѣра прочимъ, какъ нарушители Царскаго указа и заботъ Государя.

Отъ Почтъ Директора Ашъ.

Народныя гулянья.

Когда Петръ Великій взялъ Эстляндію и овладѣлъ Ревелемъ, то тотчасъ приказалъ въ городѣ произвести исправленія, произшедшія отъ осады и также привести, гдѣ того требовалось, въ лучшее состояніе крѣпость и гавань.

Тутъ же Петръ Первый приказалъ подъ своимъ надзоромъ разбить общественный садъ со всевозможными украшеніями; здѣсь были фонтаны, стояли статуи, были выкопаны пруды съ островами, перекинуты мостики и др. затѣи. Все было устроено на Итальянскій манеръ и этотъ садикъ Петръ назвалъ въ честь своей супруги Екатеринталь.

Такъ со времени разбивки сада прошло нѣсколько лѣтъ, когда Императору пришлось вновь быть въ Ревелѣ. Осматривая съ Императрицей городъ, онъ чрезвычайно удивился, когда проходя мимо Екатерингаля, нашелъ его запертымъ и при входѣ расхаживалъ караульный. Государь [illegible]осилъ:

[illegible] за причина, что никто непрогуливает-
[illegible] саду?

DAMAGED PAGE(S)

— Не приказано пускать, Ваше Величество, отвѣчалъ солдатъ.

— Какой дуракъ не приказываетъ?

— Наши офицеры, былъ отвѣтъ солдата.

— Вотъ глупцы! сказалъ Императоръ, не ужели они думаютъ, что я, производя такіе расходы, устроилъ это увеселительное мѣсто только для одного себя?

На другой же день Петръ съ барабаннымъ боемъ сдѣлалъ публично повелѣніе, что всѣ, кто хочетъ погулять, тотъ можетъ безо всякаго запрещенія гулять въ Екатериненталѣ съ тѣмъ, чтобы не портить растеній. Часовые были съ того времени сняты и замѣнены сторожами для надзора за чистотою.

Отъ бургомистра Глейвильса въ Ревелѣ.

Наглядное поученіе народа.

ВЪ ЛѢТНЕМЪ САДУ.

Лѣтній садъ былъ разбитъ при лѣтнемъ дворцѣ Шведскимъ садовникомъ Шредеромъ. Онъ разбивалъ двѣ куртины для отдох

его работы посѣтилъ Императоръ. Приказавъ позвать садовника, онъ сказалъ:

— Я очень доволенъ твоею работою и вкусомъ въ украшеніяхъ, Шредеръ, но однако извини, если прикажу нѣкоторыя изъ твоихъ куртинъ взрыть. Мнѣ пришло въ голову кой что! я бы желалъ, что бы посѣтители сада находили въ саду, кромѣ пріятнаго-поучительное.

— Какимъ же образомъ сдѣлать это, Ваше Величество?

— Подумай, сказалъ Государь.

— Думаю такъ, Ваше Величество, что положить на скамьи книги и покрыть отъ дождя; тогда каждый изъ гуляющихъ можетъ читать.

(продолженіе въ третьей части.)

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

АНЕКДОТЫ И ПРЕДАНІЯ
о
ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ
ПЕРВОМЪ ИМПЕРАТОРѢ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ
и
О ЕГО ЛЮБВИ КЪ ГОСУДАРСТВУ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА МАНУХИНА.
1873.

Типографія Ф. Іогансонъ, у Красн. вор., д. Іогансонъ.

АНЕКДОТЫ И ПРЕДАНІЯ
О
ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Продолженіе разсказа:

НАГЛЯДНОЕ ПОУЧЕНІЕ НАРОДА ВЪ ЛѢТНЕМЪ САДУ.

— Государь засмѣялся и продолжалъ:

— Ты почти угадалъ; но съ книгами въ публичномъ саду не очень ловко; а мнѣ кажется гораздо лучше разставить въ саду группы, статуй, которыхъ содержаніе заимствовать изъ Езоповыхъ басней. Въ лицахъ такіе предметы весьма поучительны и любопытны.

Теперь отъ тебя зависитъ расположить, какъ удобнѣе, красивѣе и выгоднѣе помѣстить всѣ эти басни, или покрайнѣй мѣрѣ изъ нихъ большую часть.

Садовникъ поклонился въ знакъ согласія, и чрезъ нѣсколько дней подалъ чертежъ одной части парка въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ оставался до 1777 года. Планъ сада понравился Го-

сударю и онъ велѣлъ по немъ устроить садъ, какъ онъ на планѣ.

Лѣтній садъ представлялъ собою дорожки расположенныя лабиринтомъ и содержалъ четыре куртины со шпалерниками, на каждомъ углу сада помѣщались группы фигуръ отлитыхъ по Езоповымъ баснямъ. Въ маленькомъ бассейнѣ билъ фонтанъ, бассейнъ былъ обложенъ окаменѣлыми раковинами изъ Ильменя озера.

Фигуры были свинцовыя и вызолочены, изъ нихъ также била вода сообразно съ ихъ положеніемъ. Въ такомъ видѣ насчитывали расположеніе по угламъ до 70 басенъ. При входѣ представлена была горбатая фигура Греческаго баснописца Езопа въ человѣческій ростъ. Почти всѣ фигуры были въ натуральную величину.

Такъ какъ Петръ Великій неразсчитывалъ на то, что басни Езопа всѣмъ извѣстны, а потому, чтобы всѣ посѣтители знали содержаніе каждой группы, то приказалъ при каждой баснѣ вбить столбъ и на немъ утвердить жестяную доску съ описаніемъ содержанія басни и съ надлежащимъ объясненіемъ на Русскомъ языкѣ весьма четко.

Самъ Петръ Первый часто любилъ гулять въ лѣтнемъ саду и бесѣдовать мыслью съ великимъ

Греческимъ Философомъ—отцемъ баснописцевъ всего міра.

Но увы! съ 1777 года ничего не осталось намъ на память, кромѣ воспоминаній. Въ этотъ достопамятный годъ была сильная буря и наводненіе, и садъ былъ совершенно опустошенъ; высокія и крѣпковросшія деревья были вырваны съ корнемъ и свалены въ безобразную кучу, куртины окончательно были взбиты и разбросаны бурей въ странномъ безпорядкѣ. Прекрасныя группы, такъ долго служившія украшеніемъ сада и оживлявшія собою память Петра Великаго, были повалены и до такой степени измяты и обезображены, что рѣшительно утратили свое значеніе.

Сожалѣя о томъ и желая увѣковѣчить память о лѣтнемъ садѣ съ фонтанами, садъ съ фонтанами перевели въ Петергофъ, проведя въ него воду изъ прудовъ имѣнія Лопухина, Лопухинки, а часть сада заняли подъ Царицынъ лугъ или Марсово поле.

Отъ Тайнаго совѣтника, главнаго директора надъ Императорскими зданіями и садами Александра Львовича Нарышкина.

Мнѣніе о Евреяхъ.

Петръ Великій, учась въ Саардамѣ кораблестроенію, въ тоже самое время старался изучить окружающій его народъ, ихъ нравы и обычаи, а также знакомился съ ихъ финансовыми и административными силами какъ и съ духомъ торговли, словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что нужно для полезнаго преобразованія въ его Государствѣ и въ чемъ особенно оно нуждается.

Государь видѣлъ, что внѣшняя торговля нужнаего отечеству точно также, какъ искуства, и художества, съ которыми были чужды Русскіе.

Хитрые Евреи, жившіе тогда въ Амстерданѣ, пронюхали, чего добивается Русскій Царь, и стали думать: нельзя ли это обратить въ свою пользу, хотя они хорошо знали, что ихъ предки были навсегда и повсюду изгнаны изъ Россіи Царемъ Иваномъ Васильевичемъ и за нимъ слѣдующіе Государи возбраняли ихъ пребываніе.

Однако же они надѣялись видѣть въ Петрѣ Великомъ преобразователя, при введеніи имъ новыхъ обычаевъ и другихъ новыхъ перемѣнъ въ своемъ Государствѣ, а особенно они видѣли, что

Царь Петръ искоренялъ вѣковыя заблужденія и разсчитывали, что онъ съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожитъ также и заповѣдь Ивана Васильевича относительно израильтянъ.

Въ то время въ Амстердамѣ былъ бургомистромъ, Виценъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ знатнѣйшимъ лицомъ Генеральныхъ штатовъ, Голландіи и Вестъ Фрисландіи и былъ въ вмѣстѣ съ тѣмъ славнымъ министромъ. Какъ человѣкъ ученый, онъ еще въ молодости находился въ посольствѣ отъ Голландіи, отправленномъ въ Москву при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, которому и былъ представленъ. Этотъ ученый, хорошо познакомясь съ Русскими представителями разныхъ націй, находящихся въ подданствѣ Россіи, и также съ Персами, Татарами, Турками и Грузинами, собралъ много данныхъ для того, чтобы имѣлъ возможность издать географическую карту Сѣверо-восточной части Татаріи, которую и посвятилъ молодому Государю Петру Алексѣевичу еще ранѣе его пребыванія въ Голландіи: спустя нѣсколько лѣтъ, то есть въ 1692 году, напечаталъ онъ къ этой картѣ объясненіе на своемъ языкѣ. Это прекрасное изданіе подъ заглавіемъ: Сѣверная и Восточная Татарія, или основательное начертаніе и пр.

Петръ Великій, будучи въ Голландіи, во всемъ полагался на этого ученаго мужа и имѣлъ съ нимъ постоянное, почти ежедневное свиданіе, отъ котораго пріобрѣлъ много добрыхъ идей.

Итакъ Петръ Первый имѣлъ къ Вицену особенную довѣренность. Евреи, зная это, обратились къ ученому бургомистру и просили его, ходатайства, чтобы Петръ Великій вмѣстѣ съ прочими иностранцами дозволилъ имъ поселяться въ Россіи, имѣть съ нею торговлю, и заводить въ Россіи конторы, причемъ также просили представить и тѣ доводы, что Русскіе чрезъ содѣйствіе ихъ могутъ сбывать свои товары за границу. Чтобы болѣе склонить Монарха на расположеніе въ ихъ пользу, сочли за долгъ чрезъ Вицена изъявить свою признательность поднесеніемъ Его Величеству подарка во 100 тысячь гульденовъ.

Виценъ принялъ просьбу Евреевъ и обѣщалъ при первомъ удобномъ случаѣ предстательствовать за нихъ у Русскаго Царя.

Этотъ прекрасный человѣкъ, какимъ всегда считалъ его Петръ Первый, уважая въ немъ полезнаго совѣтника и доброжелателя, сдержалъ свое слово и при первомъ удобномъ случаѣ пе-

редалъ Царю Петру просьбу жидовъ. Царь выслушалъ просьбу съ улыбкою и потомъ отвѣчалъ Вицену:

— Другъ мой Виценъ! Тебѣ знакомъ образъ мыслей Евреевъ и моихъ подданныхъ, и мнѣ не менѣе того извѣстны мысли той и другой націи. Въ моемъ Государствѣ и отечествѣ селиться Евреямъ еще не пришло время, даже пріѣзда въ Россію допускать не возможно. Скажи имъ отъ моего имени, что я благодарю ихъ за ихъ предложеніе и сожалѣю о ихъ желаніи жить и вести торговыя операціи съ Русскими, потому что хотя евреи умѣютъ обманывать весь свѣтъ, но врядъ ли что нибудь у моихъ русаковъ не много выторгуютъ.

Отъ Г. Гофи Голландца, любимаго лекаря Петра Великаго, который былъ изъ Голландіи вывезенъ Императоромъ Петромъ Великимъ.

Мнѣніе о Іезуитахъ.

Мы уже сказали, что Петръ Великій терпѣлъ всѣ вѣры безъ различія и дозволялъ имѣть въ

Россіи публичныя церкви, своихъ священниковъ, а Римскимъ католикамъ даже ихъ монашескія ордена, если только прихожане католической вѣры въ силахъ ихъ содержать на своемъ иждивеніи.

Капуцинамъ по просьбѣ Императора Петра Перваго дозволено построить небольшой монастырь при ихъ церкви, которая оттого и получала названіе *нѣмецкой слободы* по сіе время; а францисканскимъ монахамъ дозволилъ, также имѣть небольшое помѣщеніе при ихъ церкви въ С.-Петербургѣ.

Когда зашла рѣчь о томъ, чтобы допустить жить іезуитамъ, то Петръ Первый этого не хотѣлъ и слышать и не допускалъ мысли возможности селиться въ Россіи; однажды, когда въ обществѣ зашла рѣчь объ этомъ орденѣ, то Петръ Великій такъ выразилъ свою мысль:

— Я знаю, что іезуиты по большой части прекрасные ученые, искусные во многихъ наукахъ и ко всему способные, но не для меня; я очень увѣренъ, что они только кажутся набожными, но это наружное усердіе къ Богу служитъ не къ спасенію душъ ихъ а къ обогащенію; наконецъ и то: ихъ училища и самыя ихъ науки

руководятъ къ проискамъ, услугамъ и къ выгодамъ Папы; такъ какъ іезуиты не болѣе не менѣе какъ орудія Папы, укрѣпляющія его господствованіе надъ Католическими государствами.

Въ другой разъ, кто то завелъ разговоръ объ усиливающихся іезуитахъ, но Императоръ Петръ сказалъ:

Іезуиты не могутъ удержаться, чтобы не имѣть вмѣшательства въ государственныя дѣла, это всѣмъ извѣстно, и я удивляюсь, какъ нѣкоторые Европейскіе дворы не могутъ или не хотятъ вникнуть въ это обстоятельство. Дворы Французскій и Испанскій особенно почитаютъ іезуитовъ, не смотря на то, что слишкомъ тонки и не прозорливы въ политикѣ. Неужели они не видятъ, какъ іезуиты въ ихъ Европейскихъ владѣніяхъ и Американскихъ, уже присвоили себѣ много помѣстьевъ, были причиною разныхъ несчастій и даже часто, какъ видно по исторіи; возставали противъ королей?

Отъ Графа Бестужева, Государственнаго канцлера.

Мысль о хозяйствѣ.

Петръ Великій по дорогѣ въ Голландію, заѣхалъ въ Ванденское княжество, тогда графство, находящееся въ нижней Саксоніи для того, чтобы возстановить себѣ здоровье, пользуясь Пьемондскими водами.

Графы Ванденскіе, владѣтели этихъ источниковъ, пріѣхали туда, какъ скоро узнали о пріѣздѣ Великаго Русскаго Царя, чтобы Его Величество встрѣтить какъ прилично сану дорогаго гостя и просили по окончаніи курса леченія, заѣхать къ нимъ пообѣдать въ близь лежащій замокъ *Аролзенъ* или *Арголценъ* резиденцію графовъ.

Государь склонился на ихъ приглашеніе и, по окончаніи курса, пріѣхалъ къ графамъ. Столъ продолжался долго, онъ былъ чрезвычайно великолѣпенъ и съ роскошнымъ убранствомъ. Послѣ стола Императоръ осматривалъ всѣ достопримѣчательности замка и всѣ украшенія.

По концѣ обзора, когда одинъ изъ графовъ, спросилъ Его Величество: какъ онъ думаетъ, и какъ ему нравится новый замокъ? то Государь отвѣчалъ:

— Положеніе мѣстности весьма пріятно, архитектура зданія великолѣпна, замокъ великъ, но есть еще одна погрѣшность.

— Позвольте узнать, Ваше-Величество, въ чемъ она заключается? спросилъ графъ.

— Ни въ чѣмъ болѣе, какъ велика кухня.

Отъ фельдмаршала Графа Миниха.

Мысли о полевой охотѣ.

Противъ обыкновенія вообще всѣхъ его предшественниковъ, Петръ Великій вовсе не содержалъ никакой полевой охоты.

Правда, было при его дворѣ нѣсколько егерей, которые доставляли дичь для дворцовой кухни, да человѣка два лѣсничихъ, которыхъ занятіе состояло въ надзорѣ за цѣлостью лѣсовъ особенно о сохраненіи дуба.

На травлю звѣрей Государь смотрѣлъ, какъ на мучительство, и вотъ какъ онъ однажды при случаѣ выразилъ свое мнѣніе.

По какому то случаю, пришлось Императору

Петру провести нѣсколько дней въ одной подмосковной деревнѣ.

Жившій въ сосѣдствѣ съ нимъ дворянинъ, явясь къ Государю, приглашалъ Его Величество на медвѣжью травлю, такъ какъ помѣщикъ былъ большой охотнихъ до этой забавы.

Императоръ вѣжливо поблагодаривъ помѣщика, сказалъ:

— Извольте сами одни упражняться въ звѣриной травлѣ, сколько вамъ угодно, это не моя забава; и безъ звѣрей мнѣ въ пору управляться съ непріятелемъ внѣ отечества, а не внутри укрощать моихъ грубыхъ не угомонныхъ подданныхъ.

Отъ Гофмаршала Димитрія Андреевича Шепелева.

Мнѣніе О священномъ писаніи.

Государь всегда былъ ревностнымъ исполнителемъ предписаній Божественныхъ законовъ. Онъ не позволялъ по Воскресеньямъ работать, говоря:

— Трудящійся противъ закона Божія никогда не поспѣетъ.

О священномъ писаніи ветхаго и новаго завѣта отзывался съ крайнимъ благоговѣніемъ и говорилъ такъ:

— Эти книги сокровище всѣхъ книгъ на свѣтѣ; въ нихъ все содержится и все, что нужно знать объ отношеніяхъ человѣка къ Богу и къ своему ближнему.

Говоря такъ, Государь не менѣе того заботился о распространеніи книгъ ветхаго и новаго завѣта, и когда Библія, по повелѣнію блаженной памяти покойнаго родителя Петра Алексѣевича, была вся распродана и ее было очень трудно достать, то чтобы ввести ее въ своемъ государствѣ въ большее употребленіе, нежели въ какомъ она была до сего времени, опредѣлилъ въ 1716 году, въ Амстердамѣ, гдѣ тогда находился, издать ее вновь, какъ можно исправнѣе и чисто въ пяти частяхъ въ листъ, которыя, по его договору и на его счетъ, были напечатаны въ 1721 году, у Даніила Леейвена, на Александрійской бумагѣ въ двѣ колоны, изъ которыхъ одна была на Голландскомъ, а другая оставлена бѣлою для напечатанія на Русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Het oude Testament gedrukt door Laste van jyne Cfaarvse Mayesteit Petrus

den Eersten, Kayser van groot en Kleen Russland etc. Amsterdam 1721.

Въ 1717 году, вышла изъ тисненія пятая часть Библіи, то есть, новый завѣтъ въ листъ въ двухъ столпцахъ, гдѣ одна колонна была на Русскомъ языкѣ, а другая на Голландскомъ, подъ заглавіемъ: Het Nieuve Testament, of re alle Boeken des Nieuwen Verbonds onses Heeren Jesu Christi, gedrukt door Last van Jyne Cfaarse Mayesteit Petrus den Eersten. Kayser van Grott-en Kleen Russland etc. in-'s Gravenhage, by Ioh. van Duren, Boekverkoper. 1717.

Кажется, печатано въ Петербургѣ по Русски.

Этимъ прекраснымъ изданіемъ всей Библіи на Русскомъ и Голландскомъ языкахъ, Государь хотѣлъ пріохотить къ чтенію хорошо напечатанной книги священнаго писанія полезнаго для души и разума и также возбудить охоту къ изученію Голландскаго любимаго имъ языка. Государь Петръ Первый говорилъ всегда такъ:

— Голландскій языкъ нуженъ на морѣ, Нѣмецкій на сушѣ, а Французскій вовсе не нуженъ потому, что мы съ ними не имѣемъ никакихъ сношеній. Вотъ какъ думалъ Петръ Вели-

кій! такъ ли думаютъ салонные львы девятнадцатаго столѣтія?

По присылкѣ изъ Голландіи, напечатаные экземпляры Библіи были сданы въ св. прав. Синодъ съ тѣмъ, чтобы печатать первые четыре части Библіи, то есть старый завѣтъ. Государь имѣлъ намѣреніе раздавать эту Библію даромъ; но война съ Персіей, множество дѣлъ по разнымъ отраслямъ государственнаго правленія и наконецъ кончина Императора—оставили множество дѣлъ неоконченными. Впрочемъ, достойная дочь Его Императорскаго Величества Императрица Елизавета Петровна исполнила еще одно изъ намѣреній Великаго Отца и въ 1746 г. какъ того хотѣлось и Петру I, издала всю Библію на Русскомъ языкѣ въ большую осьмушку и пустила въ продажу по самой дешевой цѣнѣ.

Что же сталось съ Библіей стараго завѣта, то есть, съ четырьмя первыми частями, которыхъ при Государѣ Императорѣ не успѣли напечатать по Русски?

Книги, оставшись безъ дополненій въ правительствующемъ Синодѣ, ни кому не были раздаваемы; современемъ было трудно подобрать по частямъ Библію, такъ все изданіе отъ долгаго

лежанія посгнило и Сѵнодъ счелъ за нужное продать остальные экземпляры въ ряды, а между тѣмъ такой прекрасный экземпляръ могъ бы быть украшеніемъ для любой библіотеки.

Отъ Г. Шварта, Голландскаго посланника, бывшаго при дворѣ Императрицы Елизаветы Петровны.

Заздравный Тостъ.

При погребеніи жены купца Борта присутствовалъ самъ Петръ Великій, съ нимъ вмѣстѣ на похоронахъ были Петербургскіе купцы и иностранные карабельщики.

Всѣ, сопровождавшіе усопшую по погребеніи, угощаемы были по обычаю того времени ужиномъ.

Когда всѣ гости изрядно подгуляли, то поданъ былъ бокалъ одному молодому карабельщику, который захотѣлъ произнести тостъ въ честь Императора.

Карабельщикъ, взявъ бокалъ въ руки, нѣсколько подумалъ и, снявъ съ него крышку, подалъ отцу подержать, а самъ сказалъ слѣдующее при-

вѣтствіе, обратясь къ Государю Императору торжественнымъ голосомъ:

— Да здравствуетъ *Государь* мой, *Великій Петръ* и *съ* супругою своею *Императрицею*!

По сосѣдству, сидѣвшій отецъ, старый карабельщикъ, которому сынъ отдавалъ крышку, досадуя на привѣтствіе, которое ему показалось довольно грубымъ, всталъ съ своего мѣста, взялъ у него бокалъ съ виномъ и произнесъ:

— Глупецъ ты! какъ можно такъ привѣтствовать, ты ничего не смыслишь, давай сюда, я самъ выпью за здоровье Государя! Потомъ, обоpотясь къ Государю, поклонился и произнесъ привѣтствіе, которое ему показалось за образцовое по своему исправленію:

— Да здравствуетъ Его Величество Государь мой *Императоръ Петръ съ превосходительною* своей супругою *Императрицею*.

Всѣ, бывшіе тутъ, едва могли удержаться отъ смѣха; но Государь Петръ остался очень доволенъ этой шуткою и благосклонно сказалъ:

— Прекрасно! спасибо тебѣ.

Отъ банкира Германа Мейера, который былъ тутъ же за столомъ вмѣстѣ съ прочими.

Десятокъ Яицъ.

Во время втораго путешествія Петра Великаго въ Голландію въ 1717 г., во время котораго, онъ постоянно скрывалъ свое имя, пріѣхалъ онъ въ Нимвегенъ, и остановился въ одномъ не извѣстномъ трактирѣ провести ночь и отдохнуть съ тѣмъ, чтобы утромъ рано опять продолжать путь.

Съ намѣреніемъ ранней поѣздки Государь тотчасъ по пріѣздѣ изъявилъ намѣреніе скоро лечь спать. Гофмаршалъ спросилъ у Государя, не хочетъ ли онъ чего закусить съ дороги и получилъ въ отвѣтъ, что желаетъ яицъ въ смятку, голладскаго сыра, и масла.

Въ этомъ умѣренномъ ужинѣ спутники Императора также приняли участіе и, выпивъ при этомъ бутылки двѣ краснаго вина, легли спать.

Едва только путешественники проснулись, какъ были готовы почтовыя лошади и били отъ нетерпѣнія копытами землю.

Дмитрій Андреевичъ Шепилевъ, бывшій Гофмаршаломъ, спросилъ у хозяина, что слѣдуетъ заплатить за ночлегъ и ужинъ?

— Сто червонцевъ, отвѣчалъ хозяинъ трактира.

Гофмаршалъ ужаснулся отъ этого требованія и сказалъ:

— Не стыдно ли за десятокъ яицъ, за кусокъ хлѣба съ сыромъ и масломъ подавать такой счетъ? урезонивалъ Шепилевъ.

— Нѣтъ ничего удивительнаго, и этотъ счетъ не великъ, и вы обязаны заплатить сто червонцевъ, повторилъ хозяинъ.

Шепилевъ, не смѣя заплатить такой суммы и поставить ее въ счетъ расхода, доложилъ объ этомъ Императору, какъ въ этомъ случаѣ поступить съ хозяиномъ такихъ дорогихъ блюдъ.

Петръ Первый, услышавъ отъ Шепелева требованіе хозяина и предполагая, что его никто не знаетъ, потому что онъ путешествуетъ *инкогнито*, вышелъ на дворъ, который былъ запертъ хозяиномъ и спросилъ по Голландски:

— За что ты требуешь такую большую сумму, вѣдь сто червонцевъ очень большая сумма?

— Сто червонцевъ большая сумма? переспросилъ Голландецъ. — Да я бы заплатилъ тысячу, если бы былъ Русскимъ Царемъ.

DAMAGED PAGE(S)

Петръ I, ничего не сказалъ на это и, обернувшись къ Гофмаршалу, кивнулъ головою въ знакъ согласія; а хозяинъ отворилъ путешественникамъ ворота кланяясь и желая добраго дня.

Отъ Гофмаршала Димитрія Андреевича Шепелева.

На зубокъ.

Петръ Великій любилъ приводить въ крещенную вѣру, какъ говорится въ народѣ, то есть, съ удовольствіемъ принималъ приглашеніе быть воспреемникомъ отъ купели, когда его приглашали бѣдные люди изъ числа его работниковъ, или его служителей и тому подобныхъ лицъ бѣднаго сословія.

Онъ ходилъ къ нимъ такъ же охотно, какъ охотно посѣщалъ вельможъ и богатыхъ и съ большимъ удовольствіемъ принималъ бѣдное угощеніе, нежели такое, которое вводило ихъ въ издержки, на которое онъ всегда негодовалъ. Такъ обходился онъ съ офицерами и съ солдатами своей гвардіи, изъ которыхъ рѣдко кто его не имѣлъ кумомъ.

Впрочемъ отъ него никто не могъ ожидать большихъ подарковъ при крещеніи, но могъ довольствоваться его милостью, она обыкновенно состояла въ поцѣлуѣ родильницѣ, и въ одномъ рублѣ солдату или мужичку, а офицеру въ червонцѣ, который онъ по древнему обыкновенію всегда, бывало, положитъ подъ подушку.

Отъ бригадира Грота въ Москвѣ и отъ другихъ старожиловъ.

Однажды у оберъ-кухмистера или Мунд-коха Фильтенъ родился сынъ и Фильтен[illegible] просилъ Его Величество быть воспри[illegible] отъ купели; Монархъ явился въ [illegible] время и, поокончаніи крещенія поцѣловавъ родильницу, положилъ ей подъ подушку червонецъ, а отцу вручилъ жалованную грамоту, по силѣ которой новорожденному его сыну была подарена въ Ингерманландіи Финдлянская деревня изъ шести дворовъ, называемая Іоганихгофъ и отстоящая отъ Петербурга въ 60 верстахъ.

Петръ Великій часто въ видѣ помощи его не богатому семейству, приказывалъ дѣлать заку-

ски и столы на дому и ходилъ къ нему кушать съ нѣкоторыми изъ генераловъ и вельможъ, и за каждый такой столъ, изъ какихъ бы блюдъ онъ не состоялъ, каждый изъ посѣтителей долженъ былъ платить по червонцу, въ томъ числѣ и самъ Государь.

Отъ библіотекаря Шумахера зятя Мунд-коха Фельдена.

Колѣнопреклоненіе.

Въ прежнее время при предшествующихъ царяхъ было въ обычаѣ падать на колѣна при встрѣчѣ Государя. Хотя это было всегда непріятно Петру Великому, но отводить народъ отъ этого обычая былъ не въ силахъ.

Но въ первые годы существованія Петербурга, когда были вымощены только главныя улицы, было много болотистыхъ мѣстъ и особенно въ дождливое время, люди обыкновенно при этомъ промачивали и пачкали свою одежду.

Императоръ каждый разъ оказывалъ свое неудовольствіе, то знаками, то словами; однакожъ народъ не унимался. Видя, что народъ не мо-

жетъ добровольно отстать отъ своего стараго обычая, царь Петръ сдѣлалъ запрещеніе подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія прекратить свое колѣнопреклоненіе и не мараться для него грязью.

Отъ Яни Гофъ-Лейбъ хирурга Петра I.

Мнѣніе объ утайкѣ.

ПОШЛИННАГО ТОВАРА.

Пошлинный тарифъ былъ введенъ Петромъ I, въ 1719 году. Въ одномъ изъ параграфовъ этого тарифа между прочимъ было сказано:

> При открытіи ложнаго груза въ товарѣ, противъ показаннаго, или при товарѣ неоплаченномъ пошлиною, корабль и весь товаръ описывать на Государя.

Петръ Великій, прочитавъ этотъ параграфъ, тотчасъ его вычеркнулъ, сказавъ:

— Это еще не время; торговля наша съ иностранными державами во многомъ похожа на не

опытную дѣвушку, которую не должно ни пугать, ни печалить излишнею строгостью, а на противъ ласкать, ободрять и привлекать дружбою. Пусть кто хочетъ скрываетъ товаръ; чрезъ это онъ подвергается большей опасности, нежели лишняя моя казна. Въ казну не должно описывать болѣе того, какъ что окажется изъ утаенныхъ товаровъ, и если кто меня обманетъ этимъ способомъ девять разъ а въ десятый я поймаю, то онъ мнѣ долженъ заплатить столько, сколько онъ собралъ отъ меня, воруя отъ меня тайно.

Отъ Банкира, купца Мейера,

Мнѣніе о картахъ.

Петръ Великій игралъ въ карты только въ одну игру, называемую *Гравіасъ*, которой онъ научился въ Голландіи, и то игралъ очень рѣдко, онъ вообще не любилъ играть и на вечеринкахъ гораздо лучшимъ удовольствіемъ считалъ разговаривать съ опытными моряками и съ корабельщиками.

По этому самому игра въ карты при дворѣ была почти не употребляема.

Въ арміи и во флотѣ хотя она вообще была не совсѣмъ запрещена, но ограничена, если была въ деньги. Проигрышъ обыкновенно ограничивался однимъ рублемъ, и кто проигрывалъ болѣе рубля, тотъ ничего ни платилъ по силѣ артикула. Если же кто доносилъ, что игра превышаетъ рублевую, то тѣ за нарушеніе военнаго артикула предавались суду и наказанію

Вотъ какъ Петръ Великій отзывался объ игрокахъ:

— Игроки не имѣютъ желанія къ полезнымъ дѣламъ, которыми бы могли заниматься сами, а желаютъ другихъ разорять.

Отъ Генералъ Экипажмейстера Брюйна.

Петръ I покоритель и защитникъ.

Петръ Великій въ 1704 году, взялъ Нарву приступомъ послѣ довольно трудной осады. Русскимъ воинамъ было чрезвычайно досадно на такое долговременное упорство города, и они, какъ разъяренные львы, бросились по улицамъ Нарвы съ цѣлью грабежа и буйства противныхъ правиламъ и цѣли Петра I.

Разумѣется, что такое дѣло не могло бы окончиться спокойно и могло бы опять возбудить кровопролитіе.

Великодушный Монархъ никакъ не могъ перенести равнодушно этого поступка своихъ солдатъ. Онъ сказалъ: если я взялъ своими солдатами этотъ городъ, то и жители будутъ мои точно также какъ солдаты. Я не хочу быть разорителемъ своихъ будущихъ подданныхъ. Онъ бросился съ обнаженною шпагою въ средину своихъ солдатъ, нѣкоторыхъ поразилъ, и этимъ поступкомъ заставилъ ихъ снова придти въ должный боевой порядокъ.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ явился въ Комендантскій замокъ; комендантъ города былъ представленъ, какъ плѣнникъ. Въ пылу гнѣва. Петръ Великій далъ ему рѣзскую пощечину и при томъ сказалъ грознымъ голосомъ:

— Не стыдно ли тебѣ въ томъ, что ты одинъ виновникъ столь много пролитой крови, когда могъ бы давно выкинуть бѣлый флагъ, если видѣлъ, что тебѣ не откуда искать помощи къ спасенію ввѣреннаго тебѣ города? Потомъ положивъ свою шпагу на столъ, продолжалъ:

— Смотри! вотъ съ этого лезвія какъ льетъ кровь, но эта кровь не Шведская а Русская, я ею убилъ нѣсколькихъ изъ своихъ воиновъ, чтобы удержать порывъ моихъ солдатъ къ грабежу и убійству, до которато они доведены твоимъ упрямствомъ и тѣмъ спасъ городскихъ жителей отъ окончательнаго раззоренія.

Разсказъ этотъ слышанъ отъ Анны Ивановны Крамеръ, которая жила съ родственниками въ Нарвѣ во время осады этого города, она была плѣнницею увезена въ Петербургъ, гдѣ перенесла много несчастій и наконецъ была придворною фрейлиною.

Кунсткамера.

Петръ Великій въ первое путешествіе, случившееся въ 1668 году, пребывая въ Голландіи, исключительно занимался изученіемъ торговли, мореплаванія и художествъ, но въ 1717 году, онъ болѣе всего слѣдилъ за науками и художествами, которыми хотѣлъ обогатить умы своего любимаго народа. Во второе свое путешествіе онъ тщательно осматривалъ музеи, кабинеты,

студіи художниковъ, библіотеки и кабинеты натуральныхъ рѣдкостей.

Особенно Петра Великаго занимали въ Амстердамѣ два кабинета, одинъ изъ нихъ составлялъ въ теченіи 40 лѣтъ профессоръ Рнейшъ, а другой — аптекарь Зебо. Первый кабинетъ Рнейша, состоялъ изъ множества анотомическихъ фигуръ. Подробная опись всѣхъ этихъ предметовъ была напечатана въ Голландіи подъ названіемъ Thesaurus Anatomicus etc, и находилась у всѣхъ анатомиковъ того времени. Кабинетъ рѣдкостей аптекаря Зебо содержалъ въ себѣ огромное собраніе извѣстныхъ морскихъ и земныхъ животныхъ, пресмыкающихся, птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ Остъ и Вестъ Индіи съ подробнымъ описаніемъ.

Петръ Великій купилъ эти два кабинета и съ чрезвычайною осторожностью приказалъ ихъ переправить въ С.-Петербургъ, а между тѣмъ велѣлъ снять и портреты съ этихъ собирателей рѣдкостей, которые повѣсилъ при входахъ въ эти два кабинета близь собранія; но только портрета Рнейша теперь нѣтъ.

Петръ Великій очистилъ для этого свой не большой каменный домъ и помѣстилъ въ немъ эти рѣдкости, куда и ходилъ раза по три въ не-

дѣлю разсматривать ихъ, и при томъ съ такимъ вниманіемъ, что однажды тамъ принялъ Австрійскаго посланника и далъ ему тамъ аудіенцію.

Въ одно время Петръ Великій зашелъ туда съ Ягужинскимъ, и съ другими знатнѣйшими людьми, гдѣ Петръ Первый, указавъ на всѣ уставленныя тамъ въ порядкѣ рѣдкости, сказалъ:

— Такъ какъ теперь у меня все въ порядкѣ, то представляется полная возможность всякаго знакомить какъ съ устройствомъ тѣла человѣка и животныхъ, такъ и съ породами множества насѣкомыхъ. Пусть народъ будетъ наглядно видѣть богатство обитателей земнаго шара.

Ягужинскій чрезвычайно хвалилъ это нововведеніе, но имѣя въ виду, что нужно поддерживать кунсткамеру, и къ тому же добавлять ее новыми экземплярами животныхъ, предложилъ Государю взимать съ посѣтителей по рублю.

Эта мѣра Ягужинскаго была не принята Петромъ Великимъ, Государь хотѣлъ пріохотить народъ, а не отталкивать и пугать.

— Нѣтъ, Павелъ Иванычъ, сказалъ Монархъ Ягужинскому, чѣмъ брать, я скорѣе соглашусь угощать каждаго пришедшаго посѣтить кабинеты

чаемъ, кофе или водкою, чѣмъ брать съ нихъ деньги.

Такъ и было; вскорѣ Императоръ опредѣлилъ библіотекарю и главному смотрителю (или надзирателю) кунсткамеры сверхъ опредѣленнаго жалованья ежегодныхъ еще 400 рублей на угощеніе посѣтителей. Этотъ прекрасный обычай долго существовалъ, такъ что и во время царствованія Императрицы Анны Іоанновны, какъ увѣряетъ Штеликъ, посѣтителей угощали, по желанію, кофе, церкербротомъ или водкою, и кунсткамера была открыта для всѣхъ сословій, и подробно объясняемо все при этомъ самимъ надзирателемъ кабинетовъ.

Отъ совѣтника Шумахера, бывшаго библіотекаря и смотрителя кунсткамеры при Императорѣ Петрѣ Великомъ.

Наказаніе неблагодарныхъ.

Если Петръ Великій по душѣ и мысли, а также и по своимъ великимъ намѣреніямъ, не терпѣлъ пороковъ, то точно также не навидѣлъ не-

благодарныхъ, и при всякомъ случаѣ выражалъ свое чувство сильнымъ гнѣвомъ во многихъ случаяхъ, точно также, какъ выражалъ свою радость, если видѣлъ, что люди, имъ облагодѣтельствованные, выражали на дѣлѣ свою благодарность какъ за Царскія милости и заботы, такъ и вообще въ жизни гражданской.

При закладкѣ Адмиралтейства въ С.-Петербургѣ, Великій Государь выписалъ для своей верфи изъ Голландіи вмѣстѣ съ прочими мастерами якорнаго кузнеца, которому опредѣлилъ хорошій окладъ жалованья, а при томъ договорился съ нимъ, какъ и съ прочими, о томъ, чтобы онъ своему искусству выучилъ нѣсколько молодыхъ людей изъ Русскихъ.

Такъ было нѣсколько лѣтъ, какъ мастеръ якорныхъ дѣлъ имѣлъ у себя молодыхъ людей; между таковыми одинъ молодой человѣкъ оказалъ, противъ прочихъ, болѣе способности къ ремеслу такъ, что мастеръ призналъ его подмастерьемъ, и при удобномъ случаѣ предтставилъ его Императору какъ своего лучшаго ученика, одобривъ его и въ поведеніи, и въ искуствѣ, и просилъ у Государя о прибавкѣ прилежному ученику жалованія.

Государь, зная Русскихъ людей лучше Голландскаго мастера, хотя и обѣщался исполнить просьбу, однако примолвилъ при этомъ, что Царю сдержать свое слово есть довольно времени; но что нужно еще хорошенько разсмотрѣть новаго подмастерья, достоинъ ли онъ того, и довольно ли будетъ имѣть силъ оправдывать надбавку жалованья? Такимъ образомъ подмастерье въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ оставался на своемъ жалованьи.

Мучимый нетерпѣніемъ подмастерье рѣшился подать Государю прошеніе объ Царскомъ обѣщаніи, и Государь принялъ весьма милостиво прошеніе, вспомнивъ, что онъ когда то обѣщался прибавить ученику окладъ жалованья.

Принявъ милостиво прошеніе, когда только началъ читать эту бумагу, то брови его невольно были сдвинуты, и вотъ тому была какая причина:

Подмастерье, просящій прибавки, принося свою убѣдительную просьбу, прямо говорилъ Царю о своемъ искуствѣ, безстыдно хвастаясь Царю о своемъ совершенствѣ въ работѣ, притомъ заявлялъ, что онъ можетъ обучать учениковъ

точно также, какъ его мастеръ и, говоря объ этомъ, докладывалъ Монарху, что можно отказать Голландскому мастеру, который получаетъ такое огромное жалованіе и предлагалъ свою готовность заступить его мѣсто, довольствуясь прибавкою жалованья.

Монархъ вспылилъ и, въ справедливомъ гнѣвѣ, бросивъ въ лицо подмастерья его прошеніе, вскричалъ:

— Ахъ ты неблагодарный! можно ли было отъ тебя ожидать такой черной неблагодарности къ твоему мастеру, который такъ усердно предстательствовалъ за тебя, прося о прибавкѣ къ твоему жалованію, и отъ котораго ты пріобрѣлъ знаніе?

Неужели ты думаешь, что я буду исполнять по твоему дерзскому неблагодарному предложенію? Нѣтъ! я никогда не откажу искусному мастеру до самой смерти, и тогда уволю отъ службы, когда онъ самъ будетъ желать этого. А тебѣ, неблагодарное созданье, за эту дерзость долго не получить обѣщаннаго жалованья.

Неблагодарный и дерзкій подмастерье былъ

высѣченъ розгами въ присутствіи прочихъ учениковъ и посланъ на другіе якорные заводы.

Отъ капитана Круйза сына Адмирала Круйза.

Предвѣщатель.

Близь Троицы, на берегу Невы, росла старая ольха и очень высокая.

Одинъ крестьянинъ, неизвѣстно изъ какихъ видовъ, смотря на эту ольху, всѣмъ и каждому говорилъ, что въ будущемъ году въ Сентябрѣ мѣсяцѣ будетъ такое наводненіе, что вода покроетъ вершину этого дерева и совершенно затопитъ весь С.-Петербургъ.

Такъ какъ городъ только еще разстраивался, и жители неосвоились ни съ мѣстностью, ни съ климатомъ; то очень легко, что слухъ быстро разнесся по городу, и отъ мала до велика всѣ только и дѣла, что разносили на устахъ это пророчество съ прибавленіемъ и часто иносказаніемъ.

Народъ былъ въ страхѣ, разумѣется, нельзя было обойтись и безъ того, чтобы не бранить новаго города, и даже нѣкоторые суевѣрные дѣлали

преждевременныя приготовленія, чтобы при случаѣ удалиться, а болѣе трусливые и суевѣрные убѣжали на жительство въ близь лежащія отъ города возвышенныя мѣста, какъ то: въ Павловское, Красное, Царское село и на Дудорову гору.

Слухъ этотъ достигъ Государя.

Монархъ тотчасъ же заподозрилъ, что это вредное для его предначертаній извѣстіе распространено недовольными построеніемъ новаго города вельможами, въ особенности тѣми изъ нихъ, которые не желали, чтобы столица была въ С.-Петербургѣ, или же простымъ народомъ изъ переселенцевъ.

Государь былъ сильно разгнѣванъ за распространеніе этого опаснаго и не начемъ не основаннаго слуха, относительно города; онъ прежде всего приказалъ срубить ольху какъ предметъ измѣренія высоты водъ, обѣщанныхъ предсказателемъ, которыя привлекали къ себѣ ежедневно толпы любопытнаго и суевѣрнаго народа, потомъ занялся дѣятельными распросами о томъ, кто это говорилъ и отъ кого слышалъ и нарочно разослалъ сыщиковъ подробно разыскивать предсказателя.

Долго розыскивали виноватаго и наконецъ наш-

тли; это былъ простой Русскій крестьянинъ, ко орый, былъ изъ числа многихъ переселенцевъ, призванныхъ на жительство изъ средней Россіи въ одну изъ чухонскихъ деревень, и весьма неохотно оставался въ этой странѣ.

Его поймали, допросили; и онъ былъ изобличенъ въ злоумышленомъ распространеніи ложнаго предсказанія.

Петръ Великій арестовалъ этого мошенника, посадивъ его до исхода Сентября въ крѣпость. Наводненія не было во все продолженіе времени, и вотъ Государь въ началѣ Октября обнародовалъ указомъ, чтобы изъ каждаго дома приходили къ тому мѣсту, гдѣ росла ольха; на этомъ мѣстѣ была сдѣлана возвышенность и, по приговору Государя, въ присутствіи множества собравшагося народа, ложному пророку дали кнутомъ пятдесятъ ударовъ, и притомъ предъ народомъ публично было объявлено Царское увѣщаніе не вѣрить обману и вообще всѣми мѣрами оставлять суевѣріе.

Отъ Кенига секретаря при Баронѣ Шафировѣ и потомъ коммерцъ-Совѣтника Голитцинскаго Герцогства.

Воровство.

Однажды, сидя въ Сенатѣ и слушая дѣло о разныхъ случаяхъ грабежей и воровства, Государь въ гнѣвѣ вскричалъ:

Клянусь! что я истреблю, во чтобы то ни стало, этихъ воровъ и грабителей и у меня въ царствѣ будетъ безопасно. Павелъ Ивановичь! пиши тотчасъ указъ такого содержанія: «что если кто и на столько украдетъ, что можно только купить веревки, что можно его повѣсить, тотъ будетъ за кражу повѣшенъ не медля,» обратился онъ къ оберъ-прокурору Ягужинскому.

Прокуроръ взялъ уже перо, чтобы писать, но услышавъ строгое повелѣніе, положилъ его обратно и обратился къ Петру I съ удивленнымъ видомъ.

— Что же? пиши.... сказалъ Императоръ.

— Ваше Величество! подумайте, что будетъ слѣдствіемъ вашего указа.

— Пиши, какъ я тебѣ сказалъ.

Ягужинскій еще не принимался и опять, улыбаясь, сказалъ Монарху:

— Всемилостивѣйшей Государь! неужели ты хочешь быть Императоромъ безъ подданныхъ?

— Какъ такъ?

— Такъ! мы всѣ воруемъ, только съ тѣмъ различіемъ, что одинъ болѣе, а другой менѣе, одинъ открыто, а другой тайно.

Государь засмѣялся забавному отвѣту Ягужинскаго и оставилъ свое намѣреніе.

Изъ устъ самаго-Кабинетъ Министра Графа Ягужинскаго.

Царская любовь къ правдѣ.

Въ исторіи Царей рѣдко можно встрѣтить Государя, такъ привязаннаго къ правдѣ, какъ Петра Великаго.

Онъ былъ обходителенъ со всѣми, простъ въ обращеніи, вѣренъ въ своихъ словахъ, важенъ въ дѣлахъ; откровененъ и правдивъ въ поступкахъ; что расказывалъ, то было справедливо, что обѣщалъ—то вѣрно.

Но каковъ былъ самъ, того искалъ и въ другихъ, съ которыми имѣлъ какое либо дѣло или входилъ въ самыя ничтожныя сношенія.

Онъ сильно негодовалъ на всѣ политическія пронырства и обыкновенно говаривалъ по Голландски! «dat benen niet met all klghueden maar Betrü geryen.» (Въ томъ нѣтъ никакого благоразумія, гдѣ одинъ обманъ).

Кто Монарха обманулъ однажды, тотъ съ величайшимъ трудомъ и то доказавъ, что обманъ съ его стороны былъ неумышленный, или объяснивъ трудными обстольтельствами, могъ опять заискать его довѣріе; вообще Монархъ никогда впредь тому не вѣрилъ, кто его обманулъ хотя однажды, или подъ разными предлогами не исполнилъ обѣщанія.

Также искалъ какъ и въ поступкахъ правды и въ рѣчахъ, потому что ничто имъ такъ не было презираемо, какъ ложь. Иногда онъ прощалъ большой порокъ или преступленіе вполнѣ заслуживающее наказаніе, негодованіе или презрѣніе, если только въ томъ откровенно признавался прежде подозрѣнія, улики или пытки.

Каждый изъ притѣсняемыхъ могъ видѣть въ Государѣ защитника и покровителя и прибѣгать въ нуждѣ или въ учиненной несправедливости.

При всякаго рода вопросахъ, которыя предлагались, Государь, смотрѣлъ въ лицо допрашива-

емому или челобитчику, стараясь при этомъ по лицу взорамъ, и словамъ узнать, правдули онъ говоритъ, а потомъ уже съ спокойнымъ видомъ и духомъ выслушивалъ дѣло и приказывалъ явиться въ назначенный день и въ часъ въ Сенатъ или въ Адмиралтейство.

Если Государь изобличалъ во лжи кого нибудь изъ служителей въ неправдѣ, тотъ навсегда лишался его довѣренности; но если служитель находилъ возможность оправдаться, то Государь съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ говорилъ:

— Если ты впредь захочешь мнѣ о чемъ нибудь говорить, то прежде увѣрься въ истиннѣ своего предложенія.

— Если Государь былъ свидѣтелемъ двухъ ссорющихся старонъ; то вступя въ ихъ рѣчь, говорилъ одному изъ нихъ:

— Ты его осуждаешь, а знаешь ли ты за нихъ какую нибудь изъ хорошихъ сторонъ?

Если вопрошаемый говорилъ утвердительно, то Государь приказывалъ разсказать въ чемъ заключаются эти хорошія качества.

Отъ Барона Черкасова Ивана Антоновича.

Мыслъ и сокрушеніе Петра Великаго о Карлѣ XII.

Карлъ XII, Король Шведскій велъ войну; послѣ пораженія своего подъ Полтавою и поутратѣ всей своей арміи обратился въ бѣгство съ небольшею свитою въ Бендеры, городъ принадлежащій Турціи.

Въ турціи Шведскій король былъ принятъ довольно дружески и въ мѣстечкѣ Варницъ былъ ему отведенъ каменный дворецъ со службами и со всѣми принадлежностями для его жизни.

Разумѣется Турецкое правительство не расчитывало, что Шведскій король можетъ довольно долго прогостить въ Бендерахъ, но думали что Государь Шведскій остановился только потому, чтобы излѣчиться отъ раны въ ногѣ, и отъ понесенныхъ трудовъ въ долговременной войнѣ.

Однакоже прошло довольно долгое время, а Шведскій король не торопился поѣздкой въ свое отечество; къ тому же времени Турція начала оказывать нашему Императору дружество въ намѣреніи заключить новый миръ или перемиріе

на тридцать лѣтъ, что на самомъ дѣлѣ и было совершено въ 1712 году.

Въ силу этого примиренія Портѣ было не прилично такъ долго держать при себѣ Карла XII, какъ врага Петра Великаго, который и теперь только и заботился, какъ бы отмстить своему сосѣду и не только надѣялся на Турцію, но упорно требовалъ отъ Порты, чтобы она помогла ему и дала сильную армію противъ Россіи.

Наконецъ Портѣ оказалось тяжело, какъ его пребываніе, такъ и его требованіе и тѣмъ болѣе въ Турецкой области. А между тѣмъ такимъ образомъ при постоянномъ требованіи арміи Карлъ провелъ въ Турціи четыре года; въ теченіи этого времени не разъ Петръ Великій получалъ справедливыя извѣстія о намѣреніяхъ Шведскаго короля и о поведеніи Порты.

Петръ Великій каждый разъ пожималъ плечами и удивлялся упорству брата Карла, сожалѣя о его трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыя онъ самъ себя повергнулъ неукротимою гордостью и своенравіемъ, и вмѣсто гнѣва на его поведеніе соболѣзновалъ въ томъ, что Шведскій Король не найдется пособить самъ себѣ, и выйти изъ трудныхъ обстоятельствъ.

Какъ прозорливый, Императоръ Петръ, разумѣется, предвидѣлъ, что Карлъ XII, еще болѣе получитъ себѣ вреда, если далѣе поживетъ въ Турціи, и явно говорилъ это своимъ приближеннымъ.

Въ 1713 году, когда Государь обѣдалъ съ нѣкоторыми изъ своихъ вельможъ, гонецъ привезъ Монарху Петру I извѣстіе, что Сераскиръ Бендеровъ, по повелѣнію Турецкаго Султана, отказалъ Карлу XII, въ дальнѣйшемъ пребываніи въ Турціи съ тѣмъ, чтобы Шведскій Король выбылъ изъ Порты въ теченіи нѣсколькихъ дней, причемъ на проѣздъ Султанъ приказалъ выдать Королю большую сумму денегъ.

Далѣе продолжалъ гонецъ: когда его величество Король Шведскій услышалъ объ этомъ, то пришелъ въ такой гнѣвъ, что приказалъ стрѣлять по янычарамъ, которымъ приказано было провожать его за границу; въ безпамятствѣ отъ гнѣва, Карлъ XII зажегъ свой дворецъ, и оттуда былъ вытащенъ и принесенъ къ Сераскиру въ его шатеръ, котораго и здѣсь толкнулъ нагою на софу и разорвалъ шпорою его кафтанъ.

Съ ужасомъ выслушалъ это извѣстіе Императоръ Петръ Первый и заключилъ объ немъ такъ:

— Богъ оставилъ его, когда уже онъ такъ неистовствуетъ противъ послѣднихъ своихъ друзей и пріятелей.

Отъ барона Крама, который прибылъ изъ Волфенбиттеля Кавалеромъ при принцессѣ обрученной невѣстѣ Царевича въ С.-Петербургъ и былъ въ числѣ слушателей за обѣдомъ.

Петръ Великій имѣлъ во все время любовь и почтеніе къ Карлу XII, и говаривалъ при случаѣ Нейштадскаго мира:

— Я предлагалъ брату Карлу два мира: сперва необходимый, а послѣ того великодушный; а какъ онъ въ обоихъ мнѣ отказалъ, то это была не моя вина. Пусть теперь заключаютъ Шведы третій для себя безчестный и вынужденный.

Когда Петръ Великій получилъ извѣстіе о кончинѣ Карла XII при Фридрихегалѣ, тотчасъ заплакалъ, и украдкой утеръ ихъ, а, обернувшись потомъ къ окружающимъ, сказалъ:

— «Ахъ братъ Карлъ какъ мнѣ жаль тебя!»

Отъ Тайнаго Совѣтника Веселовскаго.

Ложное чудо.

Во время войны съ Шведскимъ Королемъ Карломъ XII Петръ Великій часто перемѣнялъ мѣсто своего пребыванія и былъ то тамъ, то здѣсь то состоялъ при морскихъ, то при сухопутныхъ силахъ.

Однажды ему случилось наьходится въ небольшомъ Польскомъ городѣ, гдѣ онъ, пребывая нѣсколько дней нечаянно узналъ, что въ одномъ костелѣ находился чудотворный образъ Богоматери, который часто во время службы источалъ слезы.

Богоматерь была изображена деревяннымъ бюстомъ, облеченнымъ въ золотую ткань и весьма богато украшеннымъ; онъ былъ поставленъ недалеко отъ алтаря, и такъ высоко, что самый высокій мужчина съ трудомъ могъ достать подножіе.

Любопытный, какъ и всегда, Монархъ и въ этомъ случаѣ захотѣлъ лично удостовѣриться въ чудотворномъ образѣ; чуждый всякихъ предразсудковъ онъ не могъ слишкомъ вѣрить іезуи-

тскому ордену, тогда господствовавшему въ Польшѣ и въ душѣ его родилось противъ его желанія нѣкотораго рода сомнѣніе въ истинѣ плачущаго образа, хотя въ свидѣтеляхъ, видѣвшихъ образъ плачущимъ, не было не достатка.

Наконецъ Монархъ вошелъ въ кастелъ и самъ увидалъ текущія слезы; онъ выразилъ свое удивленіе, но отнюдь не подалъ виду къ сомнѣнію. Потомъ въ другой разъ онъ также явился въ костелъ со свитою, но только не во время службы.

Тамъ велѣлъ онъ подать себѣ лѣстницу и запереть дверь; а самъ поднялся по ней кверху, какъ бы съ цѣлью разсмотрѣть поближе чудотворное изображеніе, и дѣйствительно внимательно разсматривалъ образъ; послѣ долгаго разсматриванія образа онъ замѣтилъ во внутреннихъ углахъ глазъ изображенія Богоматери дирочки въ глазахъ, которыя были такъ малы, что были едва замѣтны.

Двое духовныхъ лицъ, сопровождавшихъ Государя, уже мысленно радовались, что ихъ чудотворный образъ останется въ полномъ блескѣ, какъ Петръ Великій, не привыкшій ничего дѣлать въ половину, недовольный внѣшнимъ своимъ осмот-

ромъ, какъ бы нечаянно снялъ наружный головной уборъ и увидѣлъ съ верхней части головы до глазъ выдолбленное углубленіе покрытое пустымъ черепомъ. Въ углубленіи была налита вода, въ которой плавали рыбки. Слезы текли изъ глазъ чрезъ маленькія отверстія, при колебаній воды движеніемъ рыбокъ. Великодушный Монархъ закрылъ голову образа и ни слова не говоря, сошелъ съ лѣстницы, сказавъ только: Вотъ прямо чудотворный образъ! по выходѣ изъ костела онъ объявилъ обманъ всѣмъ тутъ при немъ бывшимъ, между которыми былъ Графъ Бестужевъ.

Отъ Графа Бестужева Канцлера Петра I.

Суевѣріе Лифляндцевъ.

Между Нарвомъ и Ревелемъ верстахъ во сто отъ послѣдняго стояла каменная церковь хорошенькой архитектуры, называемая *Гальялъ*. Въ ней помѣщались гробницы разныхъ прежнихъ владѣтелей тамошнихъ земель еще отъ временъ Шведскаго владычества надъ этимъ краемъ. Въ

числу этого времени принадлежалъ также одинъ гробъ, поставленный въ 1632 году, въ которомъ были положены двѣ владѣтельницы дѣвицы Фонъ-Гротъ, которыя, по описаніямъ путешественниковъ, были нетлѣнны до 1752 года.

По описанію Штелина, вотъ въ какомъ состояніи онъ нашелъ эти тѣла:

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ я приказалъ открыть гробовую доску, чтобы посмотрѣть, чему удивляются многіе, посѣщавшіе эту церковь, говоритъ Штелинъ.

Въ гробѣ я увидѣлъ два, совершенно высохшія безъ всякой одежды, тѣла, имѣющія желтоватый цвѣтъ и совершенно безъ запаха, кожа на костяхъ казалась натянутою и похожею на свиную; такъ, что если по натянутому мѣсту нажать палкою, или пальцемъ, то вдавленная кожа опять расправлялись весьма быстро. Внутренности, какъ можно думать, совершенно высохли потому, что при ощупываніи нельзя было замѣтить ихъ слѣды.

Церковникъ, показывая мнѣ эти феномены, разсказывалъ, при этомъ случаѣ, что Петръ Первый, идучи во время Шведской войны на Ревель, стоялъ нѣсколько дней не подалеку отъ этаго

мѣста лагеремъ, и когда узналъ, что въ этомъ приходѣ есть нетлѣнныя тѣла, то не повѣрилъ этому и приказалъ ихъ принести ему въ лагерь, гдѣ внимательно разсмотрѣвъ, тотчасъ же объяснилъ бывшему при немъ штату естественныя причины такого нетлѣнія, потомъ спустя нѣсколько дней приказалъ отнести ихъ въ гробъ и не почитать ихъ за чудесныя.

Отъ Шнабеля, церковника той церкви.

Основаніе.

ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ГОСПИТАЛЕЙ.

Петръ Великій заложилъ въ 1715 году первыя морской и сухопутный госпитали для больныхъ и немощныхъ матросовъ при Невѣ, гдѣ отдѣляется отъ нея Невка. Здѣсь было предположено быть между обоими госпиталями церкви а по концамъ два анатомическихъ театра.

Назначенное для постройки мѣсто освящало духовенство въ присутствіи самаго Императора и при пушечной пальбѣ съ кораблей и съ крѣпости.

По окончаніи Божественной службы и молебна съ водосвятіемъ, Монархъ сказалъ громкимъ голосомъ:

— Здѣсь каждый изъ Русскихъ служивыхъ раненый или изнеможенный найдетъ себѣ спокойствіе и помощь, какихъ у насъ въ Россіи еще не бывало; подай Богъ, чтобы сюда приходили не многіе изъ нужды или необходимости.

Въ это же самое время Государь изъявилъ свое желаніе имѣть при госпиталяхъ искусныхъ докторовъ, для того, чтобы всѣ больные въ полковыхъ и морскихъ больницахъ переводились сюда для пересмотра, чтобы каждому лекарю было дано нѣсколько подлекарей, чтобы они во всемъ помогали и съ тѣмъ вмѣстѣ учились у него; за тѣмъ изъявилъ свое желаніе имѣть въ запасѣ большое число молодыхъ учениковъ, которые должны знать, кромѣ латинскаго языка, анатомію, фізгологію и фармацію, чтобы знали также употребленіе того или другаго лекарства въ примѣненіи къ болѣзни, чтобы потомъ сдѣлать изъ нихъ искуственныхъ подлекарей, а наконецъ врачей. Надзоръ за морскимъ госпиталемъ былъ ввѣренъ морской Коллегіи, а надъ сухопутною главнму Кригсъ Коммисиріату, во-

обще же надъ обѣими препоручено наблюденіе первенствующимъ начальникамъ.

Отъ вице-адмирала Виллебоа.

Русскія лапти.

Когда Петръ Великій завоевалъ Финляндію, то обратилъ вниманіе на обувь чухонцевъ, у которыхъ лапти были сработаны несравненно хуже лаптей нашихъ Русскихъ мужиковъ.

— Однажды Государь спросилъ одного изъ Финскихъ крестьянъ:

— За чѣмъ вы носите такія лапти? посмотрите, какія лапти у Русскихъ мужиковъ.

— Да мы ихъ лучше дѣлать не умѣемъ, Государь, отвѣчалъ чухонецъ.

Его Императорское Величество тотчасъ послалъ за лучшими мастерами въ Казанскую и Новогородскую губернію, чтобы губернаторы прислали таковыхъ шестерыхъ въ С.-Петербургъ. Коль скоро они явились, то Государь послалъ ихъ въ Выборскую губернію для разсылки ихъ по удѣламъ, чтобы эти лапотные мастера подъ надзоромъ пасторовъ обучали чухонцевъ плѣсть лап-

DAMAGED PAGE(S)

ти, и не прежде ихъ отпустить, пока многихъ не научатъ плесть лапти, какъ они сами.

Пасторы должны были подавать каждый мѣсяцъ свѣдѣніе о движеніи хода работъ по части лапотной обуви, за что получали не большую плату съ тѣмъ, чтобы выдавали изъ высылаемой суммы по рублю кормовыхъ денегъ лапотнымъ мастерамъ.

При такомъ энергическомъ стремленіи Петра Великаго въ самыхъ простыхъ дѣлахъ, нельзя было не ожидать благотворнаго результата. Въ нѣсколько мѣсяцевъ вся Русская Финляндія научилась плесть лапти изъ липы, изъ ивы и изъ другихъ годныхъ лыкъ, и попечительный Императоръ достигъ своего намѣренія и сохранилъ ноги подданныхъ отъ множества могущихъ быть болѣзней въ суровомъ климатѣ Сѣвера.

Неустрашимость.

Всѣмъ извѣстно, что Петръ Великій въ молодости не терпѣлъ воды, и когда предлагали ему прокатиться по Яузѣ или по великому пруду, всегда оказывалъ отъ этихъ прогулокъ отвра-

щеніе; но съ лѣтами пропала въ немъ ненависть и замѣнилась настоящею страстью къ плаванію, такъ что чрезвычайная смѣлость къ водной стихіи даже иногда ввергала его въ очевидную опасность, въ то время, когда онъ не умѣлъ еще порядочно править рулемъ, уже пересталъ бояться воды.

Такъ случилось однажды въ нѣмецкомъ морѣ; разъяренныя стихіи хлестали бортъ лодки, заливая ее, перекидываясь чрезъ палубу; матросы шептали про себя молитву, мысленно предавая себя на жертву стихіи и уже воображая быть похороненными въ одной могилѣ.

— Небойтесь!... Императоръ Петръ утонуть не можетъ. Слыханное ли дѣло, чтобы Русскій царь утонулъ въ нѣмецкомъ морѣ? сказалъ государь и сказалъ правду.

Въ Петербургѣ Императоръ пригласилъ въ Кронштатъ нѣсколькихъ иностранныхъ министровъ посмотрѣлъ на новыя гидротехническія работы и часть флота готоваго уже вступить въ море; они отправились на Голландскомъ буерѣ, которымъ управлялъ самъ Петръ.

Какъ только переѣхали половину, вдругъ на взморьѣ поднялся сильный вѣтеръ съ запада,

DAMAGED PAGE(S)

Императоръ примѣтилъ вдали туманъ съ поднимающимся облакомъ и ожидалъ скорой бури.

Многіе были объяты ужасомъ и тѣмъ болѣе дрожали отъ страха, когда не устрашимый кормчій приказывалъ убрать половину парусовъ и кричалъ матросамъ, чтобы они были осторожнѣе; нѣкоторые замѣтили, что буеръ гнало скорѣе къ Петербургу, чѣмъ къ Кронштату, и что онъ направляемъ былъ Императоромъ то въ ту, то въ другую сторону, и предложили Его Величеству, не согласится ли онъ лучше возвратиться въ Петербургъ, или по крайней мѣрѣ заѣхать въ Петергофъ?

Императоръ, которому буря казалась не [illegible] опасною, возвратиться назадъ считалъ ст[illegible] и потому отвѣчалъ спутникамъ: небойтесь!

Между тѣмъ буря усиливалась и сопровождалась ужаснымъ громомъ. Водяные валы били чрезъ бортъ и казалось, что буеръ съ минуты на минуту готовъ опрокинуться.

Опасность жизни была видима; на лицѣ каждаго изъ здѣсь бывшихъ выражался смертельный страхъ, только лицо Императора и лица его матросовъ выражали совершенное равнодушіе къ

происходившему. Управляя рулемъ и повелѣвая дѣйствіями матросовъ, онъ совершенно не обращалъ вниманія о чемъ просили его любопытные посланники; наконецъ одинъ изъ нихъ, совершенно уничтожившійся отъ страха видимой опасности, сохраняя однакоже приличную своему сану важность, сказалъ:

— Прошу, Ваше, Величество или возвратиться въ Петербургъ, или править къ ближнему берегу, потому что я отъ моего Короля не за тѣмъ присланъ, чтобы утонуть. Если я здѣсь погибну, то разумѣется Ваше Величество должны въ этомъ отвѣчать моему двору.

Императоръ Петръ при всей опасности едва могъ удержаться отъ смѣха при видѣ трусости посланника и тутъ же отвѣчалъ:

— Не бойтесь, милостивый государь, Фонъ Л; вѣдь если и придется, то утонемъ вмѣстѣ и вашему двору тогда не съ кого будетъ взыскивать,

Однакоже буря усиливалась все болѣе и болѣе; Монархъ, увидя совершенную невозможность. сталъ править въ сторону и скоро прибылъ въ гавань Петергофа, гдѣ оставилъ своихъ спутниковъ отдыхать, а самъ на разсвѣтѣ отправился

въ Кронштадтъ, и оттуда спутникамъ прислалъ нѣсколько шлюпокъ съ надежными людьми.

Отъ Екипажъ-мейстера Брюйна.

Учрежденіе Св. Прав. Синода.

По смерти послѣдняго патріарха Адріана, патріаршество чрезъ многіе годы, по причинѣ военныхъ обстоятельствъ, оставалось не занятымъ.

Петру Великому не однократно предлагали избрать на это мѣсто достойнѣйшаго, но Монархъ, которому былъ извѣстенъ Никонъ за частые споры и препиранія съ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ такъ что царю Алексѣю большаго труда стоило утвердить свою власть надъ нимъ, вознамѣрился не поставлять никого въ патріархи и на предложенія не отвѣчалъ рѣшительно, откладывая со дня на день по причинамъ войнъ и другихъ дѣлъ.

Новгородскій Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, преданный Петру Великому, одинъ только проникалъ мысли Государя и ихъ поддерживалъ. Этотъ Святитель былъ его правою рукою въ ду-

ховныхъ дѣлахъ и однажды предложилъ Петру учредить совѣтъ подъ названіемъ: *Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ*. Это послѣдовало въ 1721 году. Вслѣдъ за тѣмъ былъ изданъ православный катихизисъ или исповѣданіе вѣры въ $^1/_8$ листа подписанный: *По повелѣнію Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода*, и Духовное Уложеніе. Государь думалъ, что болѣе не будутъ просить патріарха; но большая часть знатнаго духовенства, оставалась въ томъ мнѣніи, что независимо отъ Синода будетъ еще патріархъ, и въ одно время Государю, когда онъ предсѣдательствовалъ въ Сѵнодѣ, было подано просительное письмо о постановленіи патріарха.

Тогда Государь до того разгнѣвался, что, ударя самъ себя въ грудь, сказалъ:

— Вотъ вамъ патріархъ! и при этомъ всталъ и вышелъ.

Послѣ того никогда и ничего не слышно было о патріархѣ или, чтобы оказывали желаніе имѣть его.

Такъ объ этомъ дѣлѣ разсказывалъ Штелину графъ Бестужевъ, а кабинетъ министръ баронъ Черкасовъ говоритъ такъ:

— Государь Императоръ лѣвою рукою ударивъ себя въ грудь, а правою обнажилъ кортикъ и, ударивъ имъ по столу, вскричалъ: вотъ вамъ патріархъ!

Отъ канцлера графа Бестужева и отъ кабинетъ Министра барона Черкасова.

Учрежденіе Академіи Наукъ.

Послѣ благополучнаго окончанія Шведской войны Императоръ Петръ I принялъ намѣреніе учредить Академію Наукъ въ С.-Петербургѣ; для чего послалъ чрезъ всѣхъ своихъ посланниковъ при иностранныхъ дворахъ повеленія, чтобы они освѣдомились въ мѣстахъ ихъ пребыванія о славнѣйшихъ ученыхъ, какіе нужны для его академіи и въ скорѣйшемъ времени извѣстили бы объ этомъ.

Для первоначальнаго содержанія Академіи при первомъ ея учрежденіи, порасчисленію, Государь назначилъ 25000 рублей, изъ таможенныхъ сборовъ г. Нарвы, Пернавы и острова Эзеля. Но, къ несчастію, онъ впалъ въ болѣзнь, которая свела

его въ могилу, лежа на смертномъ одрѣ, онъ поручилъ своей супругѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ покончить начатое имъ предпріятіе.

Екатерина I, наслѣдовавшая престолъ своего супруга, поручила доктору Блументросту, извѣстному по учености, составить списокъ ученыхъ по начертанію Петра Великаго, назначивъ его президентомъ Академіи. По его назначенію стали одинъ за другимъ пріѣзжать въ Петербургъ. Имена этихъ первыхъ ученыхъ просвѣтителей слѣдующія:

Николай Делиль } Профессоры Астрономіи и
Делиль ла Кроэръ } Географіи.

Германъ } по Математикѣ
Николай и Даніилъ Бернульи } и Анализу.

Бельерингеръ по философіи.

Беэръ по исторіи и древностямъ.

Докторъ Беккенштеинъ естественно и гражданскаго законоученія.

Лейтманъ по механикѣ и физикѣ.

Дювернуа по анатоміи.

Докторъ Биргеръ по химіи.

Мартиніусъ Профессоръ латинскаго языка.

Гросъ и Мейръ, по практической философіи.

Коль, по исторіи искусствъ и наукъ.

Гельдбахъ, ученый секретарь.

Шумахеръ былъ библіотекаремъ при академіи.

Для торжественнаго открытія Императорской Академіи Художествъ было избрано 26 число ноября 1725 года, послѣ дня тезоименитства Екатерины I. Но по разнымъ причинамъ день праздника былъ отстроченъ до третьяго дня Рождества Христова, и хотя Императрица въ тотъ день не присутствовала, однако общее собраніе вполнѣ состоялось. Настоящее торжественное открытіе послѣдовало въ 1726 году въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и царевенъ Анны и Елизаветы Петровенъ и владѣтельнаго Герцога Голштинскаго.

Уваженіе Петра Великаго къ дѣламъ Царя Ивана Васильевича.

Іоаннъ IV, говорилъ Императоръ Петръ, хотя и признается всѣми за «Грознаго» и хотя ему придаютъ этотъ титулъ вмѣсто обыкновеннаго прозванія; но этотъ титулъ ложенъ, ему приличнѣе дать имя «Великаго», и это государь доказалъ при слѣдующемъ случаѣ:

Герцогъ Голштинскій, бывшій послѣ того зятемъ Петра Великаго, приказалъ во время отправленія въ Москвѣ большаго торжества по случаю побѣды надъ Шведами при большой иллюминаціи, воздвигнуть предъ своимъ домомъ въ Нѣмецкой слободѣ украшенныя огнями большія ворота, гдѣ долженъ былъ быть представленъ транспорантъ, на которомъ долженъ былъ быть изображенъ Петръ Великій въ тріумфѣ, а на другой сторонѣ Царь Иванъ Васильевичъ, составившій своими побѣдами изъ множества отдѣльныхъ государствъ одну монархію.

Оба Монарха были изображены на торжественныхъ колесницахъ, изъ которыхъ въ одной ѣхалъ царь Іоаннъ IV чрезъ гербы завоеванныхъ царствъ, а съ другой Петръ чрезъ гербы завоеванныхъ имъ земель.

Многимъ это не понравилось, потому, что одинъ считался въ народѣ «Грознымъ» а другой назывался «Отцемъ Отечества» и не находили тутъ между ними ничего общаго.

Государь Императоръ, проѣзжая по Москвѣ, также между прочимъ заѣхалъ въ Нѣмецкую слободу, гдѣ и остановился предъ домомъ Герцога, любуясь на изображенія,

Герцогъ тотчасъ вышелъ на улицу, чтобы принять Его Императорское Величество и благодарить за посѣщеніе, и извинялся въ томъ, что по причинѣ краткости времени и по недостатку въ искусныхъ живописцахъ, не могъ ничего совершить лучшаго. Императоръ обнялъ Герцога и, поцѣловавъ, сказалъ:

— Эта выдумка лучше всѣхъ иллюминацій, которыя я видѣлъ въ Москвѣ. Ваша Свѣтлость представили на ней мою мысль: Іоаннъ Васильевичъ мой предшественникъ и образецъ, потому что я всегда бралъ съ него примѣры при управленіи въ гражданскихъ и въ военныхъ дѣлахъ, но при всемъ томъ еще довольно далекъ отъ того, что онъ сдѣлалъ. Только глупцы, которымъ неизвѣстны обстоятельства времени, называютъ его мучителемъ за его великія заслуги. Государь это говорилъ вслухъ.

Отъ оберъ-маршала Его Величества, бывшаго съ Герцогомъ въ Москвѣ.

Совѣтъ послу.

Какъ только Петръ Великій заключилъ со Шве-

дами въ 1721 году миръ, то назначилъ Оберъ-Маршала дочери своей Елизаветы Петровны графа Бестужева въ Стокгольмъ въ качествѣ посла. Предъ его отправленіемъ Императоръ приказалъ явиться ему по утру въ четыре часа для полученія отъ него послѣ нихъ наставленій, и съ этой же цѣлью приказалъ явиться въ одно время графу Остерману, состоящему при иностранной коллегіи.

Бестужевъ отъ Императора явился къ Остерману и передалъ Монаршее повелѣніе. Остерманъ, прочитавъ съ нимъ все наставленіе, передалъ Бестужеву.

На другой день въ половинѣ четвертаго часа по утру они оба явились къ Императору, гдѣ застали дневальнаго деньщика, который сказалъ, что Государь уже съ полчаса какъ всталъ и ходитъ по своей спальнѣ; но что онъ, деньщикъ, доложить не смѣетъ ранѣе опредѣленнаго часа.

Лишь только пробило 4 часа, какъ деньщикъ пошелъ въ спальню и объявилъ о нихъ Императору.

Государь велѣлъ ихъ позвать.

— Который теперь часъ?

— Четыре, В. И. Величество.

— Хорошо; ну, что прочитали все, что написано въ наставленіе, и бумаги у тебя?

Бестужевъ отвѣчалъ, что все исполнено, и на вопросы Государя отвѣчалъ очень хорошо.

— Хорошо! Теперь вынь свою записную книжку и пиши, что я буду диктовать: это особенныя мои коммиссіи, которыхъ ты забывать недолженъ.

Бестужевъ вынулъ книжку, и Государь началъ диктовать. Въ общихъ выраженіяхъ это были наставленія о присылкѣ изъ Швеціи искусныхъ землепашцевъ, садовниковъ, лѣсниковъ, плотниковъ, оружейниковъ, каменщиковъ, слѣсарей, плавильщиковъ, и пр. Окончивъ это, Государь приказалъ прочитать записанное, чтобы узнать: нѣтъ ли чего пропущеннаго. Затѣмъ Государь началъ снова: что касается до наставленія иностранной коллегіи, то нужно съ коллегіей вести переписку. Что же относится до особой коммиссіи, то увѣдомлять его самаго лично, и писать кратко, справедливо и по пунктамъ безъ всякой церемоніи и надписывать *Петру Алексѣевичу*.

Роспорядившись, Императоръ сказалъ:

— Теперь поди съ Богомъ! Желаю благополучнаго пути, и чтобы ты въ новомъ званіи

исправлялъ должность вѣрно и усердно, сколько тебѣ это возможно. Если ты такъ поступишь, какъ я надѣюсь, то и я приложу стараніе улучшить твое благополучіе; если же ты не оправдаешь моихъ надеждъ, то найдешь во мнѣ такого непріятеля, какъ теперь друга. И Монархъ поцѣловалъ Бестужева въ лобъ.

Отъ г. Оберъ-Гофмаршала графа Михаила Петровича Бестужева, который былъ свидѣтелемъ переписки Петра Великаго съ братомъ его Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ.

Образецъ писемъ Петра Великаго.

Между многими собственноручными письмами и записками находился журналъ, которыми мудрый Императоръ велъ въ теченіи всей Шведской войны. Императрица Екатерина II въ 1773 г. издала эти записки въ двухъ томахъ въ четверку подъ надзоромъ князя Щербатова бывшаго дѣйствительнымъ камергеромъ и герольдмейстеромъ. Послѣ того этотъ журналъ былъ въ Бер-

линѣ переведенъ на французскій а въ Ригѣ и въ Лейбцигѣ на нѣмецкій языки.

Князь Михаилъ Михайловичь Щербатовъ, издалъ въ свѣтъ также много собственноручныхъ писемъ Петра, I хранившихся у многихъ знаменитыхъ фамилій, сюда относятся фамилій: Шереметевыхъ, Чернышевыхъ, и прочихъ. Штелинъ свидѣтельствуетъ, что онъ имѣлъ счастіе видѣть очень большое число этихъ писемъ.

Въ 1794 оберъ-камергеръ графъ Шереметевъ издалъ великолѣпно отпечатанную книгу подъ заглавіемъ: *Письма Петра Великаго къ своему фельдмаршалу и дѣйствительному тайному совѣтнику графу Борису Петровичу Шереметеву, Мальтійскому, святаго Андрея Первозваннаго, Бѣлаго Орла, королевскаго прусскаго орденовъ, Кавалеру.* Напечатана въ Москвѣ 1774 г.

Между собственноручными письмами Петра Великаго, хранившихся у графской фамиліи Апраксиныхъ, хранилось одно, въ которомъ, Императоръ послѣ славнаго сраженія подъ Полтавою въ 9 часовъ вечера съ поля сраженія извѣщалъ любимаго адмирала графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина о рѣшительной побѣдѣ при чемъ за-

ключилъ словами: «теперь думаю я, Петербургъ и окрестныя страны останутся за нами.»

Вотъ образецъ этого письма Петра Великаго:

Господинъ Адмиралъ.

«Объявляю вамъ о зело превеликой и нечаемой викторіи, которую Господь Богъ намъ чрезъ неописанную храбрость нашихъ солдатъ даровать изволилъ съ малою войскъ вашихъ кровью таковымъ образомъ: Сегодня на самой утренней зарѣ непріятель нашу конницу со всею Арміею и конною и пѣшею аттаковалъ, которая хотя зело по достоинству держалась, однако принуждена была уступить съ великимъ убыткомъ непріятелю; потомъ непріятель сталъ во фрунтъ противъ нашего лагеря, противъ котораго тотчасъ всю пѣхоту мы изъ траншамента вывели и предъ очи непріятелю поставили, а конницу на обѣихъ флангахъ, что непріятель увидя, тотчасъ подошелъ аттаковать насъ, противъ котораго наши на встрѣчу пошли и тако онаго встрѣтили, что тотчасъ съ поля сбили, знаменъ, пушекъ множество взяли; такожъ генералъ фельдмаршалъ господинъ Рейнъ-Шельдъ купно съ четырьмя генералы, а именно: Шлюпенбахомъ, Штакельберхомъ Гамохтономъ и

Розеномъ, такожъ первой министръ графъ Питеръ съ секретарями Гомерлиномъ и Цидергемомъ въ полонъ взяты, при которыхъ нѣсколько тысячь офицеровъ и рядовыхъ взято, о чемъ подробно вскорѣ писать будемъ, а нынѣ за скоростью невозможно и единымъ словомъ сказать, вся непріятельская армія Фастоновъ конецъ воспріяла, а о королѣ намъ неизвѣстно еще, съ нами или съ отцы нашими обрѣтается, а заразбитымъ непріятелемъ посланы господа генералы—поручики князь Голицынъ и Боуръ съ конницею. И сею въ насъ неслыханнаю новиною вамъ поздравляю, и прошу господъ вышнихъ и нижнихъ морскаго и сухаго пути поздравить.

Питеръ.

Изъ лагеря отъ Полтавы
въ 27 день іюня 1709 году.

P. S. Нынѣ уже совершенно камень во основаніе Санктпетербурга положенъ съ помощію Божію *).

Кончина Петра Великаго.

О смерти Петра Великаго говорили слишкомъ много такъ, что по собраніи всѣхъ этихъ разно-

*) Здѣсь соблюдена орфографія своего времени; (согласно Штелину, *составитель*.

образныхъ извѣстій невозможно составить ничего общаго. Но истинныя и настоящія обстоятельства болѣзни, предшествовавшей смерти Императора, лучше и вѣрнѣе всего передалъ придворный лейбъ-медикъ Паульсонъ, который подъ надзоромъ Императорскаго лейбъ-медика Лоренса Блументроста пользовалъ Императора въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, вмѣстѣ съ англійскимъ врачемъ Горномъ и по кончинѣ Императора вскрывалъ его тѣло.

Государь получилъ болѣзнь еще въ 1723 году и не почитая ее важною сперва никому о томъ не говорилъ; а между тѣмъ болѣзнь усиливалась до такой степени, что дѣлалась нестерпимою. Протерпѣвъ цѣлый годъ свои страданія, можетъ быть порою забывая ихъ въ трудахъ и заботахъ о пользѣ отечества, Онъ, этотъ могущественный Императоръ лѣтомъ въ слѣдующемъ 1724 году объявилъ свою болѣзнь своему лейбъ-медику Блументросту.

Мы имѣемъ право замѣтить отъ себя, что Петръ Великій уже былъ знатокъ въ медицинѣ и хирургіи того вѣка, и особенно въ хирургіи играющей важную роль при операціяхъ на войнѣ. но медицина прежняго времени была ограниченна, потому

что химія была еще въ дѣтствѣ и смѣшалась съ понятіями и Флогистонѣ, философскомъ камнѣ и о вѣчномъ движителѣ, чѣмъ взбудоражила семнадцатый вѣкъ, эти прелести земнаго счастія сбили ученыхъ съ ихъ пути и повредили наукѣ, введя въ нее быть можетъ непростительныя средства для нашего времени. Но окончимъ эту нашу параболу, стоитъ прочесть школу медицины прежняго времени, чтобы взвѣсить все ужасы ея вліяній; по мнѣнію врачей нашего времени и примѣненіе медицины несла за собою несомнѣнный вредъ.

Очень понятно, что Блументростъ увидя опасную болѣзнь Государя и не надѣясь на себя, зная что Государь самъ имѣлъ понятіе въ медицинѣ, слѣдовательно вполнѣ имѣлъ право цѣнить искусство и науку, просилъ, чтобы былъ призванъ докторъ Бидло изъ Москвы; между тѣмъ были приняты всѣ мѣры къ тому, Чтобы унять воспаленіе въ больныхъ частяхъ. Этотъ врачь послѣ того ни на одинъ часъ неотлучался отъ Государя ни днемъ, ни ночью и для безпрестанныхъ припарокъ и промывательныхъ, держалъ при себѣ аптекаря Либгольца и лекаря Паульсона.

Прошло четыре мѣсяца въ которые государь лежалъ въ постели и не прежде какъ въ сентябрѣ Императоръ получилъ желаемое облегченіе и отъ врачей обѣщаніе желаемаго облегченія и надежды къ совершенному выздоровленію; къ тому же болѣзнь тогда облегчилась; врачи разумѣется думали что Государь поправился, потому что онъ ходилъ въ покоѣ и въ такомъ расположеніи духа, что даже могъ выходить на улицу.

Въ этомъ расположеніи здоровья самъ Государь считалъ себя свободнымъ отъ опасности и не говоря ни лейбъ-медику и никому изъ врачей, приказалъ приготовить яхту, которая должна быть передъ дворцомъ и стать на якорѣ; это было въ началѣ октября въ хорошую осеннюю погоду; онъ поѣхалъ въ Шлиссенбургъ, чтобы осмотрѣть въ Ладожскомъ каналѣ оконченную работу Миниха, бывшаго въ то время фельдмаршаломъ. Лейбъ-Медику Блюментросту велѣлъ не прежде, какъ того же утра дать знать, чтобы онъ собрался съ нимъ не въ дальнюю поѣздку и взялъ бы съ собою лекарствъ и людей, какіе по его мнѣнію нужны.

Блюментростъ испугался отъ этой несвоевре-

менной поѣздки Императора и немедленно пріѣхалъ ко двору; но никакими доводами немогъ удержать Государя отъ намѣреній, долженъ былъ идти на яхту и для всякаго случая взялъ дорожную аптеку и лекаря Паульсона.

Изъ Шлиссенбурга Императоръ поѣхалъ по Ладожскому далеко уже проведенному каналу; тамъ все осмотрѣвъ и давъ повеленіе о продолженіи этой важной работы, поѣхалъ потомъ въ старую Ладогу, а оттуда въ Новгородъ и насамый конецъ Ильменя озера въ старую Русь, дабы осмотрѣть повеленное исправленіе тамошнихъ соловаренъ, и канала, начатаго по его повелѣнію и для легчайшаго провозу нужнаго дровянаго лѣсу для соловаренъ. Въ этой поѣздкѣ и въ безпрестанныхъ упражненіяхъ прошелъ почти цѣлый октябрь и при перемѣнной осенней погодѣ, еще несовершенно здороваго Государя.

Наконецъ въ первыхъ числахъ ноября поѣхалъ онъ на яхту обратно въ С.-Петербургъ и прибылъ 5-го числа, но не присталъ къ берегу, а прямо направился на Лахту, близь Петербурга на Финскомъ заливѣ, чтобы побывать въ Систербекѣ, гдѣ у него былъ устроенъ оружейный заводъ.

Но на Лахтѣ нечаянный случай ввергъ Императора опять въ ту же болѣзнь, которая такъ счастливо окончилась за нѣсколько мѣсяцевъ.

Погода была очень бурная, которымъ всегда богатъ ноябрь, къ тому же почти ночь, какъ Императоръ, недоѣзжая одной версты до Лахты увидѣлъ съ яхты небольшой ботъ, плывущій изъ Кронштата, на которомъ было очень много солдатъ и матросовъ и который въ виду яхты сѣлъ на мель.

Императоръ тотчасъ послалъ къ нему шлюпку, но шлюбка ничего немогла здѣлать. Государь гнѣвался неспуская глазъ, и печалился увидя, что нѣсколько человѣкъ были унесены волнами и полумертвыми вытащены изъ воды.

Наконецъ терпѣніе Петра лопнуло, и онъ самъ вознамѣрился ѣхать для спасенія людей и судна. Недоѣхавъ до судна по причинѣ мели на нѣсколько сотъ шаговъ, онъ выскочилъ изъ шлюпки и пошелъ по мели къ боту, причемъ помогалъ его стаскивать и спасать людей, изъ которыхъ болѣе претерпѣвшихъ и едва стоявщихъ на ногахъ, велѣлъ отвесть въ ближнія деревни и подчинить медицинскому надзору.

Конечно Государь будучи по поясъ въ водѣ такъ

при этомъ промочилъ, платье что долженъ былъ перемѣнить его; но онъ это ни во что не ставилъ, находя удовольствіе въ томъ, что своею персоною помогъ снять съ мели ботъ и спасти слишкомъ двадцать человѣкъ отъ смерти, не воображая того, что самъ себѣ тѣмъ проложилъ дорогу къ смерти.

Императоръ провелъ на Лахтѣ всю ночь и когда на утро хотѣлъ ѣхать, но прострадавъ всю ночь лихорадкою, и воспаленіемъ въ животѣ, поторопился въ Петербургъ; по пріѣздѣ, онъ слегъ въ постелю и со дня на день сталъ чувствовать возобновленіе старой своей болѣзни.

Въ декабрѣ состояніе его болѣзни приняло грозный характеръ и несмотря на силу, которою былъ одаренъ Великій, воспаленіе внутренностей угрожало антоновымъ огнемъ.

Императоръ Петръ понялъ, что къ нему приближается смерть и ждалъ ее съ мужествомъ, предавшись Волѣ и Благости Божіей, преставился 28 января 1725 года.

По вскрытіи тѣла Императора найдено, что части около мочеваго пузыря были объяты антоновымъ огнемъ и нѣкоторые столь отвердѣли,

что, ихъ было трудно рѣзать анатомическимъ ножемъ.

Отъ надворнаго совѣтника Паульсона придворнаго лѣкаря 80 лѣтъ умершаго въ 1780 году.

Рѣдкости оставшіяся послѣ Петра Великаго.

Послѣ Великаго все дорого намъ. Политехническая выставка устроенная въ память этого Государя, многихъ познакомила съ тѣмъ, что было дорого и Великому; но не каждый изъ насъ можетъ припомнить то, что видѣлъ мимоходомъ, да и не все изъ того, что есть было на выставкѣ. Вотъ краткое описаніе предметовъ, которыми интересовался Государь, и что находилось при кабинетѣ и кунсткамерѣ, находящейся при Императорской академіи наукъ.

Вотъ какъ описываетъ Штеллинъ кунсткамеру:

Прежде всего въ особенно назначенномъ покоѣ находятся фамильные грудные портреты Россійскаго царскаго дома отъ Іоанна Васильевича до Императрицы Елизаветы Петровны; здѣсь на

плафонѣ изображенъ водяными красками самъ Императоръ Петръ Первый увѣнчанный звѣздами. Но что особенно интересуетъ каждаго, то это восковой бюстъ Императора въ сидящемъ положеніи въ креслахъ, подъ балдахиномъ на возвышеніи въ нѣсколько ступеней.

Государь во весь ростъ въ голубомъ гродетуровомъ шитомъ золотомъ кафтанѣ, въ алыхъ чулкахъ съ серебряными стрѣлками и въ старыхъ имъ самимъ чиненныхъ башмакахъ. Лицо его сдѣланное изъ воску, чрезвычайно вѣрно, потому что сдѣлано по формѣ отлитой вскорѣ послѣ его кончины. Въ выразительныхъ чертахъ Монарха замѣтна тихая скорбь, слѣды страданій, но это не лишаетъ зрителя любоваться дорогимъ изображеніемъ. На головѣ его надѣтъ небольшой парикъ изъ его собственныхъ волосъ, которыя онъ во время своего похода въ Персію 1722 года, обрѣзалъ по причинѣ сильнаго жара и приказавъ сдѣлать изъ нихъ парикъ, носилъ его обыкновенно въ карманѣ и надѣвалъ при вечерней прохладѣ и вовремя утренней росы. Чрезъ плечо по кафтану положена голубая лента ордена святаго Андрея Первозваннаго со звѣздою на лѣвой сторонѣ, а по камзолу подъ кафтаномъ

голубая жъ, серебромъ шитая портупея, на которой виситъ кортикъ съ яшмовымъ череномъ полученный имъ когда-то въ подарокъ отъ короля Августа. Этотъ кортикъ было постояннымъ оружіемъ Петра Перваго.

Описанное платье Петръ Великій надѣлъ въ Москвѣ 1724 года въ тотъ день, когда онъ торжественно объявилъ Императрицею супругу свою Екатерину I и въ немъ собственными руками возложилъ на нее корону.

Въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни надѣлъ на себя Императоръ столь богатый кафтанъ. Шитье на немъ, какъ и на портупеѣ, говоритъ преданіе, работала сама Императрица по новѣйшей модѣ при помощи своихъ камеръ-Юнгферъ.

Въ восковомъ лицѣ Императора и въ глазахъ вѣрность поразительна, только въ щекахъ довольно полныхъ при жизни и опавшихъ по смерти нарушается вѣрность, а особенно въ лѣвой, что, какъ нужно думать, произошло отъ давленія гипса на слабое тѣло.

Съ обѣихъ сторонъ въ нишахъ стѣны хранится разное платье, которое носилъ Петръ Великій, а именно: его полковничій, гвардіи Преображенскаго полка, мундиръ зеленаго голланд-

скаго сукна (довольно грубаго) на голубой подкладкѣ, которая отъ времени полиняла. На мундирѣ большія когда-то волоченные теперь мѣдныя пуговицы. Здѣсь же виситъ его шляпа безъ позументовъ; эта шляпа въ одномъ изъ шведскихъ сраженій прострѣлена пулей. Штелинъ разсказываетъ, что, когда въ 1776 году академическую кунсткамеру посѣтила Гессен-Дармштатская Ландграфиня и пришла въ тотъ покой, гдѣ находился восковой бюстъ Великаго Монарха, то не мало дивилась всему видѣнному, полная воспоминанія о Великомъ; когда же увидѣла шляпу Монарха прострѣленную пулею, то взявъ въ руки, поцѣловала, промолвивъ: O grand Hommeo! (О, великій человѣкъ!)

Далѣе находится его серебренный вызолоченный офицерскій знакъ, который обыкновенно носится на шеѣ спереди, и военная шпага съ мѣднымъ безъ позолоты и черною проволокою обвитымъ эфесомъ. Здѣсь же стоятъ два шпантона: одинъ, который онъ носилъ въ молодыхъ годахъ, будучи капитаномъ своей регулярной роты, а другой подлиннѣе на одну треть, который онъ употреблялъ вовремя команды, будучи полковникомъ Преображенскаго полка.

Въ выемкѣ стѣны, съ другой стороны виситъ его изъ простой кожи галстукъ, который онъ нашивалъ при сраженіяхъ и при другихъ полевыхъ упражненіяхъ; помѣщены пара конныхъ сапоговъ, его канифасный колпакъ съ зелеными лентами, пара сѣрыхъ шерстяныхъ чулокъ, не однажды заштопанныхъ и пара починенныхъ башмаковъ, которые онъ носилъ при концѣ жизни.

У дверей этого кабинета вбитъ гвоздь, опредѣляющій: два аршина четырнадцать вершковъ настоящій ростъ Императора Петра Перваго. Здѣсь же находилась въ углу знаменитая трость Петра съ наболдашникомъ изъ слоновой кости, съ которою онъ не разставался въ пути, и которою онъ внушалъ свою строгость при проступкахъ подданныхъ.

Штелинъ разсказываетъ при этомъ одинъ забавный случай: смотритель кабинета, объясняя одному изъ посѣтителей значеніе достопамятностей, приступилъ къ описанію трости, но посѣтитель, махнувъ рукой, сказалъ: «неразсказывай, пожалуйста! я ее лучше тебя знаю, она въ моей молодости не разъ по моей спинѣ плясала.» Это былъ одинъ изъ придворныхъ чиновниковъ Императрицы Елизаветы Петровны.

Въ передней кабинета стоятъ нѣсколько токарныхъ станковъ, на которыхъ Державный вытачивалъ различныя работы. Прежде всего бросается въ глаза весьма большое паникадило, выточенное изъ слоновой кости съ двадцатью четырьмя подсвѣчниками, изъ которыхъ главный содержитъ въ себѣ звѣзду, отражающую отъ себя множество лучей. Работа этого паникадила говоритъ объ искусствѣ великаго работника лучше повѣствованія. Монархъ хотѣлъ опредѣлить это паникадило въ только что выстроенную имъ церковь въ Петропавловской крѣпости.

Здѣсь также находятся развѣшанныя по стѣнамъ изображенія великихъ завоеваній и сраженій: это-- батальныя картины изъ Шведской войны вырѣзаны пунсономъ на мѣдныхъ кругахъ выпукло. При жизни Петръ Первый хотѣлъ для себя сдѣлать Петровъ столбъ (Colonna Petrina) въ подражаніе Троянову столбу, и эти мѣдныя изображенія побѣдъ, по его назначенію, должны были украшать столбъ, а на верху онъ хотѣлъ поставить свое изображеніе, а пьедесталъ прикрыть многими надписями. Но Провидѣніе оставило на долю царственныхъ потомковъ увѣнчать дѣла Петра и почтить его память мавзолеями и монументами и подражаніемъ.

Въ залѣ стоитъ его любимый персидскій жеребецъ, въ видѣ чучелы, весьма посредственнаго роста съ зеленымъ бархатнымъ сѣдломъ и золотомъ шитымъ чапракомъ, взнузданный такъ, какъ на немъ разъѣзжалъ Великій въ Полтавскихъ степяхъ.

Замѣчательны стремена седла по длинѣ своихъ ремней, эти стремена только на полфута отъ полу; это доказываетъ, какъ высокъ былъ Императоръ Петръ.

Рядомъ съ персидскимъ жеребцомъ стоитъ чучело, его любимой датской собаки и въ стеклянномъ ящикѣ чучело вѣрной его Лизетты, собаки рыжей шерсти изъ породы гончихъ. Эта собака издохла еще при жизни Императора и государь такъ любилъ ее, что для памяти набилъ изъ нее чучело и приказалъ помѣстить ее въ стеклянный ящикъ.

Здѣсь же помѣщается желѣзная полоса, которую Императоръ выковалъ на Олонецкомъ заводѣ, по эту сторону Ладожскаго озера. Она выкована была 1724 октября 12, слѣдовательно за нѣсколько времени до своей кончины.

Въ кругломъ залѣ гдѣ прежде стоялъ знаменитый готторбскій Глобусъ, который въ 1748 году сгорѣлъ, помѣщаются модели различныхъ рѣч-

ныхъ и морскихъ судовъ, сюда относятся: корабли, галеры, полугалеры и другія суда, по которымъ Монархъ сооружалъ русскія суда. Между этими моделями находится прекраснѣйшая модель англійскаго военнаго корабля со 120 мѣдными пушками съ самыми мельчайшими подробностями сдѣланная по самому строгому масштабу. Эта модель— подарокъ Императору отъ короля Вильгельма; эта модель можетъ и сейчасъ представлять собою образецъ модельнаго искуства.

По этой прекрасной модели Императоръ Петръ сдѣлалъ первый корабль въ С.-Петербургской верфи и назвалъ его своимъ именемъ. Онъ былъ вооруженъ 131 пушкою и при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ 1733 году съ русскимъ флотомъ выступилъ для осады Данцига.

Кромѣ моделей здѣсь находится множество астромическихъ и географическихъ предметовъ нужныхъ въ мореплаваніи, между которыми находятся небесные и земные сферы и шары, изъ нихъ одна подарена Императору Петру въ Лондонѣ англійскимъ купечествомъ работы, Ровлей. Эта сфера изображаетъ путь планетъ около солнца въ ихъ истинномъ разстояніи и дѣйствительномъ движеніи по системѣ Коперника. За-

тѣмъ нѣсколько компасовъ и магнитъ поднимающій нѣсколько пудъ желѣза.

Но что особенно заслуживаетъ вниманія, это большой Глобусъ имѣющій въ поперечникѣ 6 футовъ, присланный Генеральными Голландскими штатами въ подарокъ отцу Петра I, царю Алексѣю Михайловичу.

На мѣстѣ этого земнаго Глобуса былъ Готторбскій Глобусъ который былъ въ поперечникѣ одинадцать съ половиною футовъ, но сгорѣлъ, однакоже по оставшемуся основанію англійскій механикъ Шоттъ въ теченіи семи лѣтъ вновь его устроилъ, и этотъ шаръ во время жизни Штелина былъ помѣщенъ сзади академіи въ особенномъ зданіи.

Нужно замѣтить, что этотъ готторбскій Глобусъ самый величайшій въ свѣтѣ и представляетъ земную и небесную сферу, такъ что внѣшняя поверхность представляетъ земную сферу, а внутренность небесное теченіе свѣтилъ и потому стоитъ того, чтобы о немъ поболѣе распространиться.

Этотъ Глобусъ сдѣланъ въ 1664 году въ Лоторнѣ для Голштинскаго герцога Фридриха III Адамомъ Буглемъ подъ надзоромъ Адама Олеарія.

Когда въ 1713 года по взятіи Шлезвигъ Голштинской крѣпости Тепнингины, Петръ Великій вступилъ съ своими союзниками въ Шлезвигъ, то все свое вниманіе обратилъ на этотъ глабусъ и изъявилъ желаніе имѣть его.

Регентъ малолѣтняго Герцога и племянникъ Петра I по сестрѣ, узнавъ о желаніи Императора, тотчасъ предложилъ его Государю въ видѣ подарка отъ всей Голштиніи. Государь былъ такъ доволенъ этимъ подаркомъ, что, казалось, ему этотъ Глобусъ былъ дороже всей Голштиніи.

Принявъ драгоцѣнный подарокъ, Государь приказалъ его бережно положить на корабль и ввѣривъ подъ строгій надзоръ флотскаго офицера*) послалъ его въ Ревель, а оттуда слѣдующею весною на особливо-сдѣланныхъ для того саняхъ переправилъ въ С.-Петербургъ.

Для провоза его по всему пути разставлено было множество крестьянъ, которые должны были въ Эстляндіи и Ингерманландіи ровнять дороги и прорубать тамъ, гдѣ они недостаточно широки для проѣзда широкихъ саней.

---

*) Для полноты справедливаго сказанія не худо бы знать имя, кому было ввѣрено сокровище Петра Великаго? Составитель.

Подарокъ этотъ былъ такъ пріятенъ Государю, что онъ по возвращеніи своемъ, приказалъ устроить въ лѣтнемъ сяду рядомъ со дворцемъ особенное зданіе, гдѣ помѣстилъ его и часто по цѣлымъ часамъ просиживалъ, разсматривая его.

Для обзора небесной сферы глобусъ имѣетъ искусстно сдѣланную дверь; внутренность Глабуса усѣяна звѣздами и другими свѣтилами обѣихъ полушарій, для входа въ Глобусъ устроено нѣсколько ступеней. Въ срединѣ шара находится круглый столъ, на которомъ ставятъ свѣчу и придѣланы скамейки человѣкъ на двѣнадцать и рукоятка, гдѣ помощію архимедова винта глобусъ на своей оси приводится въ движеніе; такимъ образомъ, сидя можно видѣть всѣ свѣтила въ движеніи.

Спустя много лѣтъ, по открытіи новыхъ земель на поверхности Глобуса были сдѣланы поправки и пополненія, которые были поручены Адъюнкту С.-Петербургской академіи Трускоту.

Въ отдѣленіи золотыхъ и серебренныхъ вещей, гдѣ также есть славный минцъ-кабинетъ, состоящій изъ старыхъ греческихъ и римскихъ золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ медалей также и

собраніе новыхъ монетъ всѣхъ европейскихъ державъ а также и русскихъ.

Сверхъ того находятся тамъ оставленныя послѣ Петра Великаго драгоцѣнная коллекція оружія: Японскія, Китайскія и Индійскіе кинжалы съ золотыми ручками, множество золотыхъ кубковъ, збруи и прочаго изъ нихъ многіе представляютъ археологическую рѣдкость, такъ какъ они вырыты въ курганахъ или могилахъ прежнихъ князей и другихъ знаменитыхъ татаръ въ Сибири, особливо чингисъ-ханова колѣна и золотой орды.

Здѣсь также хринится золотая табакерка съ портретомъ знаменитой красавицы графини Козель, которую Императоръ получилъ отъ польскаго короля Августа.

Тамъ же хранится камень овальной формы длиною отъ 4 до 5 дюймовъ а шириною дюйма въ два, желтоватаго цвѣта съ бурыми полосками, на которомъ написано:

«Apuila dorealis tendet aulas fuas fupra Bosphorum et mare Balticum, что значитъ:»

«Сѣверный орелъ распростретъ свои крылья на Босфоръ и Балтійское море.

Этотъ камень имѣетъ значеніе послѣдующему произшествію:

Когда Петръ I взялъ Азовъ въ 1699 году, то въ бытность его тамъ, ему поднесли этотъ камень, какъ найденный при обработкѣ поля. Была ли то лесть въ формѣ пророчества оказанная Императору или дѣйствительно по странному необъяснимому обстоятельству попался онъ какъ случайность, только Петръ I, взглянувъ на поднесенный камень, сказалъ улыбаясь:

«Камень хорошъ, желаніе доброе, а надпись— ложная.» Въ самомъ дѣлѣ при разсматриваніи этого легко замѣтить, что вся поверхность даже до буквъ, которые надо думать были прикрыты воскомъ или смолою, нѣсколько была съѣдена въ глубину такъ, что одна надпись была выпуклою.

Серебреная стопа — подарокъ Государю отъ Адмиралтействъ—коллегіи за спускъ по его плану выстроеннаго корабля, такъ какъ этотъ обычай существовалъ и послѣ Петра, и обыкновенно каждый корабельный мастеръ, при спускѣ его корабля со штапеля на воду получалъ отъ верфи стопу съ столькимъ числомъ рублей, сколько въ немъ пушекъ.

Другая серебреная стопа подарокъ Императри-

цы за спускъ другаго корабля построеннаго по плану Петра, гдѣ вмѣсто рублей, онъ получилъ 65 французскихъ медалей съ изображеніемъ ихъ королей исполненныхъ Д'Асьеромъ.

Драгоцѣнная кружка изъ золота покрытая голубою финифтью и обдѣланная каменьями и выпуклыми фигурами. Эта кружка—подарокъ Датскаго короля Императрицѣ Екатеринѣ сдѣланный за обѣдомъ.

Замѣчателенъ также письменный столъ или такъ называемый кабинетъ Государя орѣховаго дерева, который по особенной своей вышинѣ, свидѣтельствуетъ о ростѣ Государя, потому, что край на которой кладутъ руки на $5^1/_2$ футовъ отъ полу.

Здѣсь хранится ключь пограничнаго персидскаго города Дерпта; онъ серебряный и завернутый въ персидскую травчатую матерію и лежитъ на лакированномъ подносѣ. Въ такомъ видѣ ключь былъ поднесенъ Императору, когда онъ былъ при осадѣ крѣпости въ 1722 году.

А вотъ двѣ толстыя портфели въ александрійскій листъ, въ которомъ находится до 200 рисунковъ на пергаменѣ, изображающіе: плоды, ра-

ковины, цвѣты и бабочекъ съ натуры. Рисунки исполнены Мадамъ Маріаннъ.

Императоръ купилъ эти рисунки очень дорогою цѣною у наслѣдниковъ ея, а потомъ выписалъ ея замужнюю дочь Мадамъ-Ксель въ мѣстѣ съ мужемъ, хорошимъ швейцарскимъ живописцемъ. Дочь Маріанъ также наслѣдовала талантъ матери и оба съ мужемъ состояли послѣ смерти Государя при академіи наукъ на хорошемъ жалованьи.

Въ географическомъ департаментѣ при академіи находятся собственноручный чертежъ Петра Великаго, по которому онъ приказалъ устроить кронштадскую гавань и обвесть ее земляными укрѣпленіями. Тамъ же хранится карта петербургскихъ окрестностей до заложенія С.-Петербурга. Вотъ какъ говоритъ каждый.

Взглянувъ на пустынный видъ дикой, лѣсистой и болотистой мѣстности, каждый невольно задастъ себѣ мысль, какъ твердая воля и какъ великъ геній великаго Государя, чтобы въ такое короткое время воздвигнуть великій городъ. Мѣстность прежде всего представляла небольшое селенье на лѣвомъ берегу Невы, гдѣ теперь находится Ботаническій садъ, принадлежащее небогатому Швед-

скому дворянину. Напротивъ этого мѣста на правой сторонѣ Невы стояла рыбачья хижина, изъ кото-той Петръ Первый въ 1703 году въ нѣсколько дней срубилъ маленькій деревянный домикъ, состоящій изъ двухъ покоевъ съ сѣнями и кухней, что вмѣстѣ занимаетъ 9 сажень длины и 3 ширины, и тутъ жилъ.

Этотъ домикъ по повеленію Императрицы Екатерины I находится и по сіе время, огражденный какъ бы чехломъ свѣтлымъ крытымъ корридоромъ и второю кровлей положенною на каменныхъ столбахъ.

При рѣчкѣ Охтѣ на Выборской сторонѣ, (раіонъ Охтинскаго участка) стояла прекрасная мыза, въ которой жилъ тогда шведскій губернаторъ Карелль.

«Новыя воспоминанія.»

Еще въ 1722 году Государь Петръ разослалъ по всѣмъ монастырямъ указъ, напримѣръ: въ Новгородъ, Кіевъ и въ другіе съ повелѣніемъ, чтобы находящіяся тамъ лѣтописи собрать и доставить въ Московскій синодъ; въ слѣдствіе

этого повеленія составлено было хорошее собраніе рукописей, прекрасныхъ матеріаловъ для составленія Русской Исторіи, которые по смерти Императора обогатили Императорской академій наукъ, библіотеку, а также сvнодальную библіотеку въ Москвѣ, мысль Петра составить Исторію въ настоящее время осуществилась.

Государь будучи въ 1698 году въ Голландіи занимался изученіемъ: кораблестроенія, мореходства, торговли и промысловъ, но въ 1717 и 18 годахъ, посвятилъ себя изученію наукъ и художествъ. Такъ въ бытность свою во Франціи, онъ посѣщалъ кабинеты, кунсткамеры, и другія помѣщенія рѣдкостей, обозрѣвалъ мастерскія извѣстныхъ художниковъ и особенно его интересовали два кабинета, это—анатомическій и заологическій.

Государь, купивъ ихъ въ Амстердамѣ за дорогую цѣну переправилъ въ С.-Петербургъ. Первый или анатомическій кабинетъ былъ составленъ профессоромъ Рюймъ, который трудился надъ нимъ 40 лѣтъ. Описаніе этого кабинета съ рисунками напечатано въ Голландіи подъ заглавіемъ: Thefarus anatomicus etc.

Зоологическій кабинетъ Монархъ пріобрѣлъ у

аптекаря Зебъ. Огромное собраніе рѣдкихъ зверей землеводныхъ и морскихъ, змѣй, птицъ, рыбъ, пресмыкающихся, также насѣкомыхъ всѣхъ странъ свѣта наполняло его кабинетъ. Описаніе было помѣщено въ двухъ томахъ, съ прекрасными рисунками.

Всѣ эти предметы поднесь открыты для публики во всякое время.

Покушеніе на жизнь Петра великаго.

(*Выдержка, изъ романа*).

— Здравствуйте, каммергеръ! Вы, кажется, что-то веселы; подѣлитесь радостію.

— Поздравьте меня съ сыномъ, которымъ подарила меня жена моя. Говорятъ, будто онъ очень похожъ на своего батюшку, — говорилъ пришедшій.

— Поздравляю отъ души васъ, и тѣмъ болѣе радуюсь, что предположенія наши скоро могутъ исполниться: припомните наше прошедшее совѣщаніе. Крестины кончатъ начатое! — говорилъ Репневъ.

— Да, завтра же поѣду къ государю, объявлю ему радость и стану просить въ крестные

отцы. Я надѣюсь, онъ, изъ расположенія ко мнѣ или къ женѣ моей, осчастливитъ сына моего.

— Да, поэтому можно надѣяться, — сказалъ Репневъ.

— Между тѣмъ, я успѣлъ сообщить нѣкоторымъ боярамъ нашъ замыселъ, и всѣ согласились содѣйствовать намъ. Вотъ списокъ именъ ихъ, прочтите и вѣрно похвалите мою дѣятельность,—сказалъ пришедшій.

— Когда же вы думаете крестить новорожденнаго? спросилъ Репневъ.

— Черезъ недѣлю, въ четвергъ, въ легкій день, какъ замѣчаютъ старожилы,—сказалъ пришедшій.

— Вы все шутите, другъ мой, сказалъ Репневъ.

— Однако я спѣшу теперь, у меня хлопотъ бездна; пока простите!—сказалъ Волынскій.

— Дай Богъ счастливаго успѣха! сказалъ Репневъ.

Въ это время тишина ночи нарушилась: часы на Спасской башнѣ протяжно пробили три часа.

Тогда представился передъ государемъ Волынскій. Изъ его лица можно было замѣтить, что

онъ былъ обрадованъ. Петръ I тотчасъ спросилъ его о причинѣ.

— Чѣмъ ты обрадованъ, Димитрій Васильевичъ?

— Ваше величество! жена моя подарила меня сыномъ, котораго я назвалъ любезнымъ для меня именемъ—Петромъ, — отвѣчалъ Волынскій, кланяясь.

— Не въ честь ли меня далъ ты?—спросилъ царь, улыбаясь.

— Какъ? ваше величество скоро изволили узнать!

— Мало ли еще я знаю!—сказалъ значительно государь.

— Что же такое, ваше величество?—сказалъ Волынскій, какъ бы испугавшись.

— Вчерашнюю ночь хотѣли поджечь домъ Матвѣева раскольники, убить его со всѣмъ семействомъ, да помѣшали ночные сторожа.

— Эти раскольники, ваше величество, очень усиливаются. Разстриженный попъ Никита старается возмутить ихъ и въ особенности стрѣльцовъ. Этимъ дѣломъ, государь, должно заняться. Можетъ быть, онъ и усилится. — говорилъ Волынскій значительнымъ голосомъ.

— Для этого возьмутся мѣры. Пустосвята Никиту я велю поймать и отправить на Соловецкій островъ.

— Между тѣмъ, государь, осмѣлюсь васъ просить....

— О чемъ, братецъ? Да! понимию; ты хочешь просить въ куновья. Изволь, буду.

— Сколько вы милостивы, ваше величество! Я думалъ, а вы исполнили мои желанія. Когда же назначите день? Рожаницѣ хотѣлось бы на будущей недѣлѣ, въ четвергъ; а впрочемъ какъ угодно вашему величеству.

— Для меня братецъ все равно.

— Извѣтно ли вашему величеству, что случилось съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ? Онъ было сгорѣлъ. Отъ свѣчи, оставленной на столѣ, загорѣлся кабинетъ у него. Былъ тайно заключенъ въ тюрьму одинъ негодяй, который хотѣлъ поджечь дворецъ вашъ и онъ сгорѣлъ. Князь перепугался; но жена его потеряла, кажется, разсудокъ. Очень жаль! но женщина добрая и умная,—говорилъ Волынскій.

— Эта новость непріятна. Пожаръ потушили скоро? спросилъ царь.

— Когда сгорѣлъ кабинетъ.

— Жаль. Димитрій Васильевичъ! Я долженъ тебя отправить.

— Готовъ, куда угодно!

— Ты поѣдешь нынче же къ жителямъ Георгіевска, и узнаешь, что тамъ произошло за возмущеніе? Говорятъ, разстрига Никита ихъ возбудилъ къ безпорядкамъ. Возьми съ собою сотни двѣ стрѣльцовъ. Можетъ быть, потребуется дѣйствовать вооруженно.

— Слушаю, государь.—Я теперь пойду увѣдомить князя.

— Я только-что хотѣлъ приказать. Пройдетъ можетъ быть дня черезъ три увидимся.

Волынскій вышелъ.

Петръ I прошелся по комнатѣ, потомъ, отворивъ окно, посмотрѣлъ нѣсколько времени на Москву рѣку, на которую стрѣльцы, жившіе за москворѣчьемъ, выводили поить коней, потомъ возвратился въ кабинетъ и позвонилъ въ колокольчикъ.

Пришелъ камеръ-лакей.

Государь приказалъ позвать Лефорта.

Слуга вышелъ, а онъ сѣлъ въ любимыя кресла и погрузился въ задумчивость.

Такъ прошло нѣсколько времени, и Петръ I

очнулся, поднялъ глаза и увидалъ своего любимца Лефорта.

— Здравствуй, Францъ!—сказалъ онъ, подавая ему руку.

— Я помѣшалъ вашему успокоенію, государъ?—сказалъ Лефортъ.

— Какое успокоеніе, мой другъ! Я каждую минуту ожидаю смерти. Но Богъ спасаетъ меня видимо. Нынѣшнюю ночь въ кружалѣ, что на Бальчугѣ, я подслушалъ разсказы о намѣреніи раскольниковъ, поджечь дворецъ мой, о возмущеніи въ Георгіевскѣ. У Спасскихъ воротъ встрѣтилъ крестьянина, который также хочетъ что-то объявить мнѣ. Ты его видѣлъ?

— И говорилъ. Я думаю, государь, что тайна, которую онъ хочетъ открыть вашему величеству, весьма важна. Онъ мнѣ показывалъ и свертки бумагъ, которые доставитъ вамъ!—говорилъ Лефортъ.

— Лицо его мнѣ знакомо: я видалъ его въ селѣ Пушкинѣ. Помнишь ли, какъ мы останавливались пить молоко?

— Онъ, государь, оттуда. По рѣчамъ его и по расположенію лица можно заключить, что онъ добрый молодецъ.

— Это можно судить и потому, что староста Игнатій Демьяновъ называлъ его своимъ другомъ, а ты знаешь, что Демьяновъ не любитъ негодяя. Поди-ка, приведи его, Францъ Яковлевичъ.

Лефоргъ вышелъ.

Петръ I опять началъ ходить вдоль кабинета, до прихода Лефорта и Ивана.

Иванъ низко поклонился.

— Здравствуй, братъ! Ты хотѣлъ давича видѣть меня и разсказать что-то важное?

— Важную тайну и ужасную вѣсть принесъ тебѣ, государь милосердый! Выслушай меня милостиво!—говорилъ Иванъ, и опять поклонился въ ноги.

— Говори, другъ мой, и не бойся: мы вѣдь съ тобою знакомы.

Иванъ подробно разсказалъ, какъ раскольникъ Никита приходилъ въ село Пушкино подговаривать крестьянъ къ возмущенію, какъ его взяли въ Москву, представили князю Ивану Андреевичу, какъ онъ его допрашивалъ и посадилъ въ аменный мѣшокъ, какъ нечаянно подслушивалъ ктайныя совѣщанія и напослѣдокъ какъ похитил бумаги, поджегъ остальныя и бѣжалъ изъ дому.

Такъ кончилъ Иванъ разсказъ свой, и подалъ бумаги государю.

Петръ I читалъ ихъ долго со вниманіемъ, и по окончаніи сказалъ:

— Бумаги важны: это списки именъ заговорщиковъ, подписанные рукою сестры и княземъ. Вѣроятно, онъ думаетъ быть великимъ, важнымъ человѣкомъ въ царствованіе Софіи. О, неблагодарность! О, честолюбіе! вы погубите тысячи людей! Вотъ, Францъ Яковлевичъ, документы неблагодарности моихъ подданныхъ! Между многими именами бояръ я встрѣтилъ и любимцевъ князя Ивана Андреевича—Пушкина, Циклера. Я удивляюсь, чего ищетъ Циклеръ въ милости сестры моей? она ненавидитъ иностранцевъ. О, люди, люди! какъ мелки ваши замыслы, какъ ничтожны предпріятія! Вы думаете о жизни временной и забываете о вѣчности! Боже милосердый! благодарю Тебя за явную милость Твою: Ты хранишь меня Своею мощною десницею!

Петръ, тронутый неблагодарностію людей и проникнутый набожнымъ чувствомъ, поднялъ глаза къ образамъ и потомъ обтеръ съ нихъ слезы.

— Государь! не приходилъ ли еще кто звать

тебя крестить новорожденнаго младенца?—спросилъ Иванъ.

— Былъ. Часъ отъ часу становится любопытнѣе разсказъ твой!—сказалъ Петръ I.

— Не ходи крестить: тамъ тебя погубятъ. На будущей недѣлѣ въ четвергъ назначено крестить младенца,—говорилъ Иванъ.

— Точно такъ! Ты принесъ мнѣ самыя ужасныя и вѣрнѣйшія извѣстія; и я тебя награжу за твою заслугу!—сказалъ Петръ I.

Иванъ кинулся въ ноги и облобызалъ стопы государя.

— Встань, другъ мой, встань, вѣрный слуга, и проси! Въ чемъ ты имѣешь нужду, все тебѣ дано будетъ!—говорилъ государь.

— Милостивый царь! я, по благости Божіей, ни въ чемъ не имѣю нужды и жилъ до этихъ поръ счастливо; одна только просьба...

— Проси, требуй, все исполню!

— Отпусти меня въ село: тамъ ждетъ меня невѣста, ждутъ родные, друзья; я думаю, они теперь тоскуютъ и плачутъ! А Маша-то, Маша-то!

У Ивана на глазахъ блеснули слезы.

— Вижу, братъ, что ты любишь свою суже-

ную, и съ радостію отпустилъ бы тебя, но нельзя этого сдѣлать: злодѣи твои тебя погубятъ. Но не огорчайся! Я пошлю увѣдомить родныхъ и невѣсту, что ты живъ.

Иванъ палъ на колѣни.

Въ это время передъ окнами раздался конскій топотъ. Царь и Лефортъ подошли къ одному изъ нихъ и увидѣли крестьянина, который на измученной лошади ѣздилъ подлѣ краснаго крыльца.

Петръ I позвонилъ въ колокольчикъ и приказалъ вошедшему лакею спросить, что надобно крестьянину, и если онъ имѣетъ нужду до него, то чтобы привелъ его.

Лакей вышелъ.

Царь приказалъ Ивану выдти въ другую комнату и побыть въ ней нѣсколько времени.

Иванъ ушолъ въ боковую дверь.

Въ тоже время пришли лакей и крестьянинъ; первый тотчасъ ушолъ.

— Что тебѣ, другъ мой, надобно?—спросилъ Петръ.

— Православный государь, батюшка! выслушай меня ласково и не погнѣвайся, что я безпокою тебя!

Тутъ пришедшій крестьянинъ поклонился въ ноги, и отъ этого движенія выпала русая коса, запрятанная подъ ярмякъ.

— Что за превращеніе?—сказалъ царь, улыбаясь. Говори, голубушка, не бойся.

Этотъ крестьянинъ былъ переодѣтая Марія.

Она начала разказывать:

— На прошедшихъ дняхъ приходилъ къ намъ раскольничій попъ Никита, проповѣдывалъ намъ о скоромъ пришествіи Спасителя, и притѣсненіи истинныхъ христіанъ, о незаконности твоего царствованія и напослѣдокъ о томъ, что тогда будетъ благоденствовать народъ русскій, когда на престолѣ будетъ царевна Софія. Мой прадѣдушка, староста Игнатій Демьяновичъ, прогналъ его и обѣщался отправить въ Москву; раскольникъ ушолъ, а прадѣдушку моего въ ночь увезли въ Москву къ князю Ивану Андреевичу, и вѣрно его уже теперь судятъ, или посадили въ тюрьму.—Государь! яви милость—прикажи отыскать его и возвратить намъ. Да еще, государь, на прошлой недѣлѣ увезли у насъ одного крестьянина, которому уже отрубили голову.

Марія перестала говорить и заплакала.

— Не женихъ ли онъ твой?—спросилъ Петръ I, улыбаясь.

Марія посмотрѣла съ удивленіемъ на царя.

Онъ, не дожидаясь отвѣта, позвалъ Ивана и сказалъ:

— Не онъ ли женихъ твой?

Марія забыла, что находится передъ царемъ, кинулась на шею своему Ванюшѣ и заплакала отъ радости.

Вотъ вопросы, на кои бы можно отвѣчать пространнымъ отвѣтомъ, если бы я писалъ исторію; но для повѣствователя довольно и краткаго.

Петръ Великій, при самомъ вступленіи на престолъ, началъ дѣйствовать сообразно съ геніемъ своимъ, быстро, съ отважностію устремился къ преобразованію и просвѣщенію Россіи, къ нововведенію, подражая во многомъ образованнѣйшимъ европейскимъ государямъ; а такъ какъ всякая новизна влечетъ за собою сужденія и толки, то дѣянія мудраго законодателя бывали осуждаемы или не понимавшими его благотворительной цѣли, или его недоброжелателями.

Петръ I ограничилъ жестокость бояръ; заставлялъ дѣтей ихъ и вообще всѣхъ сословій учить-

ся грамотѣ, что почиталось *волшебствомъ и чародѣйствомъ*.

Вотъ, по моему мнѣнію, краткое изложеніе тѣхъ причинъ, которыя были поводомъ къ возмущеніямъ, къ безпорядкамъ и преступнымъ замысламъ противъ мудраго и великодушнаго монарха.

Умная и честолюбивая царевна Софія, желая царствовать, забыла родство, братскую любовь, воспользовалась этими причинами, приняла ихъ за вѣрнѣйшія средства свергнуть брата и утвердиться на престолѣ русскомъ.

Она тайно объявила себя покровительницею раскольниковъ, которые тогда начали усиливаться и настоятельно требовали себѣ свободнаго богослуженія; но получили рѣшительный отказъ.

— *Пока вѣнецъ на сей главѣ моей, а душа въ тѣлѣ пребудетъ, не попущу на церковь святую воевати и правую вѣру неправою нарицати. Какъ я самъ оную держу, матерію именую и вѣрую, что она есть правая и истинная, такъ и всѣмъ повелѣваю.*

Вотъ изрѣченіе мудраго Петра раскольникамъ, которые, подъ начальствомъ Никиты, съ неис-

товствомъ приступили къ нему, требуя себѣ своего архіерея и построенія церквей.

Повторяю, Софія воспользовалась этимъ смутнымъ обстоятельствомъ и объявила раскольникамъ свое покровительство, надѣясь съ помощію ихъ дѣйствовать вооруженно противъ своего брата, если не удастся тайная хитрость.

Стрѣлецкіе полки были почти всѣ на сторонѣ царевны, и главный начальникъ, бояринъ Репневъ, какъ вамъ уже извѣстно, былъ самымъ ревностнымъ ея слугою.

— Она обѣщала сдѣлать его своимъ соправителемъ и возвести въ достоинство перваго сановника въ государствѣ.

Другимъ боярамъ сулила она также блистательныя награды и чины, и обѣщала всѣмъ тѣмъ, кто станетъ ее защищать, при вступленіи на престолъ, приблизить къ себѣ.

Для рѣшительнаго совѣщанія собрались злоумышленники въ тайную комнату.

Совѣщаніе началось съ прибытіемъ царевны.

Она сѣла на особенно-устроенное мѣсто, которое представляло видъ трона.

Репневъ сѣлъ по правую ея сторону, раскольникъ Никита по лѣвую. Тамъ слѣдовали Цик-

лер, Волынскій, стрѣлецкіе полковники и другія лица, которыхъ число простиралось болѣе пятидесяти.

Царевна открыла собраніе рѣчью, въ которой убѣдительно доказывала права свои на престолъ русскій, несправедливое притѣсненіе брата, стараніе его заключить ее въ монастырь; и напослѣдокъ подала мысль, что Петръ I, по расположенію къ иностранцамъ, хочетъ перемѣнить вѣроисповѣданіе.

Она употребила весь умъ, все краснорѣчіе, всю утонченную хитрость, чтобы тронуть слушателей и вооружить противъ брата.

Рѣчь ея лилась рѣкою. Казалось, слушатели видѣли передъ собою божественный образъ, который возвѣщалъ имъ глаголъ святой истины. Рѣшительно, они были очарованы ея словами.

Когда она перестала говорить и блестящими глазами осмотрѣла быстро все собраніе, тогда соумышленники единогласно воскликнули:

— Да здравствуетъ царевна Софія Алексѣевна и да расточатся враги ея!

— О, если-бы исполнились предположенія наши, съ какою торжественностію вступила бы я въ священную обязанность быть царицею—мате-

рію народа русскаго! Благодѣянія мои простерлись бы во всѣ концы пространнаго любезнаго отечества: жители отдаленной Сибири благословили бы судьбу свою! А вы, сотрудники мои, вы, ревностные исполнители моихъ желаній, познали бы, какъ можетъ благодарность награждать своихъ благодѣтелей! — Что я теперь? простая Россіянка, лишенная всѣхъ правъ моихъ ненавистнымъ братомъ.

— Умереть готовы за тебя, царевна только исполнить бы желаніе твое всѣхъ тѣхъ, кто приверженъ къ тебѣ! Тогда лишь мы можемъ успокоиться, когда не станетъ Петра и взойдетъ на тронъ царевна Софія Алексѣевна, — сказалъ Репневъ.

— Истинно такъ! Радость велія объемлетъ сердца наши, когда исполнится это. Тогда благословится земля россійская и возрадуются всѣ истинные сыны, сказалъ раскольникъ Никита.

Такимъ образомъ продолжались разговоры нѣсколько часовъ до разсвѣта. Иногда они прерывались патріотическими выходками соумышленниковъ, или смѣхомъ, или вздохомъ царевны, который заставлялъ трепетать всѣхъ.

Лице ея мѣнялось.

То блѣдность мертвеца, то прелесть красавицы покрывали его. Обворожительные глаза то блистали радостію, то наполнялись слезами.

Передъ разсвѣтомъ совѣщаніе кончилось. Царевна первая уѣхала; потомъ начали разъѣзжаться и прочіе члены.

Вѣсть.

На другой день, послѣ описанныхъ мною происшествій, царь Петръ Алексѣевичъ въ обѣденную пору сидѣлъ съ любимцемъ своимъ Лефортомъ, графомъ Шереметьевымъ и генераломъ Меньщиковымъ.

Государь держалъ бумагу и внимательно смотрѣлъ на нее.

Собесѣдники хранили молчаніе. Примѣтно было, что лица ихъ отуманены печалью.

Графъ Шереметьевъ, красивый мужчина, среднихъ лѣтъ; въ раздумьи гладилъ свои длинные усы и посматривалъ значительно на саблю или палашъ, который лежалъ у него на колѣняхъ.

Меньщиковъ чертилъ что-то пальцемъ по большой серебряной табакеркѣ и, казалось, придумывалъ что-то сказать.

Лефортъ сидѣлъ, склонивши голову и, казалось, разсматривалъ золотой перстень съ портретомъ прелестной женщины. Въ такомъ положеніи были присутствовавшіе; когда вошелъ въ кабинетъ мужчина, лѣтъ пятидесяти, важной наружности, въ темнофіолетовомъ бархатномъ камзолѣ, шитомъ золотомъ.

Царь и собесѣдники привѣтствовали его ласково.

Вошедшій низко поклонился государю и вѣжливо раскланился съ Лефортомъ, Меньщиковымъ и Шереметьевымъ.

Примѣтно было по всѣмъ его пріемамъ, по сановитости, что онъ былъ отлично образованъ и возвеличенъ царемъ.

Привлекательная наружность и пріятный голосъ еще болѣе придавали ему важности.

— Здравствуй, князь Яковъ Ѳедоровичъ! — сказалъ государь.

— Здравствуйте, князь! — привѣтствовалъ его Лефортъ.

— Что принесъ мнѣ новаго, мой вѣрный другъ?—спросилъ государь.

— Сперва надобно собраться съ духомъ, чтобы передать все то, что находится у меня въ мысляхъ. Нынче ночью было совѣщаніе у царевны! — сказалъ князь Долгорукій, садясь на большое кресло, и потомъ продолжалъ:

— Камергеръ Волынскій обоявилъ царевнѣ, что ты, государь, обѣщался окрестить новорожденнаго его сына, и она торжественно сказала: скоро, скоро наступитъ развязка; и я буду на престолѣ русскомъ! Признаться, я едва было не снялъ съ себя притворство и не объявилъ себя врагомъ царевны. Тогда князь Иванъ Андреевичъ, Циклеръ, Прокопій Лясинскій и сотникъ Сильвестровъ начали высказывать свое желаніе къ окончанію ея предпріятій въ живѣйшихъ выраженіяхъ. Лясинскій обѣщался достать яду для примѣси въ вино, которое тебѣ, государь, подадутъ по окончаніи крестинъ; Циклеръ взялся напоить тѣ сотни стрѣльцовъ, которыя останутся тебѣ вѣрными; рѣшительно можно сказать, что крамольники положились навѣрное умертвить тебя, погубить всѣхъ твоихъ друзей: Франца Яковлевича, Бориса Петровича, Александра

Даниловича Голицына, Василья Васильевича, Нарышкиныхъ и всѣхъ тѣхъ, кто только покажется имъ подозрительнымъ. Вотъ ихъ предположеніе: царевна будетъ правительницей, Репневъ регентомъ, первенствующимъ членомъ верховнаго совѣта, Волынскій и Циклеръ его товарищами, Сильвестровъ, Лясинскій и многіе другіе наградятся по заслугамъ. Я назначенъ въ генералъ-фельдмаршалы всѣхъ войскъ. Священники, рукоположенные патріархомъ Никономъ, будутъ всѣ оставлены и сошлются на покаяніе въ стародубскіе монастыри. Книги, исправленныя новыми переводами, сожгутся и введутся писанныя книжниками, законниками скитскими. Иностранцы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ отъ объявленія, должны будутъ оставить Москву. Юноши, отосланные воспитываться въ иностранныя государства, тамъ и останутся, какъ зараженные законопротивнымъ умствованіемъ. Всѣ твои предпріятія, потѣшную роту, потѣшный дворецъ *), коломенскій дворецъ и Синодальную типографію положено уничтожить. Рѣшительно, царевна хочетъ распространить невѣжество! Я

*) Лефортовской дворецъ.

слушалъ все внимательно, и сердце мое обливалось кровью! Едва я могъ вытерпѣть и не заплакать, вообразивъ, что готовится крамольниками любезному отечеству!

При послѣднихъ словахъ у князя Долгорукаго появились слезы; голосъ его дрожалъ; примѣтно было, что онъ сильно былъ растроганъ.

На юномъ лицѣ монарха появилась презрительная улыбка. Глаза его горѣли ужасно подъ нависшими черными рѣсницами. Могучая рука, въ которой находилась бумага, упала на рукоять палаша.

— Часъ отъ часу завязка становится занимательнѣе и ужаснѣе. Хорошо, если бы потомство знало эту интересную повѣсть, которая окончится еще любопытнѣе. Но я надѣюсь, что преданіе сохранитъ ее и передастъ нашимъ потомкамъ. Имя Софіи будетъ извѣстно имъ, какъ преступницы честолюбивой, но это же несчастное имя будетъ напоминать и горькую участь тѣхъ, кто въ желаніяхъ своихъ не знаетъ предѣловъ, кто предается необузданнымъ страстямъ, кто уподобляется падшимъ ангеламъ! Повѣрьте, друзья мои, что царь Петръ умѣетъ быть милосердымъ и строгимъ. «Горе тому, кого око

мое встрѣтитъ гнѣвно!...» На лицѣ государя примѣтно было сильное волненіе!

Присутствовавшіе рѣдко видали своего государя въ такомъ положеніи.

Чело царя постепенно принимало видъ покойный, глаза наполнились слазами, и потомъ онъ сказалъ, какъ бы припоминая давно забытый сонъ:

— Она меня любила!. . Бывало, никто не можетъ утѣшить меня,—она скажетъ слово, и я успокоюсь. Бывало, брошусь на ея колѣна, она приметъ меня къ сердцу и тогда забывались слезы...

— Она меня любила! Какъ часто я любовался ея прелестными волосами, которые, развиваясь по плечамъ, забавляли меня своими переливами. Она дѣлила со мною время радости, печали, гостинцы; да, она меня любила! Какъ тогда я былъ счастливъ! какъ она тогда была невинна! Сестра, сестра! теперь ты ненавидишь своего любимаго брата, желаешь его смерти, гибели! Какъ сильна страсть, когда она овладѣетъ бѣднымъ сердцемъ человѣка!

Царь умолкнулъ. Слезы покатились по лицу его.

Присутствовавшіе были растроганы....

Въ эту торжественную минуту вошолъ дежур-

ный сержантъ и сказалъ, что царевна желаетъ говорить съ государемъ.

— Проси ее. Меньщиковъ, встрѣть царевну!— сказалъ царь.

Сержантъ и Меньщиковъ вышли.

Царевна вошла въ кабинетъ.

Примѣтно было, что она была сильно разстроена: лицо было блѣдно, глаза увлажены слезами, грудь ея волновалась. Поклонившись брату и всѣмъ находившимся, она сказала слабымъ голосомъ.

— Государь! выслушай исповѣдь души моей и суди потомъ меня!

— Намъ должно быть однимъ? — спросилъ Петръ Алексѣевичъ.

Царевна не отвѣчала.

Присутствовавшіе вышли.

— Государь! я виновна передъ тобою: я преступница. Честолюбіе одолѣло моими силами и поглотило все мое существованіе. Все мое воображеніе, всѣ мои способности заняты преступнымъ намѣреніемъ: погубить тебя! Такъ, государь, я мечтала быть царицей русской. Я видѣла себя на тронѣ въ порфирѣ и коронѣ: я слышала, какъ толпа, окружавшая подножіе моего

трона, величала священнымъ именемъ царицы! Я видѣла все это не во снѣ, но на яву, въ сладостномъ самозабвеніи, и честолюбіе заглушило родственную любовь: я рѣшилась овладѣть трономъ, чтобы съ его возвышенія взирать гордымъ взоромъ на полміра; возложить вѣнецъ и порфиру, что рабы мои видѣли во мнѣ образъ божества и падали во прахъ предъ моимъ появленіемъ; принять скипетръ, чтобы рѣшать однимъ мановеніемъ судьбы людей моихъ рабовъ.

О! государь, съ какимъ восторгомъ я предавалась этимъ восхитительнымъ мечтамъ! Какія дивныя картины представлялись въ моемъ разстроенномъ воображеніи! Я утопла въ этихъ мечтахъ! я видѣла передъ собою царскій вѣнецъ, порфиру, державу, скипетръ и мысленно утѣшалась ими, какъ ребенокъ любимою игрушкою!

Всѣ средства, чтобы только достигнуть своей цѣли, казались мнѣ позволенными! Я забыла даже въ своемъ безуміи, чтобъ быть царицею, должно сперва погубить законнаго государя — брата! Я не думала даже и о томъ, что буду когда нибудь отвѣчать за то передъ Царемъ царей, передъ Судьею судей земныхъ!... Но этотъ сладостный, очаровательный сонъ меня покинулъ,

ный сержантъ и сказалъ, что царевна желаетъ говорить съ государемъ.

— Проси ее. Меньщиковъ, встрѣть царевну!— сказалъ царь.

Сержантъ и Меньщиковъ вышли.

Царевна вошла въ кабинетъ.

Примѣтно было, что она была сильно разстроена: лицо было блѣдно, глаза увлажены слезами, грудь ея волновалась. Поклонившись брату и всѣмъ находившимся, она сказала слабымъ голосомъ.

— Государь! выслушай исповѣдь души моей и суди потомъ меня!

— Намъ должно быть однимъ? — спросилъ Петръ Алексѣевичъ.

Царевна не отвѣчала.

Присутствовавшіе вышли.

— Государь! я виновна передъ тобою: я преступница. Честолюбіе одолѣло моими силами и поглотило все мое существованіе. Все мое воображеніе, всѣ мои способности заняты преступнымъ намѣреніемъ: погубить тебя! Такъ, государь, я мечтала быть царицей русской. Я видѣла себя на тронѣ въ порфирѣ и коронѣ: я слышала, какъ толпа, окружавшая подножіе моего

трона, величала священнымъ именемъ царицы! Я видѣла все это не во снѣ, но на яву, въ сладостномъ самозабвеніи, и честолюбіе заглушило родственную любовь: я рѣшилась овладѣть трономъ, чтобы съ его возвышенія взирать гордымъ взоромъ на полміра; возложить вѣнецъ и порфиру, что рабы мои видѣли во мнѣ образъ божества и падали во прахъ предъ моимъ появленіемъ; принять скипетръ, чтобы рѣшать однимъ мановеніемъ судьбы людей моихъ рабовъ.

О! государь, съ какимъ восторгомъ я предавалась этимъ восхитительнымъ мечтамъ! Какія дивныя картины представлялись въ моемъ разстроенномъ воображеніи! Я утопла въ этихъ мечтахъ! я видѣла передъ собою царскій вѣнецъ, порфиру, державу, скипетръ и мысленно утѣшалась ими, какъ ребенокъ любимою игрушкою!

Всѣ средства, чтобы только достигнуть своей цѣли, казались мнѣ позволенными! Я забыла даже въ своемъ безуміи, чтобъ быть царицею, должно сперва погубить законнаго государя — брата! Я не думала даже и о томъ, что буду когда нибудь отвѣчать за то передъ Царемъ царей, передъ Судьею судей земныхъ!... Но этотъ сладостный, очаровательный сонъ меня покинулъ,

истина озарила очи мои; я увидѣла свое положеніе, постигнула свои замыслы и ужаснулась!

Да, государь, ужаснулась, но такъ, что отъ этого едва не лишилась ума; нынѣшняя ночь казалась для меня годомъ. Съ нетерпѣніемъ дожидалась я появленія денницы, чтобы поспѣшить къ тебѣ и открыться! Государь! государь! ужасно состояніе преступницы; ужасно мое! Ты царь мой, ты братъ мой, ты судія, и прошу и молю тебя; суди меня, какъ государственную преступницу! я все перенесу съ терпѣніемъ, и, если накажешь меня смертію, то я и тому буду рада: она примиритъ меня съ совѣстію.

Царевна пала на колѣни и обняла трепещущими руками ноги брата.

Онъ молчалъ. Странно было состояніе души его. Лицо его не мѣнялось, но глаза, эти свѣтильники души, блестѣли необыкновенно: они только выражали волненіе его и странное расположеніе. Онъ сказалъ трогательно:

— Софья! ты больше не преступница! Твое раскаяніе, слезы твои примирили насъ! Встань, любезная сестра, и обними брата, который тебя любитъ.

Софья кинулась на шею брата и облобызала

его. Царь прижалъ ее къ своей могучей груди и напечатлѣлъ поцѣлуй примиренія.

Слезы лились у обоихъ.

Они ничего не говорили; но краснорѣчіе было во взорахъ, въ движеніяхъ.

Отерши слезы, царевна, какъ бы отъ изнеможенія, упала на кресла и сказала трогательно:

— Государь и братъ! теперь исполни мою просьбу; хочу я....

— Все исполню я....

— Хочу оставить міръ суетный и удалиться въ монастырь, чтобы тамъ, въ стѣнахъ келліи, плакивать заблужденія свои, примириться съ совѣстью. Я хочу замѣнить царскую порфиру монашеской мантіей, царскіе чертоги — тѣсною, мрачною келліею; хочу, чтобы весь міръ былъ заключенъ въ одной комнатѣ. Я чувствую, что состояніе мое заставляетъ меня оставить прежнюю жизнь, отречься отъ міра, отъ мысли царствовать!

— Я не могу оставить твое благое намѣреніе. Мы всѣ должны помнить о Томъ, Кто вѣщалъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы.* Иди во святую

TIGHT BINDING

обитель, и да будетъ надъ тобою благодать Господня!—сказалъ Петръ I.

— Я избираю монастырь Новодѣвичій. Тамъ сокроюсь отъ міра и отъ людей. Пусть они забудутъ, что существовала нѣкогда царевна Софія! А ты, государь. благоденствуй, живи и царствуй счастливо. Да будетъ миръ и тишина въ предѣлахъ земли русской; да возвеселится народъ подъ правленіемъ мудраго монарха! Такъ говорила царевна трепещущимъ голосомъ и со слезами.

Государь сказалъ:

— Но царевна, вѣроятно ты дѣйствовала не одна. Скажи мнѣ, кто твои соумышленники, кто служилъ орудіемъ для исполненія твоихъ намѣреній?

— Кто, государь? Ахъ! не спрашивай меня объ этихъ несчастливцахъ: они увлечены были моею хитростію; я умѣла заманить ихъ въ свои сѣти. Женщина предпріимчивѣе мужчины!—сказала царевна.

— Ты хочешь скрыть отъ меня имена ихъ, и тѣмъ подаешь поводъ къ подозрѣнію; я теперь буду недовѣрчивъ и съ самыми ближними боярами.

— Не подозрѣвай никого изъ нихъ: они не участвовали. Будь увѣренъ, государь, что они теперь не измѣнятъ; и потому прошу и умоляю: не спрашивай о нихъ. Предай забвенію все прошедшее!...

Софія взглянула умилительно на брата и, казалось, ожидала приговора. Петръ I прошолъ раза три по комнатѣ и потомъ, взявши за руку сестру, сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Ну, Софья, такъ тому и быть! Пусть не знаю я своихъ непріятелей; я прощаю ихъ!

Царь Петръ Алексѣевичъ обнялъ сестру, поцѣловалъ и сказалъ, перекрестившись:

Благодарю Тебя, Спаситель міра! Ты сохранилъ меня подъ Своимъ покровомъ, защитилъ отъ злодѣевъ!

Потомъ опять прошолъ по комнатѣ.

Молчаніе продолжалось нѣсколько времени.

Софія сидѣла, склонивши голову, и изрѣдка обтирала платкомъ глаза.

Петръ I иногда бросалъ на нее значительные взгляды, какъ бы желая проникнуть въ ея помыслы.

Примѣтно было на лицѣ его бореніе: то вспы-

хнвало оно негодованіемъ, то покрывалось минутнымъ блескомъ радости.

Казалось, что онъ соображалъ въ умѣ своемъ обстоятельства теперешняго дня, раскаяніе сестры, желаніе ея. Онъ никакъ не могъ убѣдиться въ ея чистосердечіи. Онъ зналъ отъ князя Долгорукаго, что ночью было у нея совѣщаніе, и что положено его убить.

— Софья! когда же ты исполнишь свое намѣреніе? — спросилъ онъ, бросивъ испытующій взглядъ.

— Прежде, нежели ты думаешь: нынче же переѣду я въ монастырь!—сказала Софія.

Государь, Петръ Алексѣевичъ былъ въ своемъ кабинетѣ съ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ.

— Ты говоришь, что сестра моя рѣшительно положилась погубить меня? — спросилъ Петръ. послѣ нѣкотораго молчанія и выходя изъ задумчивости, вѣроятно причиненной словами боярина.

— Да, государь, я точно говорю тебѣ, что она ненавидитъ тебя. Въ послѣднемъ совѣщаніи она сказала рѣшительно, что пока жизнь ея продлится, она будетъ непримиримымъ врагомъ твоимъ, и, что рано ли, поздно ли, она достиг-

нетъ своей цѣли: будетъ на престолѣ русскомъ. Напрасно я старался вывести ее изъ ослѣпленія и представлялъ весь ужасъ положенія ея,— она запретила мнѣ говорить. Сотрудники ея: Циклеръ, Волынскій, Сильверстовъ и Лясинскій кричали шибче другихъ проклятія тебѣ и всѣмъ твоимъ любимцамъ: князю Якову Ѳедоровичу Долгорукову, Александру Даниловичу Меньщикову, Францу Яковлевичу Лефорту и многимъ другимъ, которымъ ты оказываешь особенныя милости. Въ три часа утра совѣщаніе окончилось, и царевна поѣхала, въ твердой надеждѣ возвратиться вечеромъ во дворецъ царицею!—говорилъ Шереметевъ.

— Увидимъ, возвратится ли она. О, сестра! Что ты предпринимаешь! на что рѣшаешься! Ты забыла узы родства, насъ соединяющія; забыла, что потомство наименуетъ тебя братоубійцею!... Не буду отвѣчать я Господу, если польется кровь; если падутъ жертвы ослѣпленія и измѣны!

— Пора обѣдать. Скажи, чтобы подали мнѣ анисовой водки!—сказалъ государь, и Шереметевъ вышелъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ опять возвра-

тился въ сопровожденіи служителя, который несъ въ рукахъ большой серебряный подносъ, на которомъ стоялъ стаканъ, налитой анисовою водкою. На тарелкѣ лежалъ ломоть ржанаго хлѣба и серебряная соломка.

Государь выпилъ водку и много насолилъ ломоть.

Обѣдъ его окончился въ четвертомъ часу. За столомъ онъ былъ разговорчивъ и даже веселъ, шутилъ съ Францемъ Яковлевичемъ Лефортомъ, который привелъ роту, и съ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ.

Казалось, будущее не его касалось. Онъ такъ былъ спокоенъ. Можетъ быть, полная надежда на помощь Всевышняго Творца обладала его чувствомъ.

По окончаніи обѣда онъ вышелъ на балконъ дворца и долго любовался красотою Москвы, романическими видами окрестностей. Съ нимъ были Шереметевъ и Лефортъ.

Въ то же время, въ домѣ камергера Волынскаго, находившемся на Пречистенкѣ, происходила ужаснѣйшая суматоха. Димитрій Васильевичъ повсюду бѣгалъ, украшалъ огромную залу

модными креслами, картинами, столами, разстилалъ по полу дорогіе ковры.

Такимъ образомъ невидимо для него шло время, и часы пробили уже пять, а кукушка проиграла какую-то старинную пѣсню.

Комната, въ которой находилась родильница, была обита зелеными, иностранными обоями; большія окна закрывались бѣлыми занавѣсами, чтобы свѣтъ не могъ вредить слабому ея зрѣнію

Супруга Волынскаго, лежала въ богатой постелѣ, пышно одѣтая. Блѣдное лицо ея было увлажено слезами, и она болѣе походила на мертвую женщину. Подлѣ постели стояла кроватка новорожденнаго, мастерски отдѣланная. На четвероугольной скамьѣ, покрытой пунцовымъ бархатомъ, сидѣла старушка—мамушка новорожденнаго. Примѣтна была на лицѣ ея тоска. Казалось, что супруга Волынскаго и эта мамушка были обреченными жертвами. Что-то жалкое виднѣлось въ ихъ лицахъ.

Димитрій Васильевичъ часто вбѣгалъ къ супругѣ и любовался богатствомъ ея одежды, постелью и комнатою, но къ ней самой оказывалъ явную холодность.

Такъ шло время.

Часу въ шестомъ пришелъ Лясинскій и, нашедши Волынскаго въ залѣ, отозвалъ въ кабинетъ, и тамъ, заперѣвши за собою дверь, отдалъ ему небольшую стклянку, наполненную порошкомъ бѣловатато цвѣта.

Волынскій взялъ, дружески пожалъ ему руку и поблагодарилъ его. Потомъ пошли оба въ залу и дожидались пріѣзда гостей и государя.

Скоро явились Циклеръ, Сильверстовъ, Шереметевъ, многіе полковники и сотники стрѣлецкіе. Прибылъ также и князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій съ Александромъ Даниловичемъ Меньщиковымъ, и сказали, что и государь не замедлитъ пріѣхать.

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ полчаса онъ прибыли внимательно, милостиво раскланялся съ боярами, его окружившими; дружески пожалъ руку хозяину и сказалъ нѣсколько привѣтствій; похвалилъ убранство комнаты и замѣтилъ, что онъ неожидалъ найти такого богатства и украшенія; сказалъ нѣсколько словъ о картинахъ, судилъ о живописи и, однимъ словомъ, былъ веселъ и не показывалъ ни малѣйшаго безпокойства.

Наконецъ наступило время отъѣзда въ церковь.

Прелестный, богатый берлинъ, запряженный въ шесть статныхъ и красивыхъ коней, назначенъ былъ для новорожденнаго. Мамушка, одѣтая въ богатый свѣтлосиній бархатный сарафанъ и повязанная красивымъ золотистымъ платкомъ, держала на рукахъ младенца. Другая—старушка, одѣтая простѣе, сѣла также съ ней; эта старушка была повивальною бабкою у Волынской. Подлѣ берлина верхами ѣхали два гайдука, отлично одѣтые и залитые золотомъ. Впереди шелъ скороходъ, который очищалъ дорогу отъ проѣзжихъ и прохожихъ.

За этимъ берлиномъ слѣдовалъ берлинъ государя, который сидѣлъ съ Менщиковымъ и Шереметевымъ; потомъ слѣдовалъ берлинъ крестной матери, супруги Шереметева. Въ продолженіе дороги государь замѣтилъ имъ на счетъ богатства Волынскаго и, качая сомнительно головою, говорилъ:—Я не ожидалъ! Да откуда оно?

Церковь была недалеко, и потому скоро прибыли въ нее.

Торжественно совершился обрядъ крещенія, и государь благословилъ младенца. Супруга Шереметева была матерью, и надѣла на крестнаго сына своего сорочку.

По окончаніи крещенія, поѣздъ отправился въ въ томъ же порядкѣ домой.

Государь, по прибытіи, пошелъ къ Волынской, поцѣловалъ ее, и положилъ что-то подъ подушку. Въ ту минуту, когда государь поздравилъ Волынскую съ благословеніемъ небеснымъ, она глубоко, тяжело вздохнула и отерла навернувшіяся слезы....

Царь видѣлъ ихъ и взглянулъ значительно на Шереметева, который понялъ его и также вздохнулъ.

— Теперь я исполнилъ желаніе твое. Димитрій Васильевичъ, и ѣду домой,—сказалъ государь, выходя изъ спальни Волынской.

— Я еще, государь, осмѣлюсь васъ просить— выпить бокалъ заздравный и пожаловать въ залу, въ которой дожидаются васъ всѣ гости, — сказалъ Димитрій Васильевичъ, униженно кланяясь.

— Изволь, радъ исполнить и эту просьбу, и выпью за здоровье новорожденнаго, — сказалъ царь съ благосклонною улыбкою, и пошелъ въ залу.

Со входомъ его сдѣлалось всеобщее смятеніе. На лицахъ нѣкоторыхъ изобразился страхъ. —

Государь, казалось, не примѣчалъ этого, и подошелъ къ Циклеру, спросилъ его о состоянiи полковъ. Потомъ говорилъ съ судьею Сильверстовымъ о какомъ-то запутанномъ тяжебномъ дѣлѣ, которое онъ производилъ; говорилъ съ прочими, и такимъ образомъ провелъ нѣсколько времени.

Вдругъ растворилась боковая дверь, и четыре служителя, одинаково одѣтые, съ большими подносами, установленными бокалами, вошли въ залу.

Самъ же хозяинъ, на серебряномъ блюдѣ, поднесъ государю золотую стопу и сталъ на колѣни, чтобы изъявить болѣе высокопочитанiя особѣ царя.

Государь принялъ стопу и приказалъ подносить всѣмъ гостямъ, которые также встали съ своихъ мѣстъ, приняли бокалы и остановились въ ожиданiи, чѣмъ кончится эта сцена.

Вдругъ государь подалъ стопу назадъ Волынскому и сказалъ ему ласково:

— Выпей за мое здоровье, потомъ я стану пить за здоровье твоего сына.

Волынскiй поблѣднѣлъ и, молча кланялся, не принимая стопы.

— Я прошу тебя, исполни мою просьбу, выпей за мое здоровье. И вы, господа послѣдуйте его примѣру!—сказалъ Петръ Алексѣевичъ, обращаясь къ прочимъ.

Всѣ поклонились.

— Могу ли я осквернить своими устами питіе, назначенное для великаго монарха? Нѣтъ, государь, я не могу посягнуть на это!—сказалъ Волынскій трепещущимъ голосомъ.

Петръ улыбнулся и повторилъ еще просьбу, но Волынскій опять отговаривался.

Вдругъ Волынскій почувствовалъ сильнѣйшее сотрясеніе, слабость въ рукахъ; тяжелый подносъ выпалъ—и бокалъ упалъ на лицо и облилъ его.

Несчастный Димитрій Васильевичъ закашлялся и упалъ на землю.... Въ то же время Меншиковъ выстрѣлилъ изъ пистолата, и Лефортъ со стрѣльцами вбѣжалъ въ комнату.

— Вяжи измѣнниковъ!—закричалъ государь, и поспѣшилъ выдти вонъ.

Прежде, нежели несчастные соумышленники опомнились, они уже были перевязаны и стояли подъ стражею.

Несчастный Волынскій катался по полу и сто-

налъ отъ внутреннихъ страданій. Лицо его постепенно мертвѣло, губы синѣли, глаза мрачились. — Нѣсколько минутъ продолжались предсмертныя судороги, и наконецъ онъ протянулся и испустилъ послѣднее дыханіе... Легкій, синеватый дымокъ вышелъ изъ его рта и доказалъ, что внутренность преступника была воспламенена.

Государь отправилъ тотчасъ отрядъ стрѣльцовъ съ Шереметевымъ—взять по стражу сестру свою.—Преступниковъ велѣлъ онъ посадить въ арестантскую и наблюдать подъ строгимъ карауломъ.

Домъ Волынскаго приказалъ окружить стрѣльцами и запретилъ имъ строго выпускать изъ него.

Что дѣлалъ царь въ Парижѣ.

Вовремя своего пребыванія въ Парижѣ, царь обѣдалъ очень поздно и не ужинавъ, ложился спать рано; онъ всякій день купался; съ нимъ садилось за столъ 14 человѣкъ, всей же свиты съ нимъ было до [illegible] человѣкъ; прислугу свою онъ одѣлъ

во французское платье изъ зеленой матеріи съ золотымъ галуномъ. Король прислалъ ему для разъѣздовъ свою карету, запряженную въ шесть лошадей, но онъ просилъ оставить только двѣ. Всякій день, съ ранняго утра, вездѣ осматривалъ онъ внимательно все, что ему было любопытно въ научномъ или художественномъ отношеніяхъ. Если какая нибудь вещь привлекала особенно его вниманіе, то ее относили къ нему въ комнату, чтобы на досугѣ онъ могъ разсмотрѣть ее. Но какъ ни казался царь занятымъ окружавшими его предметами, это не мѣшало ему имѣть частыя совѣщанія съ королевскими министрами и особенно съ маршаломъ Тессе.

Нѣкоторые музыканты изъ оперной труппы просились къ царю на службу, но получили отказъ. Счастливѣе ихъ были французскіе купцы, которыхъ предложенія были приняты.

Въ то время въ Парижѣ полагали, что предметомъ частыхъ совѣщаній съ маршаломъ Тессе былъ торговый трактатъ, а не сѣверный миръ; говорили даже, что царь только и ждалъ подписанія столь выгоднаго для Франціи трактата, чтобы уѣхать.

Любознательность Петра была такова, что онъ

неоднократно съ Куракинымъ и другими лицами изъ своей свиты отправлялся къ Бутерфильду (Buterfield), мастеру математическихъ инструментовъ, чтобы видѣть опыты съ магнитомъ и другіе. Бутерфильдъ говорилъ съ Петромъ по голландски, безъ переводчика; царь заказалъ ему нѣсколько инструментовъ. Потомъ отъ Бутерьфильда онъ отправлялся осматривать кабинетъ рѣдкостей г. Пажо д'Озембрей (Pajo d'Ozembray); отецъ Себастіанъ (Sebastien), кармелитъ и знаменитый математикъ, дѣлалъ въ присутствіи царя различные опыты, которыми Петръ оставался очень доволенъ.

Петръ былъ высокаго роста, очень хорошо сложенъ, худощавъ, лице было смуглое, оживленное большими глазами, взглядъ которыхъ былъ проницательный, иногда суровый, особенно когда у него дѣлались судороги въ лицѣ, которыя искажали совершенно его выраженіе; при пріемахъ, лице его дѣлалось привѣтливо и красиво, хотя постоянно сохраняло свое величіе. Движенія его были грубы и быстры и показывали пылкость его характера и силу страстей. Его душевная дѣятельность не стѣснялась никакимъ приличіемъ. Величіе, смѣшанное съ

дерзостію, обнаруживало въ немъ человѣка, который чувствовалъ себя вездѣ первымъ. Привычка властвовать была причиною, что его желанія, прихоти, приказанія скоро смѣнялись: онъ не терпѣлъ препятствій времени, мѣстности, обстоятельствъ. Иногда наскученный, но никогда не стесненный, толпою любопытныхъ, онъ распускалъ ихъ однимъ словомъ, или знакомъ, или уходилъ, куда его влекла любознательность. Если его кареты не было у подъѣзда, онъ садился въ первую попавшуюся, даже извощичью, однажды онъ сѣлъ въ карету жены маршала Матиньонъ, которая пріѣхала къ нему съ визитомъ и уѣхалъ въ Булонскій лѣсъ. Одѣвался онъ просто: суконный камзолъ, широкій кушакъ, къ которому пристегнута была шпага, круглый парикъ, безъ пудры, до затылка, рубашка безъ манжетъ. Въ бытность въ Парижѣ онъ заказалъ себѣ новый парикъ; парикмахеръ счелъ лучшимъ сдѣлать его по модѣ, длинный и густой; царь самъ ножницами обрѣзалъ его по образцу, какъ прежде носилъ. Вотъ какимъ описываютъ современники иностранцы великаго Петра.

Царь—академикъ.

Когда Петръ I возвратился въ Россію, то получилъ извѣстіе объ избраніи его членомъ Парижской Академіи Наукъ. Аббатъ Биньонъ, письмомъ отъ 10 августа 1717 года, увѣдомилъ о томъ лейбъ-медика царскаго Арескина, который отвѣчалъ на это письмо только 17 ноября, извиняясь въ позднемъ отвѣтѣ утомительнымъ путешествіемъ и многотрудными дѣлами. Далѣе Арескинъ говоритъ: «Его величеству весьма пріятно, что ваше знаменитое собраніе удостоило его принятіемъ въ число своихъ членовъ, представляя ему свои благородные труды съ 1699 года, принадлежащіе по праву каждому академику. Онъ при случаѣ постарается засвидѣтельствовать вамъ свою за то благодарность. Его величество также одобряетъ ваше, милостивый государь, мнѣніе, что передъ наукою отличіе состоитъ не столько въ высокомъ званіи, сколько въ геніѣ, талантахъ и трудолюбіи, а тщательными своими изысканіями всѣхъ возможныхъ рѣдкостей и открытій въ своихъ владѣніяхъ и сообщеніемъ оныхъ Академіи, его величество постарается за-

служить имя полезнаго члена вашего знаменитаго собранія *).»

По выслушаніи этого письма, «все собраніе», говоритъ протоколъ засѣданія (въ среду, 22 декабря 1717 года) бывшаго подъ предсѣдательствомъ аббата Биньона, рѣшило единогласно и безъ балотировки признать царя академиковъ *hors de tout rang* и возложило на президента всепокорнѣйше возблагодарить его величество отъ имени всей Академіи.»

Въ письмѣ отъ 24 декабря 1717 года, на имя государя, Биньонъ изъясняетъ чувства признательсти и радости всей Академіи при извѣстіи о приянтіи царемъ званія академика, говоритъ, что г. секретарю академіи Фонтенелю поручено написать благодарственный отвѣтъ и продолжаетъ: «Никто лучше его (Фонтенеля) не въ состояніи того исполнить. Онъ уже показалъ опыты своего искуства во всѣхъ родахъ и особенно богатъ прекрасными и изящными выраженіями; и такъ, предоставляя ему сказать вашему величеству то, что прилично при подобномъ

*) Смотр. Маякъ 1840 г. стр. 2.

случаѣ, ограничу себя увѣреніемъ, что между нами нѣтъ ни одного, который бы охотно ни приложилъ стараній своихъ къ тому, что можетъ вамъ быть угодно. Вашему величеству стоитъ только повелѣть: вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, что нѣтъ науки, въ которой бы кто нибудь изъ членовъ академіи не могъ васъ удовлетворить. Мы всегда почтемъ особенною милостію, если вашему величеству угодно намъ будетъ что нибудь приказать. Сіе чувство происходитъ не отъ уваженія должнаго вашему сану: оно есть дань удивленія, въ которое насъ приводятъ великія предначертанія, васъ всегда занимавшія, и къ которымъ присоединить можно одно только желаніе, чтобъ въ климатѣ, куда до сего еще съ трудомъ проникали искуства и науки, нашлись люди, могущіе сотвѣтствовать блистательнымъ видамъ вашего величества» и проч. *).

Благодарственный отвѣтъ Фонтенеля государю былъ написанъ 13 января 1718 года. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ между прочимъ: «Науки,

---

*) Это письмо напечатано въ Отеч. Запискахъ 1821 г. ч. V, стр. 180.

для пользы которыхъ угодно вамъ было сойти къ состоянію частнаго человѣка, движимыя должною признательностію, поставятъ васъ на ряду съ величайшими монархами, съ Августами и Карлами великими. Умножать число подданныхъ оружіемъ, что исполнено вашимъ величествомъ, есть слава весьма обыкновенная для государей, но гораздо необыкновеннѣе усовершенствованіе народа и проч.

Перенесеніе мощей св Александра Невскаго.

Въ 1722 году императоръ поручилъ одному искустному московскому золотыхъ дѣлъ мастеру изготовить 40 орденскихъ крестовъ. Онъ имѣлъ въ виду учредить орденъ въ честь св. Александра, который за славную побѣду, одержанную на берегахъ Невы надъ шведами былъ наименованъ *Невскимъ*. Впродолженіи шести вѣковъ тѣло его покоилось во Владимірѣ, главномъ городѣ княженія, который принадлежалъ къ числу древнихъ городовъ, носившихъ названіе царскихъ резиденцій. Послѣ воинственной и славной жиз-

ни, онъ окончилъ дни свои въ одномъ изъ монастырей. Императоръ основалъ монастырь на самомъ мѣстѣ славнаго сраженія, и такъ какъ онъ былъ уже почти оконченъ, то приказалъ перенести туда мощи святаго. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ провозили въ сопровожденіи множество священниковъ, монаховъ и богомольцевъ, отдавались великія почести. Изъ Петербурга до новаго монастыря святыя мощи святаго везли по той самой рѣкѣ, надъ которой когда-то развѣвалось знамя, водруженное на его предводительской ладьѣ. Серебряный, гробъ его, былъ вызолоченъ и поставленный на высокой эстрадѣ подъ богатымъ болдахиномъ, удивлялъ русъ-народъ, толпившійся по берегамъ рѣки. Императорская фамилія и всѣ знатныя особы, находившіяся въ Петербургѣ слѣдовали позади на флотиліи богато украшенныхъ барокъ и шлюпокъ. Духовенство, въ великолѣпныхъ облаченіяхъ, встрѣтило святаго на берегу, и такъ какъ церковь не была еще совершенно отстроена, то офицеры, которые несли гробъ, поставили его въ часовнѣ. Этою почестью, оказанною памяти Святаго, служившаго такъ достойно Богу и отечеству, Императоръ очистилъ себя отъ по-

дозрѣнія раскольниками распространеннаго въ намѣреніи уничтожить совершенно поклоненіе, воздаваемое греческою церковью своимъ патронамъ на небѣ, и Невскій монастырь сдѣлался удобнымъ мѣстомъ богомолья для Императорской фамиліи. Учрежденіе ордена св. Александра, однакожь покамѣстъ не было приведено въ исполненіе и состоялось только въ царствованіе Екатерины, при бракосочетаніи принцессы Анны. Она пожаловала его тогда всѣмъ наличнымъ Андреевскимъ кавалерамъ, даже герцогу Голштинскому, желая показать, что этотъ новый орденъ будетъ служить степенью для достиженія другаго (т. е. андреевскаго). И до сихъ поръ имъ жалуютъ только генералъ-лейтенантовъ или имѣющихъ соотвѣтствующій имъ чинъ.

Манифестъ о восшествіи на тронъ Екатерины первой.

Екатерина супруга Петра 1-го было вполнѣ достойна Русскаго скипетра. Сенаторы, генералы и знатнѣйшія духовныя лица въ тотъ же часъ составили и подписали манифестъ о превозгла-

шеніи ея императрицею. Документъ этотъ заслуживаетъ здѣсь, свое мѣсто потому что опровергаетъ разсказы нѣкоторыхъ писателей объ устномъ завѣщаніи Петра великаго, будто бы объявленномъ имъ передъ государственными сановниками, собравшимися вокругъ его постели. Вотъ онъ: *).

«Вѣдомо да будетъ всѣмъ, что по волѣ всемогущаго Господа Бога, всепресвѣтлѣйшій державнѣйшій Петръ великій, императоръ и самодержецъ Всероссійскій, отецъ отечества, государь всемилостивѣйшій, чрезъ двадцати-дневную жестокую болѣзнь отъ сего временнаго житія въ вѣчное блаженство отъиде; а о наслѣдствѣ престола Россійскаго не токмо единымъ его императорскаго величества, блаженной и вѣчно достойной памяти, манифестомъ февраля 5-го дня прошлаго 1722 года въ народъ объявлено, но и присягою подтвердили всѣ чины государства Россійскаго, дабы быть наслѣдникомъ тому, кго по волѣ Императора будетъ избранъ. А понеже въ 1724 году удостоилъ короною и по-

*) Текстъ этого замѣчательнаго манифеста, напечатанъ въ Пол. Соб. Зак. Т. VII, № 4643, отъ 28 января 1725.

мазаніемъ любезнѣйшую свою супругу, великую государыню нашу, императрицу Екатерину Алексѣевну, за ея къ Россійскому государству мужественные труды, какъ о томъ довольно объявлено въ народѣ печатнымъ указомъ прошлаго 1723 года ноября 15-го числа: того для Святѣйшій Сѵнодъ и высокоправительствующій сенатъ и генералитетъ согласно приказали во всенародное извѣстіе объявить печатными листами, дабы всѣ какъ духовнаго, такъ воинскаго и гражданскаго чина и достоинства люди о томъ вѣдали и ей, всемилостивѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ Екатерины Алексѣевнѣ, самодержицѣ Всероссійской вѣрно служили».

Разсказъ Ѳеофана Прокоповича о восшествіи на престолъ Императрицы Екатерины I.

Ѳеофанъ Прокоповичъ принадлежалъ къ числу великихъ и вѣрныхъ помощниковъ Петра Великаго по духовному управленію Русской церкви, онъ обладалъ къ тому же краснорѣчіемъ, обра-

зецъ котораго можно видѣть изъ разсказа гдѣ между прочимъ онъ говоритъ, что во время болѣзни монархъ показалъ горячую привязанность къ своей религіи, и что послѣ общей консультаціи всѣхъ петербургскихъ медиковъ, увѣрившись въ опасности своего положенія, которое хорошо понималъ, зная устройство человѣческаго тѣла и характеръ своей болѣзни, онъ повелѣлъ повсемѣстно освободить и избавить отъ всякаго взысканія и наказанія лицъ, содержавшихся по обвиненіямъ въ оскорбленіи величества и въ воровствѣ, дабы они молились за упокой его души. Вотъ какъ разсказываетъ архіепископъ о восшествіи императрицы на престолъ:

«Мы считаемъ своею обязанностью разсказать, «въ какомъ положеніи находились между тѣмъ «дѣла общественныя. Вечеромъ, передъ кончи«ной императора, сенаторы и члены сѵнода по«ложили между собою, что если по волѣ Божіей «они лишатся своего отца, то безотлагательно «соберутся, чтобы прежде чѣмъ народъ узнаетъ «о смерти монарха, принять необходимыя мѣры «для сохраненія общественнаго спокойствія. Все «это и было исполнено. Лишь только распростра«нилась печальная вѣсть, всѣ сенаторы, глав-

«ные генералы и нѣкоторые изъ бояръ собрались «во дворцѣ вмѣстѣ съ четырьмя членами Сѵно«да, которые провели тамъ ночь, и приступили «къ совѣщаніямъ о наслѣдованіи простола. По «мнѣнію большой части изъ нихъ оно принадле«жало царственной вдовѣ, которая, въ силу сво«его коронованія, имѣла даже неоспоримое пра«во на управленіе государствомъ безъ всякаго «избранія. Другіе полагали, что коронованіе не «можетъ давать столь обширныхъ правъ, пото«му что у большей части другихъ народовъ су«пруги государей коронуются, не получая правъ «на наслѣдованіе престола. Но нѣкоторыя ука«казали на цѣль, съ которою императоръ коро«новалъ свою супругу, и объявили, что до по«хода въ Персію, онъ объяснялъ свои виды че«тыремъ сенаторамъ и двумъ членамъ синода, «находившимся теперь въ числѣ присутствовав«шимъ на совѣщаніи, сказавъ: что хотя въ Рос«сіи и нѣтъ такого обычія, но что необходимость «требуетъ этого, дабы послѣ смерти престолъ «не оставался празднымъ, и присутстіе наслѣд«ника не подавало бы никакого повода къ смятенію «и недоразумѣніямъ. Когда слышавшіе слова эти «изъ устъ самаго императора засвидѣтельства-

«ли ихъ достовѣрность, всѣ согласились, что «парствовать должна августѣйшая Екатерина. «Послѣ того возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли обра«титься къ мнѣнію народа и войска, или по «крайней мѣрѣ, офицеровъ; но многіе, и въ осо«бенности генералитетъ, воспротивились тому, «утверждая, что всякое промедленіе будетъ опа«сно, и что дѣло идетъ вовсе не объ избраніи, «такъ какъ рѣшено уже, кому принадлежитъ «право наслѣдованія. Тогда единодушно поста«новлено было считать настоящую конференцію «собравшеюся не для избранія, а лишь для тор«жественной декларацiи. Немедленно составленъ «былъ манифестъ, который подписали всѣ при«сутствовавшіе въ собраніи, и который потомъ «разосланъ былъ во всѣ губерніи имперіи. Се«натъ, Сунодъ и генералитетъ возвѣщали имъ «о кончинѣ Императора, о восшествіи на пре«столъ августѣйшей Екатерины и приглашали «всѣхъ подданныхъ государства къ присягѣ и «повиновенію Ея Величеству. Послѣ того собра«ніе испросило себѣ аудіенцію у императрицы, «и когда государыня вышла изъ комнаты покой«наго императора, оно стало умолять ея не от«казываться отъ принятія на себя бремени прав-

«ленія, порученнаго ей Богомъ и вѣчно достой-«ныя памяти супругомъ ея. Слезы и горесть не «давали ей много говорить, но въ знакъ своего сог-«ласія она протянула правую руку для цѣлова-«нія. Такъ по милости Божіей, менѣе чѣмъ въ «часъ времени, окончилось это великое дѣло.»

Тѣло великаго Императора было съ пышною церемоніею предано землѣ въ церкви Петропавлоской крѣпости, и вмѣстѣ съ нимъ погребена младшая шестилѣтняя дочь покойнаго Наталья Петровна, развитая не по лѣтамъ и умершей съ горя, причиненнаго ей кончиною родителя.

Напечатано въ Гамбургѣ въ 1725 году въ 4°.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стр

Предисловіе I
Бракосочетаніе царя Алексѣя Михаиловича съ Натальей Кириловной Нарышкиной 7
Предсказаніе о рожденіи и славѣ Петра Алексѣевича 14
Образъ жизни Петра Великаго 22
Справедливость 24
Любознательность 27
Вѣротерпимость 29
Усердіе къ вѣрѣ 32
Уваженіе къ добрымъ дѣламъ и наказаніе завзятки 37
Строгость 43
Память 45
Скорая расправа 49
Строгіе исполненіе законовъ 51
Милость злодѣю 54
Любовь къ отечеству и къ подданнымъ 55
Любовь къ наукамъ и искусствамъ.
I. Любовь къ художеству 65

Любовь къ ремеслу.

Стр.

Петръ I кузнецъ..... 84
Петръ I фабрикантъ..... 87

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Петръ Великій солдатъ и морякъ..... 5
— — Врачь Хирургъ..... 8
— — Музыкантъ и любитель..... 13
Бережливость Петра Великаго..... 17
Благосклонность Петра Перваго къ иностраннымъ офицерамъ, мастерамъ и другимъ полезнымъ дѣятелямъ..... 19
Нелюбовь къ пышности..... 26
Неустрашимость Петра Великаго..... 29
Путешествіе Петра Перваго (отвѣтъ Вильяму королю Англійскому)..... 37
Заключеніе объ Англійскомъ дворѣ..... 38
Петръ Первый въ Виртенбергѣ..... 39
Петръ Первый въ Берлинѣ..... 42

Стр.

Петръ Великій въ Парижѣ..... 46
Заботы Петра Великаго о развитіи грамотности... 54
Начало СПбурга 62
Народныя гулянья..... 79
Наглядное поученіе въ лѣтнемъ саду..... 81

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Продолженіе разсказа: Наглядное поученіе народа въ лѣтнемъ саду 5
Мнѣніе объ Евреяхъ 8
— объ Іезуитахъ..... 11
Мысль о хозяйствѣ..... 14
— о полевой охотѣ 15
Мнѣніе о Священномъ писаніи..... 16
За здравный тостъ 20
Десятокъ яицъ 22
На зубокъ..... 24
Коленопреклоненіе..... 26
Мнѣніе объ утайкѣ пошлиннаго товара 27
Мнѣніе о картахъ..... 28
Петръ I покоритель и защитникъ 29
Кунсткамера..... 31

Любовь къ ремеслу.

Стр.

Петръ I кузнецъ..... 84
Петръ I фабрикантъ..... 87

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Петръ Великій солдатъ и морякъ..... 5
— — Врачь Хирургъ..... 8
— — Музыкантъ и любитель..... 13
Бережливость Петра Великаго..... 17
Благосклонность Петра Перваго къ иностраннымъ офицерамъ, мастерамъ и другимъ полезнымъ дѣятелямъ..... 19
Нелюбовь къ пышности..... 26
Неустрашимость Петра Великаго..... 29
Путешествіе Петра Перваго (отвѣтъ Вильяму королю Англійскому)..... 37
Заключеніе объ Англійскомъ дворѣ..... 38
Петръ Первый въ Виртенбергѣ..... 39
Петръ Первый въ Берлинѣ..... 42

Стр.

Петръ Великій въ Парижѣ..... 46
Заботы Петра Великаго о развитіи грамотности... 54
Начало СПбурга 62
Народныя гулянья..... 79
Наглядное поученіе въ лѣтнемъ саду..... 81

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Продолженіе разсказа: Наглядное поученіе народа въ лѣтнемъ саду 5
Мнѣніе объ Евреяхъ 8
— объ Іезуитахъ..... 11
Мысль о хозяйствѣ..... 14
— о полевой охотѣ 15
Мнѣніе о Священномъ писаніи..... 16
За здравный тостъ 20
Десятокъ яицъ 22
На зубокъ..... 24
Коленопреклоненіе..... 26
Мнѣніе объ утайкѣ пошлиннаго товара..... 27
Мнѣніе о картахъ..... 28
Петръ I покоритель и защитникъ 29
Кунсткамера..... 31

Стр.

Наказаніе неблагодарныхъ..... 34
Предвѣщатель..... 38
Воровство..... 41
Любовь къ правдѣ..... 42
Мысль и сокрушеніе Петра Великаго о Карлѣ XII. 45
Ложное чудо..... 49
Суевѣріе финлянцевъ..... 51
Основаніе С.-Петербурскихъ госпиталей..... 53
Русскія лапти..... 55
Неустрашимость..... 56
Учрежденіе Св. Прав. Сѵнода..... 60
Учрежденіе Академіи наукъ..... 62
Уваженіе Петра Великаго къ дѣламъ Грознаго.... 64
Совѣтъ послу..... 66
Образецъ письма Петра Великаго..... 69
Кончина Петра Великаго,..... 72
Рѣдкости, оставшіяся послѣ Петра Великаго..... 79

Прибавленіе.

Покушеніе на жизнь Петра I (Выдержки изъ романа.) 133
Что дѣлалъ царь въ Парижѣ..... 133
Царь академикъ..... 137
Перенесеніе мощей св. Александра Невскага..... 140
Манифестъ о восшествіи на тронъ Екатерины первой..... 143
Разсказъ Ѳеофана Прокоповича о восшествіи на престолъ императрицы Екатерины первой..... 145

Ѳ. Ростку

W381.5917L-Ev79a
W117119 starlock
Y41879/2190